

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»**

на правах рукописи

ДОСАЕВА Глера Сулеймановна

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ
МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**12.00.08–уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

**Научный консультант:
Заслуженный юрист РФ
доктор юридических наук, профессор
А.В. Бриллиантов**

Москва - 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
РАЗДЕЛ I. ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	21
Глава I. Генезис уголовно-правовых норм о противодействии множественности преступлений в России X–начала XX века	21
§1. Зарождение и нормативное воплощение идеи уголовно-правового противодействия множественности преступлений в отечественном праве X–конца XVIII веков	21
§2. Эволюция уголовно-правовых норм и теоретических оценок множественности преступлений в России XIX–начала XX веков	54
Глава II. Развитие института множественности преступлений в российском уголовном праве XX–XXI века	91
§1. Множественность преступлений в уголовном праве России XX столетия (советский период)	91
§2. Институт множественности преступлений в системе современного российского уголовного права	125
РАЗДЕЛ II. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	167
Глава III. Множественность преступлений как предмет уголовно-правового воздействия	167
§1. Статистические, социальные и криминологические аспекты множественности преступлений	167
§2. Понятие, признаки и социально-криминологические основания множественности преступлений как уголовно-правового феномена	198
Глава IV. Роль и возможности уголовного права в противодействии множественности преступлений	233
§1. Перспективы совершенствования уголовного закона в части противодействия множественности преступлений	233
§2. Актуальные проблемы квалификации множественности преступлений	260
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	290
БИБЛИОГРАФИЯ	296
ПРИЛОЖЕНИЯ	338

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Нормативная регламентация, юридическая квалификация и теоретический анализ социально-правового феномена множественности преступлений порождает целый ряд сложных вопросов. К числу наиболее значимых при этом относятся: установление основных направлений генезиса уголовно-правовых предписаний относительно множественности преступлений; определение социальных оснований конструирования правовых предписаний о множественности преступлений и усиления ответственности за нее; институционализация соответствующих уголовно-правовых норм и оценка их достаточности для обеспечения полноценного и беспробельного уголовно-правового регулирования; принципиальное решение вопроса о соотношении общественной опасности множественности преступлений и опасности лица, совершающего несколько преступных деяний; теоретическое обоснование проблем разграничения множественности преступлений и единичного сложного преступления и некоторые другие.

Последовательный анализ и разрешение означенных проблем, формирование непротиворечивой, действенной и эффективной теоретической и нормативной концепции множественности преступлений являются актуальными требованиями современности. Отечественная наука призвана разработать новый подход к оценке множественности преступлений в поведении лица – подход, который сочетал бы в себе и всестороннюю оценку множественной преступной деятельности, и разумные ограничения наказуемости множественности, и качественное профилактическое воздействие на лиц, склонных к повторению преступлений, и гуманное отношение к личности, чей конфликт с уголовным законом исчерпан.

Особую значимость разработка новой концепции множественности преступлений приобретает в свете отчетливо наметившейся тенденции масштабного обновления отечественного уголовного законодательства. Существенные коррективы, внесенные на протяжении последних лет в

кардинально обновленный в 1996 году правовой институт множественности преступлений, свидетельствуют о стремлении изменить нормативную модель оценки этого феномена. Однако, урегулировав часть вопросов, закон одновременно поставил новые, еще более серьезные и сложные, вызванные самим характером вносимых изменений, их бессистемностью и противоречивостью. Общеизвестный кризис системных свойств уголовного закона и во многом связанная с этим утрата им эффективности были обусловлены, прежде всего, отсутствием концептуальных, системно связанных друг с другом решений ключевых проблем уголовно-правового противодействия преступности, в том числе и множественности преступлений. В этой связи теоретическая разработка конструкции множественности преступлений и ее аргументация в контексте системных взаимосвязей с иными уголовно-правовыми институтами может стать неотъемлемой частью поиска современных путей совершенствования уголовного права и уголовной политики.

Степень научной разработанности темы. Анализ новейшей библиографии по теме исследования показывает, что работ концептуального уровня, претендующих на создание относительно самостоятельной, оригинальной теории множественности, в российской науке практически нет, а частные аспекты проблемы множественности изучены далеко неравномерно.

Так, пристальное внимание уделяется специалистами рецидиву преступлений. Однако большая часть исследований в этой сфере сконцентрирована на проблемах криминологической характеристики и предупреждения рецидивной преступности (К.В. Аржаная, Ю.И. Бытко, Н.А. Коломытцев, А.П. Некрасов, С.В. Щербаков и др.).

Вопросы совокупности преступлений привлекают современных исследователей по преимуществу с точки зрения анализа проблем назначения наказания (Е.А. Борисенко, Н.Н. Крупская, Н.Н. Рогова, А.И. Рясков, О.А. Садовникова, С.Г. Спивак, Н.М. Становский и др.).

Проблемам квалификации преступлений при наличии множественности посвящены работы И.Б. Агаева, Е.Г. Васильевой, Т.А. Калининой, А.В. Козлова, Н.Н. Коротких, Е.Н. Швеца и др.

Среди обобщающих исследований, аккумулирующих в себе целостный комплекс проблем нормативного регулирования уголовной ответственности за множественность преступлений, следует указать сочинения А.П. Козлова, Г.Г. Криволапова, Э.Г. Шкредовой. На уровне докторской диссертации проблематика множественности преступлений в России была поставлена трижды: В.П. Малковым в 1974 году, Ю.А. Красиковым в 1989 году и Т.Г. Черненко в 2001 году.

Такая ситуация не может быть признана в полной мере удовлетворительной. Накопленный наукой опыт анализа отдельных аспектов множественности преступлений сегодня объективно нуждается в обобщении и создании на этой основе новой теоретической концепции.

Объектом диссертационной работы выступает уголовно-правовое явление множественности преступлений.

Предмет исследования включает в себя основные направления генезиса нормативных конструкций множественности преступлений; содержание, признаки, формы множественности преступлений; множественность преступлений как социально-правовой феномен и его отражение в законодательстве, судебной практике и уголовно-правовой доктрине.

Цель диссертации состоит в аргументации логически цельной теоретической концепции уголовно-правового института множественности преступлений, основанной на идее дифференцированной оценки общественной опасности множества деяний и лица, их совершающих.

Достижение поставленной цели обусловило постановку и решение следующих поисковых **задач**:

- проанализировать процесс становления и развития уголовно-правовых средств реагирования на множество преступлений, совершаемых одним лицом;

- установить основные направления развития науки уголовного права в части оценки множественности преступлений, оценить вклад различных уголовно-правовых школ в определение современной конфигурации института множественности преступлений;

- выявить наличие и структуру уголовно-правового института множественности преступлений, определить место данного института в системе современного российского уголовного права и дать его теоретическое обоснование;

- проанализировать социально-криминологические основания института множественности преступлений, выявить реальные криминологические тенденции множественной преступной деятельности;

- уточнить понятие и признаки множественности преступлений, сформулировать критерии отбора тех или иных сочетаний преступлений для их фиксации в качестве формы множественности;

- определить содержание принципов уголовно-правового института множественности преступлений;

- разработать критерии отграничения ситуаций, требующих оценки с позиций института множественности преступлений, от случаев наличия повышенной общественной опасности личности виновного;

- аргументировать необходимость учета судимости лица за рамками института множественности через призму учения о личности виновного и посредством нормативной конструкции «рецидивист».

Нормативной основой диссертации выступают положения Конституции Российской Федерации, постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, являющиеся частью российской правовой системы нормы и принципы международного права (прежде всего, принцип «non bis in idem», как он интерпретирован в

постановлении Европейского суда по правам человека в деле «Сергей Золотухин против Российской Федерации»). В работе подвергнуты анализу предписания уголовного (УК РФ 1996 г.), уголовно-исполнительного (УИК РФ 1997 г.), уголовно-процессуального (УПК РФ 2001 г.) законодательства России, а также положения иных нормативных актов (в т.ч., Закон РФ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» 2011 г. и др.).

Для обеспечения сравнительно-правовых направлений исследования изучены положения уголовного законодательства ряда зарубежных стран (ФРГ, Швейцарии, США, Эстонии, Беларуси, Украины, Узбекистана, Грузии).

Теоретическую базу диссертации составили:

1) основные положения теории преступления, наказания и дифференциации уголовной ответственности, разработанные А.В. Бриллиантовым, Н.Д. Дурмановым, А.Э. Жалинским, Л.Л. Кругликовым, В.Н. Кудрявцевым, Н.Ф. Кузнецовой, Г.Ю. Лесниковым, А.В. Наумовым, А.А. Пионтковским, Т.Г. Понятовской, Ю.Е. Пудовочкиным, А.И. Рарогом, Э.Л. Сидоренко, В.Д. Филимоновым, Б.В. Яценко и др.;

2) учение об истории уголовного права и уголовно-правовой компаративистике, сформированное трудами А.А. Арямова, Г.А. Есакова, И.Д. Козочкина, В.В. Кулыгина, В.А. Рогова, А.А. Рожнова, Г.С. Фельдштейна, Э.Г. Шкредовой и др.;

3) уголовно-правовое учение о множественности преступлений, разработанное М.И. Бажановым, С.П. Бузыновой, Р.Р. Галиакбаровым, П.Ф. Гришаниным, А.П. Козловым, К.А. Панько, В.П. Малковым, Т.Г. Черненко, А.М. Яковлевым и др.;

4) криминологическое учение о профессиональной, рецидивной преступности и личности преступника, оформленное в работах Г.А. Аванесова, Ю.М. Антоняна, К.В. Аржаной, Ю.И. Бытко, А.Я. Гришко, А.И. Гурова, Н.А. Коломытцева, С.Я. Лебедева и др.

Эмпирическая основа исследования включает в себя:

- исторические памятники российского уголовного права (УК РСФСР 1960 г., 1926 г., 1922 г., Уголовное Уложение 1903 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Военские Артикулы 1715 г., Соборное Уложение 1649 г., Судебники 1550 г. и 1497 г., Русская Правда), на основе которых можно судить о степени сформированности института множественности преступлений и его связях с иными правовыми предписаниями;

- материалы научных дискуссий по вопросам строения и систематики уголовного права (II Российский Конгресс уголовного права «Системность в уголовном праве», 31 мая – 1 июня 2007 г.), квалификации составных насильственных преступлений (Верховный Суд РФ, 24 апреля 2014 г.), квалификации совокупности преступлений (Российский государственный университет правосудия, 24 марта 2015 г., Хабаровский краевой суд, 26 марта 2015 г.);

- результаты экспертного опроса 270 человек; в их числе 48 прокуроров, поддерживающих государственное обвинение в судах, 147 судей, специализирующихся на рассмотрении уголовных дел, 75 преподавателей уголовного права и криминологии в юридических вузах (опрос проводился в Ростове-на-Дону, Ставрополе, Владикавказе, Краснодаре, Москве, Тамбове);

- постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам, относящимся к теме исследования (20 постановлений);

- итоги обобщения опубликованной судебной практики Верховного Суда РФ, обзоры кассационной и надзорной практики Верховного Суда РФ, а также постановления Президиума и определения Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам (1997 – 2015 г.);

- данные, полученные при изучении 350 уголовных дел, рассмотренных судами Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев.

В процессе сбора и анализа источников первичной научной информации использован также личный опыт работы автора в качестве председателя суда и судьи Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону.

Методологическая основа диссертационной работы включает комплекс современных методов научного познания социально-правовых явлений, который опирается на принципы объективности, всесторонности, историзма, системности, всеобщей взаимосвязи явлений, конкретности истины.

В диссертации используются общенаучные методы и приемы обработки данных: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, классификация. Частно-научными методами, использованными в работе, выступают: логико-юридический (догматический), историко-правовой, сравнительно-правовой, метод анализа документов, экспертный опрос, методы статистического наблюдения, сводки и группировки, статистического количественного анализа.

Научная новизна диссертации состоит в аргументации теоретической концепции институционального (структурного и содержательного) оформления правовых предписаний о множественности преступлений в системе российского уголовного права. В ее основе – понимание множественности в качестве такой правовой ситуации совершения нескольких преступлений и назначения нескольких наказаний, которая требует определения итоговой меры уголовно-правового воздействия, исходя из необходимости дифференцированной оценки опасности множества деяний и опасности личности виновного. Такая концепция предполагает не только уточнение критериев множественности, но и обоснование необходимости ограничения существующего в настоящее время подхода к ее правовой регламентации.

Новизной характеризуется целый ряд положений и выводов, сформулированных в диссертации, в частности:

- определены исходные установки общественного правосознания, формировавшие содержание норм обычного права в части либеральной оценки множественной преступной деятельности;

- выявлены уголовно-правовые предпосылки формирования на рубеже XIV – XV вв. идеи усиления уголовного наказания при множественности преступлений;

- доказана зависимость нормативных оценок множественности преступлений от господствующих представлений о сущности преступления, его причин, сущности и целей наказания;

- установлена корреляция идейных предпосылок классической и социологической школ уголовного права с конструктами множественности, основанными соответственно на представлениях об опасности преступления и личности виновного;

- аргументирована недостаточность и ограниченность имеющихся правовых элементов для решения вопросов множественности в современном уголовном праве;

- установлен искусственный характер разрыва между реальным состоянием множественности преступлений и ее статистическим отражением, обусловленный несоответствием нормативных конструкций представлениям о детерминации множественности;

- разработана классификация теоретических подходов к определению институциональной характеристики множественности преступлений, дана авторская трактовка содержания, структуры, видовой характеристики института множественности и его места в системе уголовного права;

- сформулированы специальные принципы института множественности преступлений;

- выявлена регулятивная недостаточность нормативного материала в институте множественности преступлений;

- обоснованы перспективы развития института множественности преступлений, в том числе за счет отказа от конструкции совокупности приговоров и изменения уголовно-правовой оценки рецидива.

Положения, выносимые на защиту:

1. Множественностью преступлений признается совершение лицом нескольких преступлений, когда возникает необходимость определить размер и порядок отбывания наказаний, назначенных за каждое из них. В силу этого множественность имеет место, если: а) лицо совершает несколько преступлений и привлекается к ответственности сразу за все эти деяния; б) после вынесения приговора становится известным о том, что до этого лицо совершило еще одно или несколько преступлений; в) после вынесения приговора лицо совершает одно или несколько новых преступлений.

2. Криминологические реалии свидетельствуют об объективном росте случаев совершения одним лицом нескольких преступлений, в то время как уголовный закон искусственно ограничивает сферу контроля множественной преступной деятельности лишь некоторыми сочетаниями преступлений, что в статистическом отношении позволяет продемонстрировать сокращение показателей множественности преступлений. Такое несоответствие отражает глубокий разрыв в основаниях и целях уголовно-правового и криминологического контроля над множественной преступной деятельностью. Если в первом случае во главу угла ставится преступление и наказание за него, то во втором – личность и индивидуальная профилактика. Однако игнорирование специфических особенностей личности преступника, совершающего несколько преступлений, в построении правового института множественности углубляет разрыв между криминологической и уголовно-правовой оценкой множественности, делает уголовно-правовой контроль множественности искусственно-отвлеченным, формализованным, а потому и неэффективным.

3. Потребность в уголовно-правовых предписаниях относительно множественной преступной деятельности возникает, если: а) лицо совершило

два и более самостоятельных преступных деяния, каждое из которых содержит отдельный состав преступления; б) сохраняется наличие, как минимум, двух параллельно развивающихся уголовно-правовых отношений; в) при единовременном совершении нескольких поведенческих актов эти деяния не связаны функциональной или причинной связью, не отражают единых намерений, не являются типичным, устойчивым и распространенным сочетанием, не сопровождаются увеличением общественной опасности всего содеянного; г) лицо совершает второе преступление (не важно, при какой форме вины и соотношении с первым деянием), имея неисполненное (или не полностью исполненное) наказание за первое преступление; д) лицо совершает до осуждения несколько преступлений, что порождает потребность в определении итогового наказания, которое следует отбывать преступнику. Иные ситуации (в частности, совершение преступления лицом, отбывшим наказание, но имеющим судимость) требуют решения иных задач, не связанных с определением размера итогового наказания, назначенного за несколько преступлений. Для этого необходима оценка личности виновного, склонного к совершению нескольких преступных деяний, а, следовательно, сами эти ситуации не могут рассматриваться в контексте института множественности преступлений.

4. В структуре отрасли уголовного права нормативные предписания о множественности преступлений представлены двумя группами: а) предписаниями о назначении наказания, которые регулируют специфическую разновидность отношений внутри общего процесса регламентации назначения наказания, и составляют субинститут института назначения уголовного наказания; б) предписаниями о понятии и видах множественности преступлений, которые регулируют самостоятельный вид отношений, связанных с совершением лицом нескольких преступных деяний, и по своей природе составляют институт уголовного права. Такая модель содержит в себе потенциал роста для предписаний относительно назначения наказания при множественности, оставляя им возможность

эволюционировать в сторону полноценного правового института. Два отмеченных структурных отраслевых образования по итогам вторичной перегруппировки правовых институтов могут рассматриваться в качестве комплексного института множественности преступлений.

5. Установлена следующая система принципов уголовно-правового института множественности преступлений: самостоятельности оснований ответственности при любом количестве совершенных преступлений; не обязательного, а лишь возможного усиления репрессивности уголовного закона при совершении нескольких преступлений; дифференциации ответственности за множество преступлений; соблюдения разумного баланса в оценке опасности деяния и личности преступника при дифференциации ответственности за множественную преступную деятельность; приоритета поглощения наказаний при их определении за множественность перед сложением, а также приоритета частичного сложения наказаний перед полным сложением.

6. Формирование правового института множественности преступлений определялось и определяется динамикой представлений о сущности преступления и наказания. В первых памятниках отечественного права не содержалось формализованной оценки множественности преступлений, основанной на количестве и «качестве» совершенных преступлений. Множественность признавалась обстоятельством, которое негативно характеризует личность виновного, свидетельствуя о его повышенной опасности и привычке к преступлениям. Условия для институционализации предписаний о множественности преступлений складывались в период XIV–XVII столетий и включали в себя утверждение взгляда на преступление как на нарушение публичного правопорядка, понимание наказания как устрашающей меры предупреждения преступлений и модификацию самой системы наказаний в направлении появления в ней делимых видов. Подход к преступлению как нарушению нормы права способствовал становлению понимания общего объекта преступлений, которому причиняется

множественный вред множеством преступлений; отсюда, согласно специальному принципу равного воздаяния наказанием за преступление, объем наказания и ответственности ставился в прямую зависимость от количества преступных деяний, в то время как свойства личности виновного отходили на второй план.

7. В XIX столетии работы по систематизации и кодификации российского уголовного законодательства стимулировали научное (формально-юридическое, догматическое) осмысление множественности преступлений, однако не как части учения о преступлении, а как феномена, относящегося к области учения о назначении наказания. Отечественное законодательство и доктрина, хотя и находились в системе координат, заданных классической школой уголовного права, тем не менее признавали объектом карательной деятельности государства не деяние, а личность преступника, а потому не требовали абсолютного соответствия объема наказания количеству преступлений, придерживались взгляда на множественность, как на обстоятельство, которое должно учитываться в совокупности с иными фактическими данными по делу, отражающими опасность совершенных преступлений и особенности личности виновного.

8. В отличие от предшествующего периода, развитие уголовного законодательства в начале XX века во многом определялось влиянием социологической школы уголовного права, идеи которой не способствовали разработке детализированных правил уголовно-правовой оценки множественной преступной деятельности. Специфической особенностью советского права стало нормативное оформление классификации преступников по степени их опасности, что способствовало формированию представлений об опасном состоянии личности как основе усиления ответственности и вносило внутренние противоречия в и без того противоречивую систему форм множественности преступлений. Итогом развития уголовно-правового учения о множественности преступлений в конце XX века стало закрепление за ним статуса составной части учения о

преступлении, что предполагало отказ от учета личностных особенностей преступника при определении форм множественности и заложило основы для формализованной системы учета множественности.

9. Понимание множественности преступлений как обстоятельства, характеризующего личность виновного, и как объективного фактора, никогда не были реализованы в отечественном законодательстве в «чистом» виде. Ни один из этих подходов сам по себе не в состоянии обеспечить целостной и непротиворечивой концепции правового регулирования ответственности за множественную преступную деятельность. Вместе с тем, к настоящему времени в отечественном законодательстве баланс между ними нарушен и смещен в сторону преимуществ, представляемых классической школой уголовного права, что привело к недооценке данных о личности виновного.

10. Действующий уголовный закон в части регламентации множественности преступлений содержит пробелы. В частности: не сформулировано общее понятие множественности; не детализированы критерии отграничения множественности преступлений от единичного сложного преступления; не дана точная классификация видов совокупности преступлений; представлены не все правила квалификации совокупности преступлений; не определен момент осуждения лица; не решен вопрос о правовом значении осуждения за преступление по приговору иностранного государства; не определена последовательность учета правил назначения наказания при рецидиве и наличии иных специальных обстоятельств; не решен вопрос о согласовании и порядке последовательного применения положений ст. 69 УК РФ и статей 73, 79, 80 УК РФ; не согласованы положения закона о рецидиве преступлений и возможности распространения правил об ответственности несовершеннолетних на лиц в возрасте от 18 до 20 лет.

Для устранения указанных недостатков в рамках авторской концепции множественности преступлений в диссертации разработаны новые теоретические положения относительно предмета исследования, а также

предложения по совершенствованию уголовного закона и практики его применения. В частности, предлагается:

- исключить из Уголовного кодекса РФ статью 17 и статью 18; дополнить Уголовный кодекс РФ Главой 3.1 «Множественность преступлений», включив в нее статьи: 18.1 «Понятие множественности преступлений», 18.2 «Обстоятельства, исключающие множественность преступлений», 18.3 «Виды множественности преступлений»;

- исключить из Уголовного кодекса РФ статью 68 и статью 70; статью 69 изложить в новой редакции; дополнить Уголовный кодекс РФ главой 10.1 «Рецидивист», включив в нее статьи: 74.1 «Понятие рецидивиста», 74.2 «Назначение наказания лицу, признанному рецидивистом», 74.3 «Назначение наказания лицу, не признанному рецидивистом»;

- пункт п. «а» части 1 статьи 63 Уголовного кодекса изложить в следующей редакции: «а) совершение преступления лицом, имеющим судимость»; исключить из Уголовного кодекса РФ часть 5 статьи 131, часть 5 статьи 132, часть 6 статьи 134, часть 5 статьи 135, часть 2 статьи 204.2, часть 2 статьи 291.2.

11. Исходной посылкой для развития теории и практики уголовно-правового противодействия множественности преступлений выступает категоричное различие понятий «общественная опасность преступления» и «общественная опасность личности преступника». Совершение нескольких преступлений всегда свидетельствует о повышенной опасности личности, приводит к аккумуляции опасности этих нескольких преступлений, но не может свидетельствовать о возрастании общественной опасности каждого отдельно взятого преступления. В связи с этим в оценке ситуации совершения нового преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление, наибольшим познавательным, объясняющим и регулирующим потенциалом обладает теория, признающая рецидив не формой множественности преступлений, а специфическим свойством личности виновного.

12. Совершенствование уголовно-правового регулирования последствий совершения преступления лицом, имеющим судимость, предполагает: возврат к концепции рецидивиста; признание рецидивистом лица, которое совершает умышленное преступление, кроме преступления небольшой тяжести, имея судимость за ранее совершенное им в возрасте старше восемнадцати лет умышленное преступление, кроме преступления небольшой тяжести, при условии если совершаемые преступления предусмотрены одной статьей или частью статьи Особенной части УК РФ; предоставление суду права признания (непризнания) лица рецидивистом; закрепление классификации рецидивистов в уголовно-исполнительном законодательстве в зависимости от степени их общественной опасности; установление единого подхода к определению минимального срока наказания для рецидивистов различных групп.

13. Не является множественностью преступлений рецидив, не отягощенный совокупностью приговоров. Рецидив, отягощенный совокупностью приговоров, собственно совокупность приговоров и совокупность преступлений требуют решения общей задачи определения итогового наказания. Вместе с тем, предусмотренные законом различия в порядке, процедуре и итоге ее решения не являются принципиальными, в силу чего все эти сочетания деяний могут быть объединены в рамки единой конструкции множественности преступлений. В этой связи выделяется два вида множественности преступлений: а) совершение лицом двух или более преступлений, ни за одно из которых оно не было осуждено; б) совершение нового преступления лицом, не отбывшим наказание, назначенное за ранее совершенное преступление.

14. Множественность в уголовном праве образуют только деяния, криминализация которых не зависит от качеств и свойств лица, их совершающего. Исходя из этого, использование приема административной преюдиции при конструировании составов преступлений и дифференциация уголовной ответственности на основании признака судимости лица,

совершившего преступление, не могут быть признаны элементами института множественности. Соответствующие обстоятельства, отражающие перепады в общественной опасности личности и ее специализацию на совершении однотипных правонарушений, должны быть учтены в рамках нормативной концепции оценки личности виновного.

Теоретическое значение результатов исследования заключается в том, что в своей совокупности они создают логически цельное учение о множественности преступлений. Предложенная концепция содержит критерии разграничения случаев наличия повышенной общественной опасности личности виновного от случаев собственно множественности преступлений; уточняет представления о строении и структуре уголовно-правового института множественности, его месте в системе уголовного права; содержит предложения, направленные на решение текущих задач квалификации множественности преступлений и перспективных проблем реформирования уголовного законодательства. Сформулированное в диссертации понятие множественности преступлений, положения и выводы относительно строения и структуры этого уголовно-правового института углубляют содержание таких разделов науки, как история уголовного права, система уголовного права, понятие преступления; тем самым диссертация способствует развитию уголовно-правовой теории в целом.

Прикладная ценность диссертации состоит в том, что ее основные выводы и положения:

- способны обеспечить информационно-аналитическую поддержку практики совершенствования уголовного законодательства и разработки соответствующих законопроектов;

- содержат рекомендации представителям правоохранительных органов по квалификации множественности преступлений и отграничению множественности от сложных единичных преступлений;

- используются в учебном процессе при преподавании курсов уголовного права, а также в работе по повышению квалификации судей и сотрудников правоохранительных органов.

Апробация результатов и основных выводов исследования осуществлялась в процессе их обсуждения на научных конференциях, посредством публикации в юридической печати, использования в учебном процессе и правоприменительной деятельности, о чем свидетельствуют акты о внедрении.

Результаты диссертационного исследования докладывались соискателем на 13 конференциях: Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона (М., Российский государственный университет правосудия, 2014, 2015, 2016 гг.); Проблемы Российской уголовной политики (Краснодар, Краснодарский университет МВД России, 2014, 2015, 2016 гг.); Уголовный закон: проблемы теории и практики применения (Иркутск, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, 2015 г.); Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью (Краснодар, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, 2015 г.); Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики (Симферополь, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2015 г.); Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: Теория и практика (Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2014 г.); Преступление в сфере экономики: российский и европейский опыт (М., Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015 г.); Судебная власть: ее роль и значение в истории России (к 150-летию Судебной реформы 1864 года) (Ростов, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростовский областной суд, 2014 г.); Проблемы раскрытия и расследования налоговых преступлений. (Ростов-

на-Дону, Следственный комитет Российской Федерации в г. Ростове-на-Дону, 2011 г.).

Отдельные положения работы внедрены в учебный процесс Российского государственного университета правосудия, Института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Академии следственного комитета Российской Федерации», юридического факультета Ростовского государственного университета экономики (РИНХ); используются в практической деятельности Северо-Кавказского военного окружного суда, Ростовского областного суда, Верховного Суда Республики Ингушетия, Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону, Ставропольского краевого суда, прокуратуры города Ростова-на-Дону, Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ростовской области.

По теме диссертации опубликовано 44 работы общим объемом 71,4 п.л., в том числе, 19 статей в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ для публикации основных положений докторской диссертации.

Структура работы определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, двух разделов, содержащих четыре главы, заключения, библиографии и приложений.

РАЗДЕЛ I
ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА
МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Глава I. ГЕНЕЗИС УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ О
ПРОТИВОДЕЙСТВИИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В
РОССИИ X–НАЧАЛА XX ВЕКА

§1. Зарождение и нормативное воплощение идеи уголовно-правового
противодействия множественности преступлений в отечественном праве
X–конца XVIII веков

Теоретическое исследование практически любой важной социально-правовой проблемы не может считаться в полной мере состоявшимся и качественным без обращения к историческому опыту ее решения. Знание прошлого, как отмечал В.О. Ключевский, есть «не только потребность мыслящего ума, но и существенное условие сознательной и корректной деятельности», предохраняющее человека «как от косности, так и от торопливости»¹. Традиционно большое значение исторический метод имеет при проведении уголовно-правовых исследований. Накопленный веками опыт противодействия преступлениям бесценен; он во многом позволяет избежать ошибок прошлого и лучше понять особенности современного уголовного законодательства; он же дает хорошую возможность наметить перспективы его развития. Как справедливо отмечал Л.В. Черепнин, «история всегда современна и злободневна. Каким бы отдаленным отрезком времени она не занималась, через него она видит путь к сегодняшнему дню, а

---

¹ Цит. по: Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 434.

через сегодняшний день—в будущее»¹. Вот почему обращение на уровне самостоятельного раздела работы к историко-правовым аспектам регулирования отношений, возникающих в связи с совершением множественности преступлений, представляется вполне закономерным и оправданным.

Необходимо признать, что отечественная наука постоянно обращается к освещению вопросов истории нормативного регулирования уголовно-правовых признаков и последствий множественной преступной деятельности. Соответствующие главы и параграфы имеются в значительной части диссертационных и монографических работ. Отмечена библиография и появлением специального исследования этого вопроса². Вместе с тем, спрос на результаты историко-правового анализа вряд ли можно считать в полной мере удовлетворенным. Дело в том, что большинство из имеющихся к сегодняшнему дню сочинений ограничены в предметном анализе, хотя и важным, но все же одним—нормотворческим аспектом. При таком подходе более или менее детальному исследованию подвергаются исключительно тексты нормативных актов, действовавших на том или ином этапе истории страны. Вместе с тем, при всей значимости текстологического исследования, для полноценного историко-правового анализа его явно недостаточно.

Специфика исследования эволюции нормативных предписаний уголовного права о формах множественности и ее правовых последствиях (равно как и любых иных отраслевых положений) состоит в необходимости соотнесения содержания этих предписаний с теми социально-историческими условиями, в которых они были созданы. А это требует обращения к таким, возможно, не вполне традиционным для уголовно-правового исследования вопросам, как состояние преступности, господствовавшие представления о детерминантах преступного поведения и эффективных мерах борьбы с ним, оценка возможностей уголовного закона и многим другим. Без

---

¹ Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981. С. 272.

² См., в частности: Шкредова Э.Г. Множественность преступлений: исторический аспект. М., 2011.

соответствующего исторического, криминологического и общего теоретико-правового «фона» понять и оценить предписания уголовного законодательства предшествовавших эпох практически невозможно. Только комплексный подход, предполагающий изучение социально-политической обстановки в государстве, государственной идеологии, духовной культуры, текста памятников права, средневековой литературы... позволит проникнуть в природу права, его язык и идеологию¹.

Учитывая эти методологического свойства предварительные замечания, в рамках настоящей работы предпринята попытка восполнить имеющиеся пробелы, просчеты и недостатки в анализе генезиса отечественного уголовного законодательства в части регламентации множественности преступлений. При этом мы видели своей задачей не столько детализацию и конкретизацию известных исторических фактов, сколько выявление общих тенденций и закономерностей развития исследуемого правового института, динамики его системных связей с иными уголовно-правовыми предписаниями, трансформации представлений о роли и возможностях уголовного закона в противодействии множественности преступлений. Полагаем, что представленная в итоге новая научная информация будет способствовать уточнению и развитию истории уголовного права как одного из важнейших разделов уголовно-правовой науки.

В уголовно-правовой науке представлено суждение о том, что «множественность преступлений как явление социально-правовое стало образовываться со времен появления уголовного права»². И хотя сам автор (Р.А. Санинский) не придал этому тезису особого звучания и не развернул его, утверждение это наполнено глубоким смыслом. Оно отражает тот вполне очевидный факт, что множественность генетически связана с

---

¹См. об этом: Момотов В.В. К проблеме исследования русского средневекового права // Современные проблемы правоведения. Сб. науч. тр. Краснодар, 1998. С. 16.

² Санинский Р.А. Теоретико-законодательные и правоприменительные аспекты множественности преступлений. Диссертация ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 18.

феноменом единичного преступления, с его сущностью, нормативным определением и т.д. В силу чего представления (в том числе и законодательные) о множественности преступлений всегда следовали пониманию преступления вообще. А потому, поскольку история уголовного права—это, прежде всего, история преступления (и как явления, и как нормативного понятия), эволюцию множественности преступлений справедливо начинать с момента зарождения представлений о преступлении, о праве вообще и об уголовном праве в частности.

Анализ историко-правовых аспектов какой-либо темы в юриспруденции традиционно начинают с одного из древнейших кодифицированных нормативно-правовых актов Русского государства—Русской Правды. При этом, однако, упускается из виду тот факт, что наряду с ней, а в особенности до ее издания, регуляция общественных связей на Руси осуществлялась при помощи норм неписаного, обычного права. В одном из первых письменных источников по истории Отечества—Лаврентьевской летописи—читаем, что славянские племена «имяху бо обычаи свои, и закон отец своих и преданья, каждо свой нрав»¹. С обычным правом связывается в профессиональном сознании и «Закон Русский», ссылки на который встречаются в древнейшем из дошедших до нас письменных правовых актов—Договоре Руси с Византией 911 г.

Исследуя вопросы ранней социальной регуляции и зарождения права, специалисты не без оснований заключают, что еще задолго до образования Киевской Руси у восточных славян активно протекал процесс правогенеза. «Безусловно, на первом этапе развития русского права можно говорить о господстве обычного права. Но именно в это время формируются над более древним фундаментом новые «этажи» правовой ментальности этноса, возникают первые правовые термины. ... Праславянская лексика VI в.н.э. уже содержала все основные понятия, относящиеся к суду и

---

¹ Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись и суздальская летопись по академическому списку. Воспроизведение текста изд. 1926–1928 годов. М., 1962. С.14.

судопроизводству. В их числе такие термины, как «суд», «закон», «право», «правда» и т.п. Она отражала также и систему представлений, связанных с правонарушением и наказанием за преступление»¹.

Вне сомнений, обычное понимание преступления и тем более множественности преступлений сложно реконструировать. Это под силу лишь коллективным стараниям историков права и отраслевых специалистов. А потому в рамках настоящей диссертации мы можем высказать лишь некоторые, хотя и аргументированные, но все же вероятностные суждения на этот счет.

В науке обоснованно считается, что обычное право, будучи так называемым «живым» правом находило свое выражение в символах, обрядах, народных обычаях, пословицах и поговорках². В этой связи обращение к народному творчеству для познания особенностей восприятия обычным сознанием феномена множественной преступной деятельности будет и оправданным, и достаточным для того, чтобы хотя бы в общих чертах воспроизвести содержание искомых социальных норм.

Отметим, что в русских пословицах и поговорках фиксируется не только факт вечного существования преступности, но и потенциальная возможность каждого лица совершить преступление: «Нету дерева, где бы птица не сидела, нету и мужика, который бы был без греха»; «От запада до востока нету человека без порока»; «От сумы да от тюрьмы не зарекайся» и т.д.³. При этом причины преступного поведения народная мудрость, хотя и формировавшаяся под сильным и непосредственным религиозным влиянием, усматривала не только в человеческой слабости и влиянии темных сил, но и во вполне тривиальных обстоятельствах материалистического толка: «Грех сладок—человек падок»; «Грехи—любезны, доводят до бездны»; «Пустой

---

¹ Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права. М., 2002. С. 38–39.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 110.

³ Здесь и далее фольклорный материал приводится по изданию: Иллюстров И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. М., 1885. С. 22 и др.

мешок введет в грешок»; «Про нужду закон не писан». А поскольку причины такого содержания мало подвержены социальной корректировке и тем более неустранимы посредством наказания, носят абсолютный и вечный характер, народное сознание достаточно спокойно, «философски» реагировало на повторяемость преступной деятельности: «Вор беду избудет, и опять на воровстве будет», «Сыпь вору хоть золотую гору—воровать не перестанет»; «Кошка мышей ловить не устанет, а вор воровать не перестанет», «Грех воровать—да нельзя миновать». В изложенном можно видеть косвенное подтверждение того, что множественная преступная деятельность воспринималась в обычном праве как проявление духовной слабости человека и известной предопределенности свыше. В силу этого трудно было ожидать, что обычные нормы будут связывать с множественностью преступных деяний множественность наказаний или их обязательное усиление. Известные пословицы—«Сколько вору не воровать, а виселицы не миновать», «Семь бед—один ответ», «Семи смертям не бывать, одной не миновать», «С одного вола двух шкур не дерут»—могут быть интерпретированы таким образом, что позволяют обоснованно предположить: нормы обычного права не проводили различий между единичным преступлением и множественностью в плане содержания и объема уголовно-правовых последствий. При этом, однако, не стоит полагать, что общественное сознание относилось терпимо к преступлениям и не осуждало их. Оценка противоправных деяний и участи виновных была вполне однозначной и отчетливой: «Украсть—в беду попасть»; «Лучше по миру собирать, чем чужое взять»; «Тому не бывать в добре, кто часто сидит в тюрьме», «Вор не бывает богат, а бывает горбат» и т.д.

Этот краткий обзор русских юридических пословиц и поговорок показывает, что в народном сознании феномен множественности преступлений не мыслился в отрыве от таких фундаментальных уголовно-правовых и криминологических категорий, как преступление, наказание, причины преступления, личность преступника. Обычное право их мало

дифференцировало, что вполне понятно и объяснимо. В этом единении понятий, их комплексном, совместном генезисе и осмыслении не только кроется специфика обычного права, опирающегося в большей степени на здравый смысл и человеческую природу, нежели на формализованные юридические конструкции, но и заложен надежный фундамент последующего определения системных взаимосвязей между институтами преступления и наказания, установления предписаний о множественности преступлений в структуре уголовного права. Здесь же продемонстрирован важный и, как представляется, не теряющий своей значимости в наши дни, тезис о том, что при наказуемости тех или иных преступлений гораздо важнее познать и комплексно оценить их причины и особенности личности виновного, нежели установить число и время совершенных лицом преступлений.

Такой народный взгляд на сущность и значение множественности преступлений вполне отчетливо отразился и в письменных актах ранней истории уголовного права. Речь идет, прежде всего, о Русской Правде—памятнике, датированном 1017–1054 годами¹. Это был уже достаточно зрелый, отчетливо структурированный документ, в тексте которого исследователи не без оснований усматривают начало закрепления совокупности положений Общей части уголовного права в виде специальных терминов, правовых принципов и некоторых общих норм, исходных для формирования отдельных уголовно-правовых институтов².

Вместе с тем, Русская Правда умалчивает о множественности преступлений и о повышенной наказуемости совершения одним лицом нескольких преступлений³. Исследователи, констатируя этот факт, не

---

¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. С. 64–73.

² Юшков С.В. Русская Правда: происхождение, источник, ее значение. М., 1950. С. 288, 360–363; Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 20.

³ Несколько иного мнения придерживался Н.С. Таганцев, автор первого в отечественной правовой науке специального исследования о повторении преступлений. Он писал, что

стремятся к тому, чтобы его объяснить, интерпретировать и оценить¹. Нам же он представляется крайне важным, поскольку, будучи непосредственно связанным с генезисом и трансформацией центральной категории уголовного права–преступления, он позволяет лучше понять истинное социальное предназначение института множественности, а возможно, и переоценить ее роль в современном праве.

Причин отсутствия упоминания о множественности преступлений в Русской Правде несколько.

Во-первых, этот документ, по большей части, лишь фиксирует юридические обычаи и традиции, которые на момент его письменного оформления уже сложились у славян, и которые, как было показано, с содержательной стороны не включали в себя требований специального, сурового подхода к оценке множественности преступлений.

Во-вторых, и это главное: важно понимать, что представленный в Русской Правде взгляд на преступление и наказание как на явления, связанные по преимуществу с личностью виновного и потерпевшего, далекие от публичного правового порядка и слабодифференцированные от так называемых «горизонтальных» частно-правовых деликтов², никак не мог способствовать формированию оценки преступления, исходя из количества

уже в Русской Правде повторение признавалось «обстоятельством, усиливающим вину» (см.: Таганцев Н.С. О повторении преступлений. СПб., 1867. С. 224). В подтверждение внимания законодателя к проблеме множественности он ссылаясь также на Устав Ярослава о земских делах. Однако сам исследователь вынужден был признать, что соответствующая статья Русской Правды (ст. 59 и ст. 60) «весьма темная», а Устав «не может иметь никакого значения для объяснения юридических взглядов и понятий той эпохи» (С. 225).

В порядке критики отметим, что позиция Н.С. Таганцева была основана на переводе слова «паки ли» в ст. 60 Правды как «снова ли». Однако большая часть историков права возражают против такого перевода. См. об этом: Правда Русская. Комментарии / под ред. Б.Д. Грекова. Л., 1947. С. 507–519.

¹ См., например: Шкредова Э.Г. Формирование норм о множественности преступлений в рамках неcodифицированного уголовного законодательства России (X–XVIII вв.) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3. С. 185.

² Об эволюции преступления в русском праве от частно-правового к публично-правовому деликту см.: Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 91–115; Пусторослев П.П. Анализ понятия о преступлении. М., 1892.

совершенных «обид». В условиях, когда преступление это, прежде всего, частная «обида», деликт, объектом причинения вреда в котором выступает то или иное конкретное лицо; а наказание - хоть и лимитированная, но все же «месть» и возмещение за причиненный вред, опасность преступления определялась видом и объемом этого вреда, но не количеством случаев его причинения. Известным подтверждением этому могут служить и современные представления об опасности гражданско-правовых нарушений, которая не связывается ни с числом этих нарушений, ни с назначенными за них (предпринятыми) мерами правового воздействия к правонарушителям¹.

Русское право интуитивно понимало объективно более высокую опасность причинения вреда нескольким объектам. Но реагировало на это особым образом. Если разный по качеству вред причинялся одному потерпевшему лицу либо если причинение вреда одному лицу фактически означало посягательство на несколько объектов, Русская Правда фиксировала (в современной терминологии) сложные двухобъектные составы преступлений с более высокой санкцией. К примеру, кража из закрытого помещения, причиняющая, помимо имущественного, еще и вред неприкосновенности самого помещения, каралась в три раза строже кражи специально не охраняемого имущества (см. ст. 41, 42, 43 Пространной редакции Русской Правды); убийство «в разбой», очевидно связанное с корыстью или сопряженное с корыстным посягательством, также влекло более строгое наказание, нежели убийство «в сваде» (см. ст. 3, 7 Пространной редакции Русской Правды) и т.д.

В тоже время причинение вреда нескольким различным потерпевшим (сегодня можно было бы сказать—«независимым друг от друга и неоподчиненным объектам посягательства») как количественный признак множественности преступлений не могло в Русской Правде приобрести качества принципиально нового юридического феномена, поскольку в

---

¹ Досаева Г.С. Уголовно-правовые предпосылки усиления ответственности за множественную преступную деятельность в России X–XV веков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 10. С. 70–77.

общественном и правовом сознании отсутствовало понимание единства общего для всех этих деликтов объекта–существующего в государстве правопорядка. К тому же и наказание в эпоху Русской Правды никак не преследовало цели исправления осужденных и предупреждения преступлений, в связи с чем второе и последующие преступления лица не могли восприниматься в качестве свидетельства его особой порочности, требующего усиления взысканий. Лишь позднее, когда в оценке преступления утвердился и будет доминировать факт нарушения установленных правовых норм, когда явно или неявно будет оформлено и воспринято понятие общего для всей страны порядка (или объективного права), а предупреждение преступлений будет заявлено одной из главных целей уголовного наказания и права вообще, множественная преступная деятельность получит качественно иную оценку.

Такой новый (и оставшийся практически неизменным до сегодняшнего дня) взгляд на преступление и наказание утверждается в России в XIV–XV веках. Суть его заключается в признании публичной природы преступлений и легитимации эксклюзивного права государства на наказание преступников. Утверждение этой новой правовой парадигмы характеризуется Х. Зером не иначе, как «правовая революция»¹, которая повлекла за собой массу значимых следствий. Среди них особое значение имеют:

- вытеснение правовых обычаев и традиций нормами писаного права, сближение, вплоть до отождествления, понятий «право» и «закон»;
- замещение потерпевшего как реальной жертвы государством как жертвой юридической;
- утверждение взгляда на преступление не как на частное зло или локальное столкновение преступника и жертвы, а как на коллективное зло, общественную или моральную ересь, причиняющую вред, прежде всего, социальному порядку;

---

¹ См.: Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / пер. с англ. под общ. ред. Л.М. Карнозовой; коммент. Л.М. Карнозовой и С.А. Пашина. М., 2002. С. 143–146.

- устранение из уголовного права частных композиций и утверждение публичного наказания основной (единственной) формой реакции на преступление;

- усиление символического начала в наказании, которые предназначались для демонстрации силы государства и возможных последствий сопротивления силе;

- трансформация задач правосудия: от разрешения конфликта, вызванного преступлением, – к «восстановлению метафизического равновесия неких абстракций».

Ярким и первым выразителем итогов такой «правовой революции» в России справедливо считать Двинскую уставную грамоту 1397 г.¹ О том, что она не является исключительно региональным документом, отражающим процессы эволюции права в одном отдельно взятом русском княжестве, свидетельствуют специалисты по истории права. Они отмечают: «грамота интересна тем, что является документом, впервые отражающим законодательство Русского централизованного государства. Грамота, будучи результатом законодательной деятельности московских великих князей, уходит своими корнями в Русскую Правду, однако по отношению к ней представляет собой значительный шаг вперед. Она обобщает правовые нормы, действовавшие в Московском государстве в условиях безраздельно господствовавших феодальных отношений и нарастающей остроты классовой борьбы»².

Не случайно, что именно Двинская грамота впервые отчетливо и определенно фиксирует факт необходимости усиления уголовного наказания

---

¹ См.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М., 1985. С. 181–182.

² Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М., 1985. С. 181.

в случае совершения лицом нескольких преступлений¹. Статья 5 документа гласит: «А кто у кого что познает татебное, и он с себя сведет до десяти изводов, полны до чеклово татя, а от того наместником и дворяном не взяти ничего; а татя впервые продати противу поличного; а вдругие уличат, продадут ею не жалуя; а уличат втретьие, ино повесити; а татя всякого пятнити».

Примерно в это же время или чуть позже аналогичные предписания фиксируются в Псковской Судной грамоте (по поводу даты составления документа—1397 г. или 1467 г. – в истории права нет единой точки зрения²). В статье 8 Псковской грамоты³ читаем: «Кто бы и на посад(е) покрадется ино дважды спожаловати, а изличив казнити по его вине, и в третий ряд изли(чи)в, живота ему не дати, крам кромьскому татю»⁴.

Обратим внимание, что в и в Двинской, и в Псковской грамотах отсутствуют многие уголовно-правовые нормы, известные Русской Правде (в частности, грамоты не содержат развернутых разделов о наказаниях за убийство и другие преступления). Это объясняется, по-видимому, тем, что соответствующие правовые предписания Русской Правды были хорошо известны на Руси и сохраняли свою юридическую силу, в то время как внимание составителей грамот было приковано главным образом к тем

---

¹ Этот исторический факт давно отмечен (хотя и не в полной мере оценен) исследователями, см.: Филимонов В.Д. Ответственность за рецидив по уголовному праву эксплуататорского государства // Труды Томского университета. Сборник работ юридического факультета. Томск, 1959. С. 135; Попов В.И. Возникновение и развитие понятия рецидива преступлений по русскому дореволюционному уголовному праву // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. 1971. Вып. 5. С. 145; Бытко Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве: история и современность. Саратов, 1998. С. 10–11; Шкредова Э.Г. Формирование норм о множественности преступлений в рамках некодифицированного уголовного законодательства России (X–XVIII вв.) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3. С. 185.

² См. об этом: Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951. С. 29–37.

³ См.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т.1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. С. 331–344.

⁴ Перевод: «Если что-либо будет украдено на посаде, то дважды (вора) милуя, не лишать жизни, а, уличив (в воровстве), наказать в соответствии с его виною; если же он будет уличен в третий раз, то в живых его не оставлять (так же), как и вора, обокравшего Кремль». См.: Памятники русского права. М., 1953. Вып.2. С. 303.

вопросам, которые не были затронуты в Правде¹. И один из них – наказание за множественность преступлений.

Смысл цитированных статей вполне ясен. Они определяют наказание за кражу (Псковская грамота уточняет – за кражу «на посаде», то есть за простую кражу, не из Кремля или церкви). При этом устанавливается санкция в виде смертной казни за трехкратное совершение преступного деяния. Трехкратность совершения преступления, по мнению составителей рассматриваемых документов, показывает особую опасность преступника, на которого не действуют меры, применяемые по отношению к ворам обычным, что позволило псковичанам приравнять такого вора к «кромскому татю» (совершающему кражи из Кремля или церкви).

Специфика нормативной регламентации первых представлений о множественности преступлений в русском праве состоит в том, что:

- множественность ограничивалась случаями совершения тождественных и однородных преступлений («воровство»);
- юридическое значение имело лишь третье преступление, которое с необходимостью влекло усиление наказания, а точнее – его замену более строгим видом наказания по сравнению с наказанием за воровство, совершенное в первый и во второй раз;
- преступник должен был отбыть наказания за первые преступления, причем срок, в течение которого совершались преступления, не имел правового значения.

Эти обстоятельства позволяют отечественным специалистам устойчиво ассоциировать предписания ст. 5 Двинской грамоты и ст. 8 Псковской грамоты с рецидивом преступлений². Вместе с тем, надо признать, что

¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т.1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. С. 324.

² См.: Бытко Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве: история и современность. Саратов, 1998. С. 13–14; Морозов А.Ю. Рецидив преступлений в уголовном праве России. Ставрополь, 2000. С. 6–7; Борисенко Е.А. Назначение наказания при множественности преступлений (ст. 68, 69 УК РФ). Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 14 и др.

оценивать положения средневекового права с точки зрения их соответствия современным правовым конструкциям вряд ли возможно в принципе. Достаточно указать, что четкого разграничения рецидива преступлений и неоднократности, соединенной с предшествующим осуждением, в XIV–XV веках (кстати, как и много позже) еще не было, а по объективным причинам и не могло быть. В связи с чем в рассматриваемых документах с той же мерой уверенности можно усматривать как признаки рецидива, так и признаки неоднократности преступлений (причем аргументов в пользу последней больше – тождественность преступлений, общий возраст субъекта, оформление в качестве квалифицирующего признака). Однако наша задача не состоит исключительно в том, чтобы поколебать устоявшиеся тезисы и оценки, тем более что неоднократность как вид множественности в действующем УК РФ отсутствует, а потому и сравнивать положения исследуемых грамот с действующим законом в этой части невозможно. Гораздо важнее другое – понять, почему на определенном этапе исторического развития возникает и в полной мере удовлетворяется государством потребность в усилении наказания за многократную преступную деятельность.

Немногочисленные суждения современных специалистов на этот счет представляются несколько односторонними. Так, Ю.И. Бытко пишет: «Понятие рецидива преступлений возникло в русском законодательстве как реакция на обострение противоречий между феодалами и крестьянами, как орудие охраны собственности господствующего класса»¹. Ему вторят В.Е. Южанин и А.В. Армашова: «Понятие «рецидив преступления» появилось на Руси при развитии феодальных отношений, которое сопровождалось возрастанием экономической и политической мощи феодалов и эксплуатации их подданных – крестьян. Рост классовых

---

¹ Бытко Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве: история и современность. Саратов, 1998. С. 13; Бытко Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве: история и современность. Автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 1998. С. 18–19.

противоречий и необходимость в связи с этим усиления защиты феодальной собственности, соответственно, обусловили и усиление уголовной репрессии за имущественные преступления. Появление понятия «рецидив» связано, на наш взгляд, и с наметившейся в конце XIV в. централизацией государства, с необходимостью укрепления всех его институтов, в том числе и правовых»¹.

Оценивая эти суждения, необходимо обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, отметим, что строго соблюдая методологические требования, при рассмотрении вопроса о содержании средневековых правовых актов следует говорить не о понятии «рецидив преступлений», а о феномене, явлении или ситуации рецидива (повторения) преступлений, поскольку собственно как понятие рецидив в русском уголовном праве оформляется гораздо позже. Это пусть и формальное, но тем не менее, кажущееся нам принципиальным замечание. А во-вторых, и это по существу, напрямую связывать ужесточение репрессии за многократную преступную деятельность с усилением классовой борьбы и с централизацией государства вряд ли возможно. Эти исторические явления, наряду с другими событиями и процессами, определяли общий фон развития права в России, а потому, вне сомнений, отражались на содержании правовых представлений о множественности преступлений в той же степени, в какой они преломлялись сквозь призму иных правовых принципов, институтов и категорий. Однако устанавливать прямую и однозначную связь между усилением классовой борьбы и оформлением правовых норм о множественности преступлений было бы не вполне правильным, хотя бы потому, что уголовное право имеет собственную логику развития, определяемую не только классовой борьбой, но и иными факторами: содержанием и интенсивностью криминальных вызовов, уровнем развития психологических, социологических и иных знаний, содержанием целей карательной деятельности государства и т.д.

---

¹ Южанин В.Е., Армашова А.В. Проблемы рецидива преступлений и ответственности за него по уголовному праву России. М., 2007. С. 69.

В этом отношении важно подчеркнуть, что ни ст. 5 Двинской грамоты, ни ст. 8 Псковской грамоты об усилении наказания за повторение преступлений не дают оснований для их ограничительного толкования как норм, которые применялись лишь к представителям зависимого населения. Специалисты по истории права отмечают, что «в Псковской Судной грамоте нет ни одной статьи, которая закрепляла бы уголовную ответственность нарушителя в зависимости от его сословной принадлежности», поскольку «в русском обществе действовал принцип применения всех уголовных наказаний ко всем сословиям»¹. Это, конечно, не означает ни равенства реальной ответственности представителей различных сословий, ни равной характеристики совершаемых ими преступлений. Однако это может служить одним из весомых критических аргументов против вывода о непосредственной и прямой связи классовой борьбы с формированием института множественности преступлений. Против подобного упрощения ситуации свидетельствует и тот факт, что одной из ведущих тенденцией уголовной политики средневекового Русского государства было все же установление ответственности именно «служилых людей» за нерадивое выполнение передаваемых бюрократии функций, нежели расширение перечня так называемых «общеуголовных» преступлений. К тому же, положения об усилении наказания за множественную преступную деятельность могли быть по идее применены к представителям различных сословий, а это значит, что в их основе лежат несколько иные основания, нежели просто классовые противоречия.

Представляется возможным в качестве таких оснований–предпосылок к формированию института множественности назвать следующие факторы социальной и правовой жизни Московской Руси:

- Во-первых, утверждение взгляда на преступление как на деяние, причиняющее вред не отдельному частному лицу, а всему обществу и

---

¹ Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995. С. 48–49.

государству, с неизбежностью должно было сопровождаться формированием представлений о публичном правовом порядке как общем объекте всех преступных посягательств. Как следствие, должно было формироваться понимание того, что многократная преступная деятельность причиняет множественный вред одному и тому же общему объекту, который в этой ситуации требует усиленной защиты. В этом случае совершение нескольких краж уже воспринималось не просто как причинение вреда трем потерпевшим, а как трехкратное причинение вреда праву, все более ассоциирующемуся с законом и восходящему, в конечном итоге, к личности верховного правителя.

- Во-вторых, углубление представлений о вине и воле преступника, которое происходило при сильном влиянии церкви и ее судебной деятельности, способствовало становлению идеи ранжирования преступлений по степени опасности в зависимости от «качества и количества» злой воли преступника. Понимая преступление как грех, церковь классифицировала его на «вождеденный, иже свободного волею сотворен есть» и «невождеденный... от несмышления совершися лукавое или небрежением благое не содеяся»; на тяжкий и легкий: «тягчайший же и меньший грех мнится или от вины действующия, от нея же сотворится, или от нрава, или от действ, или от места, и от облежащаго, или от времени, или от стений и иных обстоящих...»¹.

- В-третьих, развитие учения о свободе воли способствовало, естественно, не кардинальной, но все же коррекции представлений о причинах совершения преступлений, которые усматривались теперь не только в области мистического и сверхъестественного, но и непосредственно в личности преступника, складе его характера, ценностных ориентациях, настроениях и т.д.

- В-четвертых, все отмеченное выше закономерно сопровождалось трансформацией представлений о сути и назначении уголовного наказания.

---

¹ Розенкампф. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829. С.73–75.

Как верно замечает Л.С. Белогриц-Котляревский, государство в исследуемый период «приходит к сознанию несостоятельности системы выкупов, как не обеспечивающей общественного порядка и безопасности, которым преступник, хотя бы и откупившийся, не перестает угрожать в будущем, - и необходимости противоположной системы, поражающей личность»¹. Будучи следствием интенсификации представлений о вине и воле, конструирование наказаний, воздействующих на личность, сопровождалось и постановкой перед наказанием ранее несвойственных ему целей, прежде всего, цели устрашения лиц, склонных к преступлениям, исправления преступников, и тем самым – предупреждения преступности.

Эти, собственно уголовно-правовые предпосылки и стали, на наш взгляд, той совокупностью необходимых условий, которые породили идею усиления наказания за множественную преступную деятельность. Централизация государства, классовая борьба, передел феодальной собственности – все это выступало лишь историческим фоном, на котором и разворачивались исследуемые процессы трансформации уголовного права. Отмеченные предпосылки обусловили и последующую трансформацию нормативных предписаний о множественности преступлений.

Учитывая известный консерватизм общественной жизни России XIV–XVI столетий, объективно низкий уровень развития правовой мысли и отсутствие попыток научного осмысления правовых феноменов, становится вполне объяснимым тот факт, что на протяжении последующих за временем издания Двинской грамоты двух веков трансформация уголовно-правовых предписаний о множественности преступлений была достаточно медленной, хотя в содержательном плане, надо признать, была достаточно существенной.

---

¹ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 65.

Так, в правовых памятниках XV столетия (прежде всего, в Судебнике 1497 г.¹) предписания о юридических последствиях множественности преступлений углубляются. В документе, как и ранее, фиксируется необходимость усиления наказания за неоднократно совершенные имущественные преступления. Однако для назначения смертной казни достаточно уже совершить вторую, а не третью, как было установлено Двинской грамотой, «татьбу». Так, ст. 10 Судебника 1497 г. гласит: «А котораго татя поймают с какою татбою ни буди впервые, опроче церковные татбы и головные, а в ыной татбе в прежней довода на него не будет, ино его казнити торговою казнию, бити кнутием да исцево на нем доправя, да судне его продати». В свою очередь ст. 11 устанавливает: «А поймают татя вдругые с татбою, ино его казнити смертною казнию, а исцево заплатити изь его статка, а досталь его статка судье».

Последняя из цитированных статей устойчиво ассоциируется в науке с рецидивом преступлений. Однако ею не исчерпывается нормативное воплощение идеи ответственности за множественность преступлений. Неоднозначную трактовку получила в литературе ст. 13 Судебника 1497 г. Она определяет: «А с поличным его приведут впервые, а взмолвят на нею человек пять или шесть по великого князя по крестному целованию, что он тать ведомой, и преж того неодинова крадывал, ино того казнити смертною казнию, а исцево заплатити из его статка». Признавая очевидную связь этого положения с регулированием правовых последствий множественной преступной деятельности, В.П. Коняхин утверждает, данная норма восходит к неоднократности², в тоже время Э.Г. Шкредова связывает ее с

---

¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М., 1985. С. 55–63.

² Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 23

совокупностью преступлений¹. Спор этот сложно разрешим. Но научная ценность результатов его разрешения представляется сомнительной. Исследуемое нормативное предписание устанавливает повышенную санкцию за совершение преступления лицом, которое ранее «неодиново крадывал», но которое было привлечено к ответственности впервые и, что особенно важно, было признано свидетелями «ведомым татем». Представляется, что смысл этой статьи, особенно если трактовать ее в контексте иных положений Судебника (ст. 12, ст. 14), состоит все же в необходимости усиления наказания не столько за сам факт множественности преступлений, сколько за факт признания лица «ведомым». В силу отмеченных выше уголовно-правовых предпосылок формирования множественности, в ст. 13 Судебника акценты смещены с количества совершенных лицом деяний, на особенности его личности. Именно в Судебнике 1497 г. впервые оформляется понятие «ведомого лихого человека», которому в последующем дано будет сыграть важнейшую роль в законодательном регулировании правовых последствий не только множественной, но и иной преступной деятельности.

Наиболее ярко уголовно-правовое значение «облихования» проявилось в Судебнике 1550 года². Он в целом сохранил подход предшествующего Судебника в части усиления наказания за вторичное имущественное преступление. В ст. 55 документа значилось: «А которого татя поймают с тадбою с какою ни буди впервые, опричь церковные и головные тадбы, а в ыноп в прежней тадбы довода на него не будет, ино его казнити торговою казнию, бив кнутьем, да исцов иск доправити, а его дати на крепкую поруку; а не будет по нем крепкие поруки, ино его вкинути в тюрьму, доколе порука по нем будет»; а ст. 56 предусматривала: «А поймают того ж татя с тадбою вдругие, ино его пытати; а скажет на себя сам, ино его казнити смертною

---

¹ Шкредова Э.Г. Формирование норм о множественности преступлений в рамках некодифицированного уголовного законодательства России (X–XVIII вв.) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3. С. 186.

² Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М., 1985. С. 97–125.

казнью, а истцово заплатити изъ его статка; а не будет у которого татя с ысцову гибель, ино его казнити велети смертною казнью, а истцу въ его гибели не выдати. А питан на собя не скажет, ино про него послати обыскати; и скажут про него, что он лихой человек, ино его кинути в тюрьму до смерти; а назовут его добрым человеком, ино его дати на крепкую поруку; а не будет по нем крепкие поруки, ино его вкинути в тюрьму, доколе по нем порука будет крепкая».

Однако, в отличие от своего предшественника, Судебник середины XVI столетия, гораздо большее внимание уделял облихованию, как процедуре и итогу признания лица «лихим» («ведомым лихим»). «Лихой» - человек, систематически занимающийся преступной деятельностью—татьбой, разбоями, душегубством, ябедничеством—всегда подлежал смертной казни как личность заведомо неисправимая. Даже при отсутствии прямых доказательств совершения преступления, признание лица «лихим» влекло для него негативные уголовно-правовые последствия. Как отмечает В.А. Рогов, именно деятельность «лихих» считалась действительно преступной в отличие от иных нарушений закона, где сохранялась возможность исправительного воздействия уголовных наказаний. «В отношении преступников-профессионалов главной заботой государства было фактическое доказательство их принадлежности к категории «лихих», в случае доказательства этого следовала смертная казнь»¹.

Таким образом, следуя внутренней логике развития уголовного права, определяющей взгляд на преступление как на порождение злой воли преступника, а на наказание – как на средство одновременно и исправления, и защиты публичного порядка, нормативные акты XV–XVI столетий вполне отчетливо противопоставляют единичные преступления множественной преступной деятельности, однако в понимании и оценке последней основное внимание уделяют все же личности виновного, что отражает, среди прочего,

---

¹ Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995. С. 65.

значимые вехи в становлении и развитии принципа индивидуализации наказания и шире – справедливости¹.

Надо отметить, что с исторической точки зрения оформление и нормативное закрепление идеи усиления наказания при множестве преступных деяний произошло весьма своевременно, буквально накануне «криминальной революции» XVI–XVII столетия. Этот период в истории Российского государства, по свидетельству источников и специалистов, в криминологическом отношении отмечен интенсивными процессами роста объемов и уровня опасности преступности. Так, Губная Белозерская грамота 1539 г. объясняет причины ее издания и установления новых порядков суда в уезде следующими фактами: «у вас в тех ваших волостях многие села и деревни розбойники розбивают и животы ваши грабят, и села и деревни жгут, и на дорогах многих людей грабят и розбивают, и убивают многих людей до смерти. А иные многие люди у вас в волостях розбойников у себя держат, а к иным людям розбойники с розбоем приезжают и роз-бойную рухлядь к ним привозят»². А.В. Рогов, глубоко анализировавший данный вопрос, пишет, что социально-психологическая, экономическая и политическая ситуации в стране в этот период «вызвала не просто рост преступности, а рост профессиональной преступности, и основной целью профессиональных разбоев, грабежей и убийств было завладение собственностью». Причем, формирование массовой преступности в стране, по мнению автора, было связано не только с социально-психологическими, но и общеуголовными аспектами, поскольку профессиональная преступность имела внесловный характер³. На формирование профессионального вида

---

¹ Досаева Г.С. Трансформация концептуальных основ законодательных оценок множественной преступной деятельности в России XV–XVIII столетий // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 11. С. 49–56.

² Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М., 1985. С. 213–214.

³ Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995. С. 61–62, 64.

преступности в этот период обращает внимание А.И. Гуров¹. Д.С. Лихачев свидетельствует, что появление сплоченной воровской среды относится по преимуществу ко времени (XV–XVI вв.), когда массовые экспроприации земли и, следовательно, быстрая пауперизация создали условия первоначального накопления капитала². Н.С. Таганцев, характеризуя обстановку в России и в середине XVII века, отмечал, что «великое шатание земли Русской» поколебало все основы юридического порядка: «своеволие, буйства, разбои и грабежи стали повседневным явлением и требовали напряженной государственной деятельности; права и суда не существовало, надлежало водворить их, восстановить в народном сознании забытое уважение к правосудию, боязнь царского гнева»³.

В таких условиях государство не могло оставаться безучастным к проблемам правопорядка и не реагировать на ухудшающиеся параметры криминологической обстановки. Однако прежней системы построения ответственности за множественность преступлений, основанной на категории заведомого лихого татя было уже недостаточно ни с криминологической точки зрения, ни с позиций достигнутого уголовным правом уровня развития категорий преступлений и наказания, ни с точки зрения принципиальных основ построения системы уголовной юстиции.

Окончательное оформление концепции преступления как деяния общественно опасного, антигосударственного, повлекло за собой и трансформацию представлений об уголовном наказании в направлении признания его сущностью кары, возмездия со стороны государства за неисполнение установленных им предписаний. На этом фоне постепенно в сфере уголовно-правового мышления и практики оформляется две взаимосвязанные идеи: необходимости обеспечения соответствия (вплоть до

---

¹ Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 55.

² Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. М.-Л., 1935. Т. 3–4. С. 45. [Электронный ресурс]: Режим доступа http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/cherti_perv.pdf (дата обращения 07.11.2011)

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 99.

формализованного равновесия) между преступлением и наказанием и переход от концепции personjustiz к концепции tatjustiz, то есть к правосудию и закону, в большей степени ориентированному на характеристики совершенного общественно опасного деяния (в том числе и их количества), нежели на свойства личности виновного (подчеркнем: речь ни в коем случае не идет о забвении начал индивидуализации наказания или игнорирование данных о личности, речь идет лишь о некоторой расстановке акцентов). В такой уголовно-правовой системе оформляется предельно четко понимание именно преступления, а не личности виновного, основой назначения уголовного наказания.

Выразителем принципиально нового подхода к сущности уголовного права и уголовного правосудия стало Соборное Уложение 1649 г.¹ – «самое крупное предприятие века», по словам А.А. Кизеветтера². Высочайшее качество проработки важнейших уголовно-правовых вопросов и уровень их технического воплощения позволил Уложению оставаться основным источником уголовного права вплоть до первой трети XIX столетия, что еще раз подтверждает факт оформления в нем идей и конструкций, намного лет вперед определивших развитие отрасли, а отчасти–и ее современное состояние.

Характеризуя Соборное Уложение в качестве источника уголовного права, Н.С. Таганцев верно отметил его принципиальную, по сравнению с ранее действовавшими актами, особенность: «Понятие о преступнике как о земском разорителе, о вedomом лихом человеке, которое стояло на первом плане в судебныхниках и уставных грамотах, стусшевывается. Государево дело – вот преобладающий элемент юридических отношений того времени. Самодержавная власть делается основным, двигающим принципом всей народной жизни, все люди божьи да государевы, а потому неповиновение и

---

¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 3. Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1985. С. 83–257.

² Кизеветтер А.А. Из истории законодательства в России XVII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 1904. С.10, 14.

противодействие этой всемогущей власти составляет самую выдающуюся черту преступления»¹. Отсюда вполне понятной становится и главная цель наказания—не столько исправление и перевоспитание преступников, и тем более не компенсации потерпевшему, а устрашение населения и предупреждение преступлений. Такая цель закономерно гарантировала относительную жестокость санкций Соборного Уложения. Хотя, как свидетельствуют специалисты, ее следует рассматривать не изолированно, а в более широком контексте духа права, правоприменительной практики, потребности населения в восстановлении порядка после Смутного времени. «Дух» русского уголовного права, его этическая православная основа служили своего рода «фундаментом», с одной стороны, не позволявшем утвердиться чрезвычайной жестокости в назначении наказания, а с другой стороны, предполагавшем необходимость проявления сострадания, терпимости и милосердия. Как указывает В.А. Рогов, «в карательной политике Московского государства имело место сложное переплетение элементов лояльности и репрессивности. Дуализм проявлялся и в политике казней, но основное ее направление не было связано с какими-то особыми масштабами жестокости»². О том же пишет В.В. Кулыгин. Подчеркивая связь гуманистических ценностей православия с карательной политикой государства, он отмечает, что несмотря на очевидный репрессивный характер уголовного права Великого княжества Московского, господствующая в русском обществе жестокость наказаний, столь естественная для любого средневекового социума, ни по масштабам, ни по изощренности никогда не достигала западноевропейского уровня³.

Зафиксированные в Соборном Уложении изменения двух центральных категорий уголовного права – преступления и наказания – не могли не

---

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 100.

² Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995. С. 110.

³ Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права. М., 2002. С. 53, 84.

повлечь за собой и трансформации законоположений о множественности. В области конструирования соответствующих уголовно-правовых норм это нашло выражение:

- во-первых, в отказе уголовного законодателя середины XVII столетия от категории «лихой»,

- во-вторых, в установлении более зримой, рельефной связи между количеством преступлений и размером (видом) наказания.

Так, в частности, в Главе 21 Соборного Уложения «О разбойных и о татинех делех», ст. 9 устанавливала: «А приведут татя, а доведут на него одну татьбу, и того татя пытатъ и в и(ы)ных татьбах и в убийстве, да будет с пытки в и(ы)ных татьбах и в убийстве не повинится, а скажет, что он крал впервые, а убийства не учинил, и того татя за первую татьбу бить кнутом и отрезать ему левое ухо, и посадити его в тюрьму на два года, а животы его отдать исцом в выть, и ис тюрьмы выимая его, посылать в кайдалах работать на всякия изделья, где государь укажет. А как он два года в тюрьме отсидит, и его послать в Украинные города где государь укажет, и велеть ему в Украинных городех быти, в какой чин он пригодится, и дать ему письмо за дьячьєю приписью, что он за свое воровство в тюрьме урочныя годы отсидел, и ис тюрьмы выпущен». Согласно ст. 10 «А будет того же татя изымают на другой татьбе, и его потому же пытатъ в и(ы)ных татьбах. Да будет он повинится толко в дву татьбах, а убивства он не учинил же, и его после пытки бить кнутом, и урезав у него праваго уха, посадить в тюрьму на четыре года, а ис тюрьмы выимая его посылать на всякия государевы изделья, потому же в кайдалах. А как он в тюрьме урочные лета отсидит, и его сослать в Украинные же города, где государь укажет, и дать ему письмо, что он и за другую татьбу урочные годы в тюрьме отсидел и ис тюрьмы выпущен». Наконец, в ст. 12 определялось: «А приведут татя, а доведут на него татбы три, или четыре или больши, и того татя пытав казнити смертью, хотя он и убийства не учинил, а животы его отдать исцом в выть».

Продемонстрированный в цитированных статьях принцип последовательного усиления наказания в случае совершения второго, третьего и последующих преступлений распространялся в иных статьях Уложения на разбой (учитывая повышенную опасность разбоя, смертная казнь назначалась уже за второе преступление, ст. 16–18 Главы 21); на корчемство (учитывая относительно невысокую степень опасности незаконного оборота алкогольной продукции, совершение преступления и в третий раз влекло лишь штраф, битье кнутом и тюремное заключение, ст. 1, 2 Главы 25); на торговлю табаком (ст. 15, 16 Главы 25); побег с государственной службы (ст. 8 Главы 7).

Здесь обнаруживает себя весьма значимая тенденция экстенсивного распространения правил усиления наказания при множественности с имущественных на иные виды преступлений, которая все еще сдерживалась отсутствием в праве общих понятий и конструкций, в силу чего Уложение лишь казуистично перечисляло виды преступлений, которые должны были влечь усиление наказания при множественности их совершения. Вместе с тем, такое накопление юридического материала следует расценивать в качестве важного и необходимого условия появления в последующем законодательстве общих норм.

Эти же нормы при их внимательном исследовании подтверждают тезис о том, что множественная преступная деятельность, согласно Уложению 1649 года, позволяла в известной мере игнорировать данные о личности преступника. На первое место в данном случае выходит именно факт совершения нескольких преступлений, факт множественного нарушения установленных государством (монархом) правил (очевидно, этот факт одновременно служил и неоспоримым доказательством нравственной испорченности личности).

Еще одним подтверждением этого тезиса может служить наличие в Соборном Уложении нормативных предписаний, которые с полным основанием можно отнести к предшественникам законоположений о

совокупности преступлений¹. Хотя надо признать, что четкого различия совокупности и неоднократности в это время еще не было. На этот факт обратил внимание еще М.Ф. Владимирский-Буданов, указывая, что «в законах повторение не отличается от стечения»². Так, ст. 18 кодекса гласила: «А которые розбойники говорят на себя в роспросе и с пыток, что они были на одном розбое, да на том же розбое учинили убийство, или пожгли дворы, или хлеб, и тех розбойников и за первой розбой казнить смертью». Аналогичное правило устанавливала ст. 13: «А будет тать учинит и на первой татьбе убийство, и его казнить смертью». В этих ситуациях налицо факт совершения лицом нескольких разнородных преступлений до наказания хотя бы за одно из них. Оценивался он законодателем вполне определенно: как факт, заслуживающий назначения самого строгого наказания. Мы бы удержались от рассуждений на предмет того, поглощало ли в данном случае наказание за убийство наказание за разбой или кражу, или смертная казнь выступала итогом сложения наказаний за преступления, входящие в совокупность. Нам важно одно – первый шаг на пути закрепления правил о совокупности преступлений был сделан, и обязательными условиями его осуществления в законе стали: четкое различие опасности деяния и опасности личности преступника; своего рода отрыв преступления и наказания от личности преступника и потерпевшего; перенос преступления и наказания в область юридических абстракций, требующих паритетного соотношения; признание самоценности правопорядка; фиксация именно преступления в качестве основания и мерила ответственности виновного.

Определенный Соборным Уложением принципиальный подход к решению вопросов множественности преступлений был продолжен и развит в Новоуказных статьях 1669 г.³ Так, ст. 8 воспроизводила конструкцию

---

¹ См. об этом: Хисматуллина Ю.Р. Совокупность преступлений: история развития и проблемы соотношения идеальной и реальной совокупности // Сибирский юридический вестник. 2003. № 2.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 350.

³ См.: Памятники русского права. Вып. 7. М., 1963. С. 393–458.

рецидива и устанавливала: за первую кражу – наказание «бить кнутом и отсечь два пальца меньшие у левой руки, и свободить с порукой, что ему впредь не воровать»; за вторую кражу, если «казненные люди объявятся где на воровстве», «им по указу Великого Государя быть в жестоком наказанье, отсечь им по руке да по ноге» (аналогичные предписания содержала и ст. 15 Новоуказных статей). Указание в этих нормах на «казненных» вполне четко связано с фактом отбытия предшествующего уголовного наказания как одним из главных признаков рецидива в его современной интерпретации.

В ст. 9, 10 и 11 Новоуказных статей воспроизводятся формулы совокупности и неоднократности преступлений: «А который человек будет в первом приводе, а в расспросе и с пытки повинится в двух татьбах: и ему за те татьбы учинить наказанье, бить кнутом, и отсечь левую руку по запястью, и свободить его с порукой, что ему впредь не воровать»; «А будет тать и на первой татьбе учинит смертное убийство, и его казнить смертью»; «А будет приведут татя, и доведут на него татьбы три, или четыре, или больше: и того татя пытав, казнить смертью, хотя он и убийства не учинил, а животы его отдать истцам за выти».

Если оставить в стороне вопросы о количестве совершаемых лицом преступлений, их тождественности или разнородности, наличии или отсутствии факта наказания за предыдущие преступления, вопрос о виде и размере наказания за множественность преступлений – то есть все те, детальное обсуждение которых составляет основу современной интерпретации института множественности преступлений, но которые имеют малое значение при обсуждении историко-правовых проблем, и сосредоточить внимание на главных, знаковых моментах генезиса уголовного права, можно констатировать, что и формально, и по существу, середина XVII столетия с полным основанием может быть принята за время, когда в русском уголовном праве окончательно формируются основы института множественности преступлений. И связано это было с возникновением господствующей поныне уголовно-правовой парадигмы, в

рамках которой преступление есть нарушение публичного правового порядка, а наказание есть следствие преступления, призванное формально восстанавливать этот порядок и предупреждать факты его нарушения.

Дальнейшее развитие уголовно-правовых норм о множественности преступлений шло по пути лишь уточнения отдельных признаков и понятий, кристаллизации форм, детализации правил назначения наказания. Но происходить все это будет несколько позже, уже в XIX столетии, на фоне активизации научного осмысления темы и работ по кодификации российского законодательства.

Определенный Соборным Уложением и Новоуказными статьями подход к наказуемости множественности преступлений не претерпел существенных трансформаций в XVIII веке. Бурная законотворческая деятельность Петра I практически не отразилась на известных нормативных конструкциях рецидива и совокупности (неоднократности).

Так, к примеру, Воинские Артикулы 1715 г.¹ в п. 10 определяли: «Есть ли офицер без важной притчины при молитве присудствен не будет, тогда надлежит за каждую небытность по полтине штрафу с него в шпиталь брать, а редового в первые и вдругоредь ношением ружья, а в третие заключением в железа на сутки наказать». Артикул 11 также дифференцировал наказание в зависимости от количества правонарушений: «Когда офицер при молитве пьян явится, а чрез оное пьянство другим соблазн учинит: тогда оный имеет в первые и вдругоредь арестом у профоса наказан, а в третие на несколько времени от службы отставлен, и рядовым учинен быть». Сходные по сути предписания содержатся и в иных статьях. Артикул 189 определял: «Ежели кто в воровстве пойман будет, а число краденаго более двадцати рублей не превозыдет, то надлежит вора в первые шестью сквозь полк прогнать шпицрутен, вдругоредь двенадцатью, а в третие, отрезав нос и уши, сослать на каторгу, а украденное всегда от него отобрать». Вслед за этим, Артикул

---

¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1985. С. 327–365.

191 устанавливал: «Ежели кто украдет .... в четвертые, оный хотя много или мало украл, имеет быть повешен»¹.

Обобщенная оценка содержания Артикулов и некоторых иных нормативных актов XVIII века² показывает:

- во-первых, относительно неглубокую проработку вопросов множественности (слабое различие рецидива от неоднократности, а неоднократности от совокупности преступлений³);

- во-вторых, предельно четкое отражение в тексте документа сословного характера молодого абсолютистского государства, что отражалось в изменении оснований дифференциации наказания в зависимости от свойств и качеств личности виновного: на смену градации наказания на основании криминогенных свойств личности (что было свойственно первым памятникам права и отражало в известной степени представления о множественной преступной деятельности) пришла

---

¹ Этот же принцип, устанавливающий зависимость размера наказания одновременно от значительности преступления и количества случаев его повторения, был воспроизведен в ст. 269, 273 и др. Устава благочиния 1782 г. (см.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е.И. Индова. М., 1987. С. 383–384, 386).

² См., в частности, Указ от 7 февраля 1718 г. О наказании разбойников и смертоубийц и об учинении смертной казни беременным женщинам после разрешения их от бремени (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. 5. СПб., 1830. С. 539–540); Указ от 26 августа 1726 г. О преступниках, которые отбывая наказания, станут доносить на других в преступлениях по первым двум пунктам (Т. 7. С. 695); Приговор от 10 ноября 1771 г. Генеральной комиссии над виновниками и соучастниками бывшего в Москве мятежа, при котором убит Архиепископ Амвросий (Т. 19. С. 364–371); Указ от 3 апреля 1781 г. О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях (Т. 21. С. 108–109). В этих документах, среди прочего, воспроизводились и решались вопросы наказания при множественности преступлений.

³ Пожалуй, наиболее четко (насколько это было возможно сделать в то время) совокупность преступлений и рецидив (неоднократность с предшествующим осуждением) были разграничены в Указе от 20.11. 1721 г. «О нечинении в Нижних Судах над виновными экзекуции без апробации Надворных Судов и наказаниях, которые должно определять вора и смертоубийцам» (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. 6. СПб., 1830. С. 452–453). В документе значилось: «Татям, за первую и вторую татбы чинить наказание и освободить на поруки, как указы повелевают, а за три, вырезав ноздри, ссылать на галеру в вечную работу. Буде же где в таких воровствах пойман будет, у кого будут ноздри вырезаны, и таковых, как разбойников, так и татей, казнить смертию».

дифференциация наказания на основании сословной принадлежности виновного (что не имело прямого отношения к множественности);

в-третьих, некоторую либерализацию законодательного подхода к наказуемости множественной преступной деятельности (смертная казнь устанавливалась лишь за четвертый случай воровства). Этот момент заслуживает отдельного внимания. Ю.И. Бытко, В.Е. Южанин и А.В. Армашова¹ усматривают в нем проявление специфических особенностей уголовной политики абсолютизма, в большей степени ориентированной на предупреждение политических преступлений, которым несвойственна множественность, нежели общеуголовных, где множественность встречается существенно чаще. Не исключая этого отметим, что более близкую причину следует искать в изменении системы уголовных наказаний—появлении в ней значительного числа наказаний, которые могли быть измерены и дозированы (лишение свободы, ссылка, каторга, членовредительские наказания, пени). Это позволило обеспечить более дифференцированный подход к наказуемости множественности, в том числе и некоторое общее смягчение правил, несмотря на то, что в целом Воинские Артикулы по степени строгости заложенных в них санкций намного превосходили все предшествующие правовые документы русского права. Это же изменение в видах наказаний породило в последующем и потребность в разработке системы предписаний относительно их сочетания между собой, сложения, поглощения, и тем самым способствовало как более четкому разграничению совокупности и неоднократности преступлений, так и совершенствованию правил о множественности вообще².

Подводя итоги исследованию вопроса о генезисе нормативных предписаний о множественности преступлений в русском праве X–

---

¹ Бытко Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве: история и современность. Саратов, 1998. С. 18; Южанин В.Е., Армашова А.В. Проблемы рецидива преступлений и ответственности за него по уголовному праву России. М., 2007. С. 87.

² Досаева Г.С. Становление института множественности преступлений в уголовном праве России. Ростов-на-Дону: Дониздат, 2014.

XVIII веков, представляется возможным на основании проведенного анализа, сформулировать следующие заключительные тезисы:

- усиление ответственности за множественную преступную деятельность и формирование уголовно-правового института множественности преступлений напрямую определялось динамикой представлений о сущности преступления и наказания в общественном и правовом сознании;

- магистральное направление эволюции правовой конструкции множественности преступлений состояло в движении от непризнания необходимости усиления наказания за множественную преступную деятельность – через усиление наказуемости деяний, совершенных отдельными категориями лиц, склонных к совершению преступления и потому опасных для общества – к установлению паритетного соотношения между преступлением, их количеством, и наказанием, его объемом;

- уголовно-правовыми предпосылками нормативного оформления специальных предписаний о множественности преступлений выступили сложившееся к середине XVII столетия понимание преступления как нарушения публичного правопорядка и наказания как устрашающей меры предупреждения преступлений, а также модификация самой системы наказаний в направлении появления в ней делимых видов наказаний;

- развитие уголовно-правовых предписаний о множественности преступлений в период Средневековья и Нового времени характеризовалось экстенсивным распространением правил усиления наказания, ограниченных первоначально группой имущественных преступлений, на более широкий круг посягательств, с одновременным сохранением казуистичной формы их изложения, что отражало особенности процесса формирования права (а потому не должно оцениваться в качестве недостатка правовых источников) и позволило к концу XVIII столетия накопить достаточно опыта для последующей качественной трансформации исследуемых законоположений.

§2. Эволюция уголовно-правовых норм и теоретических оценок множественности преступлений в России XIX–начала XX веков

Развитие отечественного уголовного права к XVIII столетию привело к появлению столь значительного числа уголовно-правовых предписаний, что они своей совокупностью стали представлять хаотичное и бессистемное нагромождение указов и постановлений. Часть из законоположений была систематизирована, другие разрозненно содержались в многочисленных Указах и распоряжениях; одни из них сохраняли свою юридическую силу, другие, хотя и не были формально отменены, уже не отвечали требованиям времени и изменившимся общественным условиям. Такое состояние источниковой базы не могло более удовлетворять потребностям организации уголовного судопроизводства и обеспечению безопасности. Однако многочисленные комиссии по кодификации законодательства, работавшие на протяжении практически всего XVIII века, так и не решили проблемы упорядочения уголовно-правовых предписаний¹. Необходимость в новом уголовном законе была удовлетворена лишь в 1832 году с изданием тома XV Свода законов², объединившего и приведшего в систему свыше полутора тысяч уголовно-правовых актов, принятых в России, начиная с 1649 г.

Значение этого документа для развития отечественного уголовного права (да и права вообще) сложно переоценить: «только с изданием Свода народ узнал так или иначе, что такое закон, где его начало и где его конец»³. Вместе с тем, оценка Свода законов собственно как правового источника в отечественной науке весьма неоднозначна. По мнению М. Коркунова, этот документ не имел характера самостоятельного закона, а лишь значение

---

¹ Солодкин И.И. Очерки из истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.). Л., 1961. С. 6–7.

² Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 15. Законы уголовные. СПб., 1832.

³ Шимановский М.В. О значении свода законов Российской империи для науки и жизни. Одесса, 1928. С. 3. [Электронный ресурс]: Режим доступа <http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=50258> (дата обращения 10.11.2011)

аутентичного толкования прежних нормативных актов¹. Также оценивал том XV Свода законов и М. Ступин, когда указывал, что он представляет собой не уголовное уложение в собственном смысле, а лишь собрание «прежних разнообразных постановлений и приговоров, которым придана внешняя система и стройность»². Вместе с тем, сама законодательная власть и многие иные специалисты смотрели на Свод несколько иначе. М.Ф. Владимирский-Буданов свидетельствует, что Государственный Совет 19.01.1833 г. постановил считать Свод «законом, коим должно руководствоваться исключительно»³. Еще отчетливее значение Свода подчеркнуто в Манифесте Николая I «Об издании Свода законов Российской Империи» от 31.01.1833 г. В нем провозглашено: «1. Свод имеет воспринять законную свою силу и действие с 1 января 1835 г. 2. Законная сила Свода имеет тогда состоять в приложении и приведении статей его в делах правительственных и судебных и, вследствие того, во всех тех случаях, где прилагаются и приводятся законы и где или составляются из них особые выписки, или указывается токмо их содержание, вместо того прилагать, приводить и делать указания и ссылки на статьи Свода, делу приличные»⁴.

Учитывая изложенное, представляется, что сомнений собственно в нормативной природе Свода законов быть не должно.

Однако в свете решаемых в настоящей работе проблем, вопрос о юридической силе Свода отходит на второй план в сравнении с содержанием, а главное – формой этого документа. В отличие от проектов Уголовного Уложения, которые составлялись в середине XVIII века⁵ и которые сохраняли подход к изложению нормативного материала, свойственный еще

---

¹ См. об этом: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 278.

² Ступин М. История телесных наказаний в России от Судебников до настоящего времени. Владикавказ, 1887. С. 59.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 278.

⁴ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Т. 8. Отд. 1. СПб., 1834. С. 68.

⁵ См.: Проекты Уголовного Уложения 1754–1766 годов / под ред. А.А. Востокова; предисл. Н.Д. Сергеевского. СПб., 1882.

Соборному Уложению 1649 г., том XV Свода законов впервые в истории русского уголовного права: а) отделил материальные уголовно-правовые предписания от процессуальных норм; б) обособил внутри уголовного права нормы Общей части от норм Особенной части; в) сгруппировал уголовно-правовые предписания на основе научных критериев, которые (за известными и объективными исключениями) в основном и сегодня определяют структуру уголовного закона. При этом нормативный материал Общей части уголовного права был выстроен, как и сегодня, по логике—«от преступления к наказанию», а материал Особенной части был сгруппирован, исходя из признаков объекта в составе посягательства.

При всех, присущих тому 15 Свода недостатках (а они были вполне объективны, учитывая общее состояние российской юриспруденции того времени), современные исследователи практически единодушно отмечают, что Свод законов с позиции структурного оформления был достаточно совершенен, не уступая и даже превосходя некоторые западноевропейские аналоги того времени¹.

Акцент на строении и структуре тома XV Свода законов сделан нами не случайно. Структурное обособление тех или иных предписаний внутри нормативного акта представляется крайне важным, поскольку оно:

- отражает тот факт, что законотворческая и правоприменительная практика накопили некий массив правил, каждое из которых в различных аспектах регулирует разновидность близких, родственных отношений;
- служит одним из значимых обстоятельств, отражающих официальное мнение законодателя относительно их сущности и социального предназначения;
- демонстрирует место этих предписаний в системе иных правоположений, вскрывает содержание системных взаимосвязей правовых норм внутри правового акта;

---

¹ См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части Российского уголовного права. СПб., 2002. С. 45; Жук М.С. Институты Российского уголовного права: история развития и современное понимание. Краснодар, 2010. С. 24.

- в конечном итоге, свидетельствует о формировании правового института и служит основой (признаком) институционального строения отрасли права¹.

Кроме того, как верно отмечает Г.С. Фельдштейн, «создание нового способа изложения и расположения материала, являясь само по себе скромным прогрессом, неудержимо влечет за собой дальнейшее усовершенствование и оплодотворение форм выражения действующего права общими философскими понятиями»².

Принимая во внимание эти теоретические посылки, обратим внимание, что интересующие нас нормативные предписания относительно множественности преступлений в 1832 г. были сгруппированы законодателем и помещены двумя самостоятельными подотделами – «Стечение преступлений (подотд. IV) и «Повторение преступлений (подотд. V)–в отделение V «Об обстоятельствах, увеличивающих вину» главы IV «О мере наказания по мере вины» Общей части тома XV Свода законов.

Тем самым, с содержательной точки зрения, было четко зафиксировано различие двух форм множественности преступлений: стечения и повторения.

Под стечением преступлений Свод понимал следующие ситуации: а) совершение одного действия, содержащего в себе составы нескольких преступлений (стечение идеальное); б) неоднократное совершение одного и того же преступления, ни за одно из которых лицо еще не было наказано (стечение реальное однородное); в) совершение в разное время различных деяний, за которые лицо также еще не было наказано (стечение реальное разнородное).

---

¹ Досаева Г.С. Институциональное оформление множественности преступлений в Своде законов Российской империи 1832 года / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 1. С. 91–94.

² Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 288.

Общим признаком всех проявлений стечения преступлений признавался факт отсутствия в прошлом наказания за их совершение. Соответственно, совершение преступления после отбытия наказания за предыдущее образовывало уже не стечение, а повторность. Статья 124 Свода гласила: «Повторение одного и того же преступления умножает вину преступника. Повторением преступления считается то, когда преступник, будучи наказан за преступление, учинил то же самое в другой или третий раз».

Оценивая эти нормативные предписания, конечно, нельзя не заметить некоторых содержательных пробелов и противоречий:

- с одной стороны, Свод весьма четко противопоставляет формы множественности, связанные и не связанные с отбытием наказания за предшествующее преступление, а с другой стороны, – сохраняет наследуемое от прежних эпох неразличение неоднократности и рецидива;

- Свод дает ограничительное толкование повторению преступления. Буквальное толкование соответствующей нормы дало основание Н.С. Таганцеву верно подметить, что Свод признавал повторением лишь совершение двух тождественных преступлений, в то время как совершение лицом, ранее наказанным, нового разнородного преступления уже не образовывало множественности¹;

- положения о множественности преступлений были размещены в Общей части уголовного закона, но формализованные предписания о наказуемости множественности здесь были крайне слабо развиты, поскольку Свод предоставлял широкие полномочия судье в части определения меры наказания; в то же время положения о множественности (в частности, о повторении) сохранялись в нормах Особенной части уголовного законодательства, где вопрос об их наказуемости решался более детально, а границы судейского усмотрения были весьма четко ограничены²;

---

¹ Таганцев Н.С. О повторении преступлений. СПб., 1867. С. 267, 268.

² Н.С. Таганцев заключал, что согласно Своду, «действительную силу повторение имело лишь при некоторых, специально указанных преступлениях; во всех остальных придание ему значения зависело совершенно от усмотрения судьи, так как закон не придавал ему

- множественная преступная деятельность, согласно Своду, охватывалась, в основном, нормами о стечении и повторении преступлений; вместе с тем, некоторые проявления множественности (в частности, разнородное повторение с предшествующим осуждением) не составляли предмета специального регулирования и оценивалось на основании общих норм об оценке личности виновного (в частности, его поведения до совершения преступления)¹.

Можно, наверное, и продолжить перечень факторов, которые с современных позиций представляются, скорее недостатками Свода. Но такая критика непродуктивна. С точки зрения историко-правового анализа гораздо важнее подчеркнуть особую значимость тома XV Свода законов для формирования института множественности преступлений. Именно этот нормативный документ:

- определил уголовно-правовое значение множественности преступлений как обстоятельства, усиливающего уголовное наказание, при совершении любого преступления, тем самым признав принадлежность положений о множественности преступлений области Общей части уголовного права и развил так называемые «философские понятия» уголовного права (С.Г. Фельдштейн);

- достаточно прочно связал нормативные предписания о множественности преступлений с институтом назначения уголовного наказания, а не с институтом преступления, что объяснялось, очевидно, прикладной ролью исследуемых предписаний в механизме уголовно-правового регулирования.

Еще одно несомненное значение тома XV Свода законов 1832 г. состоит в том, что он появился во многом благодаря развитию отечественной

никакой обязательности». См.: Таганцев Н.С. О повторении преступлений. СПб., 1867. С. 266.

¹ При этом, регламентируя процесс наказания, Свод (ст. 105) возлагал на суд две основные обязанности: а) «чтобы не налагать наказания паче меры содеянного преступления»; б) «чтобы оказывать себя более милостивым, нежели жестоким, памятуя, что и Судья человек есть».

науки уголовного права, одновременно стимулируя ее как самим фактом своего создания, так и последующим переизданием. Как отмечает Г.С. Фельдштейн, «подготовка материала для целей кодификации далеко не бедна в этот период разного рода попытками научного характера. На почве их вырос не только ряд редакций Проекта Уголовного уложения, но и некоторое количество трудов по уголовному праву догматического характера»¹. При этом сам Г.С. Фельдштейн в первом ряду сочинений, самым тесным образом примыкавших к деятельности комиссии по составлению Свода, и весьма ценных для развития уголовного права в силу того, что при их подготовке был использован не столько историко-правовой, сколько формально-логический, догматический метод, крайне необходимый для упорядочения и внутренней систематизации нормативного материала, называл труды О. Горегляда (1815), Г. Солнцева (1820) и П. Гуляева (1826).

Учитывая предмет и направленность настоящего исследования, обратимся к рассуждениям первых русских догматиков относительно множественности преступлений². Отметим, что в сочинении П. Гуляева вопрос о стечении и повторении преступлений в рамках выделенной автором главы «О преступлениях и наказаниях вообще» не поднимался. Лишь при изложении предписаний Особенной части П. Гуляев воспроизводит известные нормы о повышенной наказуемости отдельных преступлений, совершенных во второй и (или) третий раз³, что лишний раз свидетельствует о сложных и порой противоречивых путях теоретического обобщения нормативного материала уголовного права, о трудностях практической систематизации и кодификации норм русского права в первой трети XIX столетия. Только у О. Горегляда и Г. Солнцева множественность

---

¹ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 246.

² Досаева Г.С. Первые опыты теоретической интерпретации множественности преступлений в русской уголовно-правовой науке // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 9. С. 81–85.

³ Гуляев П. Российское уголовное право, составленное из Российских государственных узаконений. М., 1826. С. 84–85, 125–126, 131–132.

преступлений была возведена в ранг проблем Общей части уголовного права, однако подход к изложению соответствующего материала у этих авторов был в некоторых моментах принципиально различен.

О. Горегляд, непосредственный участник комиссии по составлению Свода законов, в своем «Опыте начертания Российского уголовного права» признавал стечение преступлений и повторение их «особенными причинами, увеличивающими вину преступника»¹. Он же одним из первых дал обобщенные дефиниции исследуемых феноменов.

В работе отмечается: «Стечение преступлений состоит в том, когда несколько ненаказанных еще преступлений одного и того же самого преступника откроются вместе в одном и том же суде или по одному и тому же уголовному делу»². И далее: «стечение преступлений бывает: 1) когда одно и то же преступление учинено над разными людьми, 2) когда несколько разных преступлений учинено над одними и теми же лицами; 3) когда преступник во многих деяниях или в одном главном деле учинил разные преступления». Последствием стечения преступлений должно было служить, по мнению О. Горегляда, усиление наказания. Однако им отмечалась противоречивость русского закона в этой части: «При стечении некоторых преступлений закон определяет строжайший род или строжайшую степень наказания; при стечении же других, где наказание законом неопределенно, принимаются в соображение все узаконения до стекшихся преступлений относящиеся и одно наказание, следующее за главнейшее преступление, увеличивается».

---

¹ Горегляд О. Опыт начертания Российского уголовного права. Часть 1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб., 1815. С. 86–88.

² Это определение, в той или иной модификации воспроизведенное многими отечественными юристами XIX столетия, во многом основывалось на дефиниции П.А. Фейербаха, который был привлечен к работе над систематизацией законов в России в качестве консультанта и учебник которого был переведен и хорошо известен. Он, в частности, писал: «Если многие противозаконные, но еще ненаказанные дела одного и того же самого лица встретятся вместе как предмет одного и того же самого судебного приговора, то сие именуется стечением преступлений». См.: Фейербах П.А. Уголовное право. СПб., 1810. С. 115.

Повторением преступлений О. Горегляд признавал ситуации, «если же наказанный преступник второй за или более учинит одинаковое преступление». При всяком осуждении, отмечал автор, определенное прежде преступнику наказание «необходимо должно быть в некоторой мере увеличено или же определяется особый род наказания, и хотя нет о том общего правила, однако в некоторых законах о преступлениях в особенности действительно оно наблюдается».

Работа О. Горегляда высоко оценивается в науке (Г.С. Фельдштейн, Н.С. Таганцев, А.В. Наумов). Вместе с тем, не стоит забывать, что своим происхождением она обязана, прежде всего, практическим соображениями систематизации русского уголовного права в связи с работой автора в соответствующей правительственной комиссии. А потому некоторые вопросы теории уголовного права остались в этой работе недостаточно исследованными. Нисколько не умаляя высокой оценки книги О. Горегляда, следует заметить, что в содержательном и формальном отношении изложение в ней проблем множественности преступлений несколько уступало решению этих же вопросов в более раннем сочинении И. Неймана¹. И хотя Г.С. Фельдштейн невысоко отзываясь о труде И. Неймана с точки зрения догматической проработки уголовно-правовых норм, причисляя самого И. Неймана к представителям историко-правового и естественно-правового направления в уголовном праве, нам представляется, что именно И. Нейман качественно предвосхитил многие параметры уголовно-правовой оценки множественности.

Особенность подхода И. Неймана к анализу множественности состояла в том, что он не использовал категории «повторение», ограничив свои наблюдения и размышления только «стечением» преступлений. И это было в тех условиях, пожалуй, более обоснованным, поскольку предписания о повторении преступлений связывались законом и практикой по

---

¹ Нейман И. Начальные основания уголовного права. СПб., 1814. С. 53–59.

преимуществу с отдельными, конкретными составами преступлений, то есть с Особенной частью уголовного права.

Позиционируя нормы о стечении преступлений как составную часть Общей части уголовного права и закона, И. Нейман понимал под этой формой множественности «совокупление двух или более преступлений, одним преступником учиненных, если он за все оные вместе подвергается судебскому исследованию для наложения на него законного наказания». При этом автор выделял несколько видов стечения преступлений:

а) последовательное совершение лицом нескольких преступлений («если преступник, не быв наказан за первое, сделал еще и другие») – то есть, современным языком, реальную совокупность;

б) идеальную совокупность, которую в свою очередь, он классифицировал на два подвида: идеальную совокупность умышленного и неосторожного преступления; идеальную совокупность двух умышленных преступлений (при этом вторая разновидность идеальной совокупности, по мнению И. Неймана, в большей степени принадлежит области Особенной части уголовного права).

Показательно, что И. Нейман относил стечение преступлений к «обстоятельствам, увеличивающим степень наказания», полагая, что при этой форме множественности «по общим началам уголовного законодательства должно быть налагаемо другое наказание, нежели какое именно определено в законе за деяние преступника». В отличие от О. Горегляда, И. Нейман представляет весьма интересные теоретические суждение по вопросу о наказуемости стечения преступлений.

Он, в частности, указывает на нецелесообразность сложения наказаний при реальной совокупности, объясняя это тем, что «через то нарушилась бы соразмерность другими положениями Законодателя установленная; ибо многие или несколько наказаний вместе или в короткое время одно после другого учиненные производят боль, которая гораздо сильнее той, какую произвели бы те же самые наказания, сделанные порознь или в разные

времена». Апеллируя к идее неотвратимости и скорости наказания, И. Нейман формулирует важный аргумент против сложения наказаний: «упущение того главного для действия наказаний обстоятельства, чтобы они неминуемо следовали за преступлениями, многократным наказанием заменяемо быть не может». Отсюда он заключает, что «в стечение преступлений должно налагать наказание, определенное в законе за главнейшее из них, увеличивая оное соразмерно с числом и важностью прочих преступлений, тем же преступником сверх того учиненных». Иными словами, предлагает применять принцип поглощения менее строго наказания более строгим, оставляя стечение преступлений в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

Принципиально иной подход, основанный на допущении сложения наказания, был предложен И. Нейманом для определения наказуемости идеальной совокупности умышленного и неосторожного преступления. Сложение, как это очевидно, допускалось в силу того, что наказание следовало сразу за два преступления, непосредственно после совершения образующего их одного деяния. Автор полагал: а) если более опасным («важным») из совершенных было умышленное преступление, то к наказанию за него следует присоединить наименьшую степень наказания за неосторожное преступление (так как сам умысел на совершение преступления препятствовал человеку быть внимательным и предусмотрительным в отношении иных объектов); б) если же более «важным» было неосторожное преступление, то к наказанию за него следует присоединить высший предел наказания за умышленное преступление.

Некоторые упущения и пробелы в сочинениях И. Неймана и О. Горегляда были восполнены в учебнике уголовного права Г. Солнцева, по словам Г.С. Фельдштейна, «первого русского криминалиста, давшего в своих трудах образец научной догмы уголовного права»¹. Одним из главных

---

¹ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 298.

достоинств его учебника по уголовному праву следует признать высокий уровень именно теоретического обобщения нормативного материала, обусловленный, кроме прочего, тем, что ориентированный на решение образовательных и учебно-методических задач труд был в большей степени свободен от диктата практических требований систематизации законодательства.

Прежде всего, важно отметить, что в работе Г. Солнцева впервые в теории отечественного уголовного права вопрос о множественности преступлений был изложен в двух отделах учебника – о преступлении и о наказании. Причем, в разделе о наказании материал дается лишь схематично, самым общим образом. Г. Солнцев выделяет самостоятельную главу об усилении наказания и в качестве оснований к этому называет в ряду прочих: а) «большее число прав чьих-либо, преступником нарушенных», понимая под этой ситуаций стечение преступлений; б) повторение однородных или разнородных преступлений, «что в уголовном праве называется продолжением или повторением преступлений»¹.

Основной же массив информации о множественности автор помещает в тот раздел своего учебника, который посвящен исследованию преступления². Тем самым была сделана смелая попытка осмыслить множественность как составную часть учения о преступлении, а не о наказании; попытка, надо признаться, не развитая в последующем отечественной наукой XIX столетия, скорее всего, по причине забвения самого произведения Г. Солнцева.

Обсуждая вопрос о классификации преступлений («разделении преступлений на виды»), Г. Солнцев пишет, что «по количеству преступных деяний преступления разделяются на однократные (в первый раз чинимые) (*delicta primavices commissa*) и многократно повторенные, то есть когда кто много раз впадал в какое-либо одинакового рода преступление, например,

---

¹ Солнцев Г. Российское уголовное право. Казань, 1820 / под ред. Г.С. Фельдштейна. Ярославль, 1907. С. 178.

² Солнцев Г. Российское уголовное право. Казань, 1820 / под ред. Г.С. Фельдштейна. Ярославль, 1907. С. 63, 93–97.

повторенное воровство. ... Под сие разделение можно отнести преступления количественные или стечение многих преступлений разнородных (*concurusdelictorum*)».

Далее самостоятельную главу Общей части учебника он посвящает стечению преступлений (Глава V). Такое стечение, по мысли Г. Солнцева, имеет место в следующих случаях: 1) совершение одним деянием нескольких умышленных преступлений в отношении одного потерпевшего; 2) совершение одним деянием нескольких умышленных преступлений в отношении нескольких потерпевших; 3) совершение в одно время нескольких неумышленных преступлений в отношении одного лица; 4) совершение в одно время нескольких неумышленных преступлений в отношении нескольких потерпевших; 5) совершение одним деянием умышленного и неосторожного преступления в отношении одного или нескольких потерпевших; 6) совершение в разное время различными деяниями умышленного и неосторожного преступления в отношении одного или нескольких потерпевших. Здесь же автор подчеркивает необходимость отграничения стечения преступление от повторения их (*reiteratedelicta*), то есть «совершении одного или разного рода в другой, третий или четвертый раз, по наказании первого преступления». Резюмирует исследование Г. Солнцев вопросом о значении стечения и повторения: «за все стеченные и повторенные преступления по законам Российским полагается обыкновенно увеличительная степень наказания, смотря по роду самих преступлений, по качеству и способу произведения оных в самое действие, по их последствиям» и т.д.

Изложенные представления первых профессиональных теоретиков русского уголовного права относительно сущности и предназначении правовых норм о множественности преступлений не только демонстрируют сложность и противоречивость начальных шагов в догматическом осмыслении проблемы, но и достаточно четко обозначают тот круг вопросов, которым суждено на многие десятилетия вперед определить тематику и

содержание основных дискуссий по вопросу о множественности. Принадлежат ли нормы о множественности Общей или Особенной части уголовного права, имеет ли значение для множественности преступлений наличие предшествующего наказания (или осуждения) или вид совершенных преступлений, чем отличается множественность от составных преступлений, заслуживает ли множественность преступлений обязательного усиления уголовного наказания—все эти вопросы в той или иной форме были поставлены именно в первой четверти XIX столетия в связи с проведением работ по систематизации и кодификации российского уголовного права.

Характерно, что зарождавшаяся русская наука осмысливала их, хотя и под влиянием трудов иностранных специалистов, тем не менее, вполне самостоятельно. Показателен в этом отношении вопрос об обязательном усилении наказания при множественности преступлений. К примеру, П.А. Фейербах, чей учебник имел особенное значение для развития уголовного права в общеевропейском масштабе¹, исходя из того, что наказание должно следовать всякий раз, когда к тому есть основания, в качестве общего правила признавал назначение всех положенных лицу наказаний столько раз, сколько раз им было совершено преступление, допуская возможность поглощения наказаний лишь в качестве исключения, когда их присоединение друг к другу объективно невозможно². Русские авторы не восприняли этот тезис буквально, повсеместно подчеркивая необходимость соотнесения идеи усиления наказания при множественности преступлений с иными уголовно-правовыми предписаниями, в частности, об учете личности виновного, степени его вины, тяжести каждого из совершенных преступных посягательства. В этом отношении они в большей степени испытывали влияние знаменитого Наказа Екатерины II, данного Уложенной комиссией для

---

¹ Г.С. Фельдштейн написал, что перевод учебника П.А. Фейербаха на русский язык «послужил фактически путеводной нитью, которая помогла русской науке выбраться из лабиринта «памятников» и собраний указов на равнину научно-догматического построения уголовного законодательства» (Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 292).

² Фейербах П.А. Уголовное право. СПб., 1810. С. 117.

составления проекта нового Уложения¹. Он воплощал в себе многие уголовно-правовые идеи Беккариа и Монтескье и тоже требовал соответствия и равенства между преступлениями и наказаниями. Однако равенство это не понималось в законе формально, как равенство объема причиненного преступником вреда объему возлагаемых на него кар. Екатерина писала: «Наказания ... должны быть производимы из особого каждому преступлений роду свойства» (п. 73); «Весьма худо наказывать разбойника, который грабит на больших дорогах, равным образом как и того, который не только грабит, но и до смерти убивает. Всяк явно видит, что для безопасности общенародной надлежало бы положить какое различие в их наказании» (п. 94); «Между наказаниями надлежит употреблять такие, которые, будучи уравнены со преступлениями, впечатлили бы в сердца людских начертание самое живое и долго пребывающее, и в то же самое время были бы меньше люты над преступниковым телом» (п. 205). Уже этих цитат достаточно, чтобы понять: равенство преступлений и наказаний мыслилось в большей степени не как формально-количественное, а как содержательное: «Чтоб наказание произвело желаемое действие, довольно будет и того, когда зло, оным причиняемое, превосходит добро, ожидаемое от преступления, прилагая, в выкладке, показывающей превосходство зла над добром, также и известность наказания несомненную и потеряние выгод, преступлением приобретаемых. Всякая строгость, преходящая сии пределы, бесполезна и, следовательно, мучительская» (п. 207).

Такой поход к решению вопросов наказуемости множественности преступлений отражает специфику русского законодательства и русской науки XVIII–начала XIX века: хотя в части понимания преступления здесь и утвердилось его определение как формального нарушения законодательного предписания, взгляд на наказание как на формализованное возмездие преступнику, который в целом оформился еще в XV–XVII века, не смог

---

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. 18. СПб., 1830. С. 192–280.

достичь чистоты, свойственной теориям классической школы уголовного права, оставаясь под сильным влиянием и гуманистических, и сугубо народных представлений о необходимости и наказания не абстрактного преступления, а конкретного преступника.

В представленном виде русское законодательство и уголовно-правовая наука в части регламентации и осмысления множественности преступлений оставались непродолжительное время. Изданный в 1832 году Свод законов Российской империи помимо того, что немедленно потребовал исправления разных его отделов и частей, показал, что многое законодательством не предусмотрено, в связи с чем явилась необходимость в установлении и издании новых правил¹, каковые и были представлены в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.²

Не углубляясь в рассуждения относительно общей оценки Уложения и всецело признавая его исключительное значения для развития российского уголовного права³, ограничимся анализом тех его предписаний, которые определяли понятие и правовые последствия множественности преступлений.

Сразу отметим, что следуя композиции тома XV Свода законов и господствующим теоретическим постулатам, Уложение определило местоположением исследуемых предписаний Главу 3 «Определение наказаний по преступлениям» Раздела I «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще», то есть в главу, посвященную вопросам назначения наказания, хотя в содержательном отношении многие из законоположений о

---

¹ Шимановский М.В. О значении свода законов Российской империи для науки и жизни. Одесса, 1928. С. 29. [Электронный ресурс]: Режим доступа <http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=50258> (дата обращения 10.11.2011)

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.

³ См. о значении Уложения 1845 г.: Архипов И.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (предпосылки, история создания, государственно-правовой анализ). Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1990; Пашковская А.В. К 150-летию Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Государство и право. М. 1995. № 11; Алешкина Э.Н. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (к 160-летию принятия) // Правовая наука и реформа юридического образования. Сб. научн. тр. Воронеж, 2005. Вып. 18.

множественности восходили все же к категории преступления и правилам квалификации уголовно-противоправных деяний.

Уложение о наказаниях знало два вида множественности преступлений: повторение (которое фактически охватывало собой рецидив и неоднократность) и совокупность (этот термин уже прямо использовался в законе)¹.

Норма о повторении была помещена в подотдел IV «Об обстоятельствах, увеличивающих вину» отделения второго «О мере наказаний» Главы 3 Раздела I. В соответствие со ст. 137 Уложения повторением преступления признавалось «повторение такого же преступления или учинение другого после суда и наказания за первое, и впадение в новое преступление, когда прежнее, не менее важное, было прощено виновному вследствие общего милостивого манифеста или по особому Монаршему снисхождению». Цитированная формула отражает значительную эволюцию рассматриваемого уголовно-правового феномена. Во-первых, повторением здесь признается совершение не только тождественных, но и разнородных преступлений; а во-вторых, повторение образовывали и случаи совершения второго преступления при отсутствии или после аннулирования правовых последствий первого преступления, при условии, если «важности» совершенных деяний, оценка которых была всецело отнесена к компетенции суда².

Законодатель по-прежнему определял правовые последствия повторения преимущественно в статьях Особенной части Уложения о наказуемости конкретных посягательств, конструируя, где это необходимо,

---

¹ См.: Новиков В.А. Ответственность за стечение преступлений по законодательству Российской империи (XV–начало XX в.) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. С. 357–362.

² В этом отношении окончательный текст Уложения значительно отличался от своего проекта. В проекте Уложения о наказаниях 1844 года совершение преступления после акта амнистии или помилования не признавалось обстоятельством, увеличивающим вину, и не составляло признака (вида) повторения преступлений. См.: Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 году в Государственный Совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений. СПб., 1871. С. 39.

квалифицированные составы преступлений. Но разработчики Уложения обоснованно посчитали, что отсутствие общих предписаний на этот счет является значимым пробелом закона. А потому в Уложение была включена в качестве резервной ст. 138, которая определяла: «В случаях, когда закон не назначает именно наказания за повторение того же преступления, или учинение оно в третий или четвертый раз и т.д., суд назначает всегда самую высшую меру наказания за то преступление или за повторение оно или же за учинение в третий раз определенного».

К этой норме весьма близко по смыслу примыкало правило ст. 113 Уложения, согласно которому: «Учинивший какое-либо преступление, хотя и без обдуманного заранее намерения или умысла, но в третий уже раз, наказывается столь же строго, как учинивший оно в первый раз с обдуманным заранее намерением или умыслом» (согласно ст. 111 за преступление с заранее обдуманным умыслом следовало назначать наиболее строгое из предусмотренных в санкции наказаний). В Своде 1832 г. это предписание было сконструировано как специальный случай наказуемости «богохуления». Но принимая во внимание, что «совершение одного и того же преступления в третий раз, хотя и без предварительного умысла, доказывает явную и закоренелую склонность виновного к злу», разработчики Уложения придали ему значение общей нормы¹.

Понятие совокупности преступлений раскрывалось в отделении третьем «О власти и обязанности суда в определении наказаний» Главы 3 раздела I. Уже один этот факт подчеркивал, что совокупность преступлений не является обстоятельством, отягчающим ответственность (увеличивающим вину); она лишь служит обстоятельством, которое накладывает на суд определенные обязательства в части определения итогового (суммарного за все преступления) наказания.

---

¹ Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 году в Государственный Совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений. СПб., 1871. С. 33.

Согласно ст. 156 совокупностью признавались ситуации, «когда подсудимый признан виновным в учинении нескольких в одно или разное время доколе еще ненаказанных и давностью или же общим или особенным прощением непокрытых противозаконных деяний». Устанавливая уголовно-правовые последствия совокупности, Уложение определяло обязанность суда, «упомянув о всех наказаниях, следующих за каждое из тех преступлений», приговорить виновного «к тягчайшему из всех сих наказаний и в самой высшей оного мере». Иными словами, закон предполагал обязательное поглощение менее строго наказания более строгим с обязательным назначением за наиболее опасное преступление самого строгого наказания их числа предусмотренных в санкции. Как указывали разработчики, «сия строгость далека от того, чтобы быть непомерною и соответствует самым простым неоспоримым началам справедливости»¹.

Важно обратить внимание, что Уложение о наказаниях в целом ряде своих статей (размещенных в той же главе, посвященной определению наказаний) устанавливало специальные предписания о применении правил назначения наказания по совокупности преступлений в отдельных правоприменительных ситуациях. В частности, совокупностью преступлений полагалось считать:

- идеальную совокупность умышленного и неосторожного преступления: «если подсудимый при содеянии какого-либо преступления, тем самым, хотя и без прямого на сие умысла, учинил еще другое, более тяжкое» (ст. 115);

- наличие признаков какого-либо оконченного состава преступления в действиях, образующих покушение: «кто при покушении на какое-либо преступление учинить другое» (ст. 122);

---

¹ Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 году в Государственный Совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений. СПб., 1871. С. 45.

- эксцесс соучастника: «когда кто-либо из соучастующих в преступлении, при содеянии оногo учинил еще другое, на которое не было между им и прочими сообщниками предварительного согласия» (ст. 129);

- совершение преступления лицом, изобличенным в совершении иного посягательства: «за новое преступление, содеянное во время или прежде суда, но по изобличении в первом, виновный подвергается наказанию по правилам о совокупности преступлений» (ст. 139).

Такая система нормативной регламентации множественности преступлений, представленная в Уложении 1845 г., конечно, не была идеальной и уже современники замечали целый ряд ее недостатков, которые препятствовали эффективному и справедливому разрешению уголовных дел. В силу чего вполне закономерно, что на протяжении всего периода действия исследуемого юридического источника соответствующие нормы неоднократно менялись и дополнялись.

В частности, в 1857 г. подверглись изменению правила назначения наказания по совокупности преступлений. Поскольку нормы Уложения 1845 г. требовали назначения самого строгого наказания за входящее в совокупность самое опасное преступление, на практике возникали ситуации неоправданного ужесточения репрессии, когда образующие совокупность преступления имели различную степень тяжести («важности»). Для устранения несправедливости правила назначения наказания были дифференцированы в зависимости от вида наказания (которое, очевидно, определялось опасностью преступления): при необходимости сложения наказания разных видов назначалось тягчайшее по роду наказания независимо от его продолжительности; если же сложению подлежали однородные наказания, то применялся принцип поглощения менее строгого размера наказания более строгим.

В 1892 г. нормы о множественности еще раз подверглись серьезному редактированию, что было связано, среди прочего, с необходимостью унификации исследуемых правил в Уложении о наказаниях и в Уставе о

наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864 г.). В частности, были существенно изменены предписания о повторении преступлений (ст. 131–133 новой редакции Уложения). Им стало признаваться лишь совершение тождественного или однородного преступления (ранее – любого); по отбытии наказания за предшествующее преступление (ранее было аморфное – «после суда и наказания») или после освобождения от наказания; при условии если не истек определенный установленный законом срок (ранее этого признака не существовало). По свидетельству Н.С. Таганцева практика дополнила эти признаки: требовалось, чтобы лицо отбыло именно наказание, а не иную меру уголовно-правового воздействия (в связи с чем не образовывали повторения случаи совершения преступления несовершеннолетним, который ранее помещался в воспитательный дом); требовалось также, чтобы предшествующее наказание было вынесено российским, а не иностранным судом; требовалось наличие четких доказательств факта предшествующего преступления¹.

Этим же законом 1892 г. вновь корректировались правила назначения наказания по совокупности преступлений, устанавливалась дифференцированная система поглощения и сложения наказаний различных степеней и родов. Была также разрешена ситуация с правовой оценкой случаев совершения нового преступления после провозглашения приговора за предыдущее преступление или во время отбывания, но до полного отбытия, наказания, назначенного по этому приговору. Если согласно Уложению в редакции 1845 г. эти случаи могли быть с равным основанием признаны и повторением, и совокупностью, то с 1892 г. они были «выведены» из этих форм множественности, образуя самостоятельный феномен, требовавший, как правило, самостоятельного исполнения каждого из наказаний, назначенных по каждому приговору (в литературе для его обозначения иногда использовался термин «стечение наказаний»).

---

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. Изд. 2-е., пересмотр. и доп. СПб., 1902. С. 1358.

Постепенному совершенствованию законодательства о множественности преступлений, которое проходило, как следует из изложенного, в направлении уточнения признаков отдельных форм множественности, в более четком обособлении их друг от друга, в попытках конструировании некоторых новых форм множественности, в корректировке правил назначения наказания при совершении нескольких преступлений, во многом способствовала российская уголовно-правовая наука, переживавшая подлинный расцвет во второй половине XIX–начале XX столетий.

Основной массив научной информации относительно проблем множественности преступлений содержится в учебниках по уголовному праву. Это не должно сколько-нибудь смущать современных исследователей, учитывая достаточно высокий теоретический уровень авторских учебных изданий той поры (к тому же некоторые из них (С. Будзинского, В. Спасовича) были представлены на соискание степени доктора уголовного права). В науковедческом плане важно отметить также, что проблема множественности преступлений с первых сознательных шагов отечественной науки была осмыслена и в качестве самостоятельного объекта научного исследования. Речь идет о магистерской диссертации «О повторении преступлений» (СПб., 1867) Н.С. Таганцева, специально и предельно глубоко исследовавшего данный институт, явившего один из непревзойденных образцов исторического, сравнительного и догматического анализа¹. Таким образом, можно утверждать, что множественность преступлений была в поле зрения отечественных юристов с момента зарождения уголовно-правовой науки, составляя неотъемлемую часть ее предмета.

---

¹ Тот факт, что в период с 1815 по 1917 годы работа Таганцева Н.С. оставалась единственной диссертацией по проблемам множественности преступлений, нельзя оценивать критически. Следует помнить, что в российских университетах за это столетие было защищено всего-то не более ста диссертаций по уголовному праву, предметная область которого к тому же включала проблемы уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и административного (полицейского) права. См. об этом: Якушев А.Н. Магистерские и докторские диссертации по уголовному праву университетов Российской империи: библиография, оглавления, положения и выводы. Ставрополь, 2006.

Место формирующегося учения о множественности преступлений в структуре научного уголовно-правового знания XIX столетия было определено расположением соответствующих нормативных предписаний в структуре уголовного законодательства¹. В силу этого множественность составляла по преимуществу часть учения о назначении уголовного наказания². Однако некоторые авторы (Н.А. Неклюдов, Н.Д. Сергеевский, Л.С. Белогриц-Котляревский) вполне закономерно исследовали интересующие нас вопросы в двух разделах своих учебников: в рамках изучения вопроса о назначении наказания и, что важно, в рамках учения о преступлении, при обсуждении проблем классификации преступных посягательств, анализе их видов, характеристике объема деяния как основания ответственности и наказания. Логика в этом была проста: если наказание есть следствие преступления, то специальные правила увеличения наказаний при нескольких преступлениях также должны иметь своим предрасположением некий особый феномен именно из области преступления. В итоге учение о преступлении пополнялось за счет включения в его предмет проблем множественной преступной деятельности. Попыты такого композиционного построения учебников были весьма осторожны, но они закладывали основу современного понимания множественности как института, раскрывающего категорию преступления в уголовном праве.

Обращение к проблемам множественности преступлений в двух разделах уголовного права соответствующим образом определяло содержание главных теоретических дискуссий. Так, в рамках учения о преступлении обсуждались в основном проблемы отграничения совокупности преступлений и их повторения от единичного сложного

---

¹ Наумов А.В. Уголовное Уложение 1903 года (к 110-летию со дня принятия) // Вестник Российской правовой академии. 2013. № 2. С. 59–63.

² Досаева Г.С. Развитие учения о множественности преступлений в русской уголовно-правовой науке второй половины XIX века // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 12. С. 69–76.

преступления, иными словами исследовался вопрос об объеме понятия «деяние» в уголовном праве, его объективные и субъективные признаки. В границах же учения о наказании исследовались проблемы отграничения повторения преступлений от их совокупности, а также оптимальный механизм определения итогового наказания при совершении нескольких преступных деяний.

Приступая к краткому обзору достижений российской уголовно-правовой науки в части познания множественной преступной деятельности, заметим, что ею на тот момент не было выработано общего понятия, которое охватывало бы собой все проявления множественности (хотя у Н.С. Таганцева и встречается термин «многократность», он не придает ему особого значения). В разделах о наказании таким понятием были «обстоятельства, усиливающие вину и наказание» (уже один этот факт показывал функциональное предназначение соответствующих законодательных правил); в разделе же о преступлении корреспондирующего обобщающего понятия не существовало.

Однако учитывая естественную близость «повторения» и «совокупности», некоторые специалисты пытались интегрировать их в один институт. Так, к примеру, Н.С. Таганцев полагал возможным рассматривать все проявления множественности в качестве видов совокупности преступлений, когда указывал: «Совокупность в широком смысле объемлет собой всякое последовательное учинение виновным нескольких преступных деяний; но это в законодательствах подразделяется на два—совокупность и повторение, а иногда и на три, как скоро выделяются в особую группу случаи учинения нового преступного деяния после осуждения за прежнее деяние или во время отбытия наказания за первое»¹. Иной подход демонстрировал Н.Д. Сергеевский, который в качестве общего термина использовал «повторяемость преступлений», понимая под ней «совершение одним и тем

---

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. Изд. 2-е., пересмотр. и доп. СПб., 1902. С. 1322.

же лицом нескольких преступлений»¹. Эти попытки объединения повторности и совокупности, по большей части, носили сугубо внешний характер, но их наличие представляется важным, поскольку свидетельствует о зарождении четкого понимания дихотомии «единичное преступление—множественность преступлений» и отражает стремление к интеграции теоретического материала о множественности, его более точному композиционному построению и отражению в тексте научных сочинений².

Множественность преступлений совершенно справедливо и отчетливо противопоставлялась единичным преступлениям (прежде всего, сложным единичным преступлениям, каковыми в науке уже тогда, хотя и при различиях в терминологии, признавались продолжаемые, длящиеся преступления и преступное ремесло). В качестве общего, методологического требования к решению этой проблемы Н.Д. Сергеевский выдвинул следующие суждения, которые никем из его современников не оспаривались: «Разделение одного деяния на два акта и на два состава или соединение двух поступков в одно деяние и в один состав не может зависеть от субъективного произвола лица, постановляющего решение, а устанавливается самим действием. ... Общим правилом при вменении человеку его поступков как преступных деяний должно быть признано и всегда признается то положение, что действия отдельные не могут быть соединяемы в одно для вменения и, обратно, ряд актов, составляющих одно единое действие, не может быть разбиваем на отдельные части и, следовательно, отдельные

---

¹ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Изд. 3. СПб., 1896. С. 362.

Здесь же Н.Д. Сергеевский давал социальную оценку повторяемости: «Сила привычки, как самостоятельного фактора преступности, особая закоренелость злой воли, в некоторых случаях расстройство умственных способностей, болезненное состояние организма, неудовлетворительность устройства карательных мер и т.д.—вот те явления, о существовании которых свидетельствует или может свидетельствовать повторяемость преступных деяний».

² Хотя надо заметить, что в учебнике Ф. Листа уже была самостоятельная глава «Единство и множественность преступлений», в которой и исследуемые феномены объединялись, и использовались термины «множественность», «рецидив» и «совокупность», прочно вошедшие в современный научный и нормативный оборот. См.: Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1903. С. 258 и сл.

составы, хотя бы внешним образом к тому и представлялась возможность. Тот признак, та черта, который связывает отдельные акты в единое действие, и обратно, полагает границу между отдельными действиями, не допуская соединения их в одно целое, не могут быть установлены посредством формальных теоретических признаков *inabstracto*; вопрос о том, представляет ли известная деятельность человека одно единое действие или ряд самостоятельных действий, есть *quaestofacti*, и разрешение его должно быть производимо практически путем в каждом отдельном случае *inconcreto*. Теория может выставить лишь самые общие определения»¹.

Однако эти «общие определения», общие признаки, на основании которых следовало отличать единичное преступление от множественности, определялись исследователями различным образом.

Так, С.М. Будзинский полагал главным критерием разграничения количество выполненных виновным действий. Он указывал: «Преступление есть деяние, где одно деяние, там одно преступление. Понятие многочисленности преступлений зависит не от многочисленности последствий, а от многочисленности деяний. Посему единодейственное стечение преступлений немыслимо. Если кто одним деянием произвел несколько последствий ..., то это обстоятельство должно значительно влиять на усиление наказания, но, несмотря на это, нельзя полагать несколько деяний там, где исполнено только одно, где было одно движение, одно действие»². В этой позиции заметно влияние А.Ф. Бернера, который также указывал, что «для наличия многократности деяний недостаточно нескольких намерений и нескольких последствий; для этого нужно, чтобы было несколько действий, так чтобы состав нескольких преступлений был произведен несколькими различными и самостоятельными действиями. Одно

---

¹ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Изд. 3. СПб., 1896. С. 329.

² Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 282.

деяние может заключать в себе несколько действий, одно же действие никак не может заключать в себе нескольких деяний»¹.

Иной подход предлагался Н.Д. Сергеевским, который главным признаком единичного преступления считал единство вины и намерения: «сколь бы ни были отдалены друг от друга по времени отдельные акты, они связываются во едино, если они проникнуты одним субъективным настроением и составляют осуществление одного плана»². Ему вторил Л.С. Белогриц-Котляревский, указывая: «Наиболее важным моментом, определяющим единство сложных форм преступной деятельности, следует считать единство преступного намерения, проникающего всю деятельность субъекта. Там, где последняя может быть рассматриваема как воплощение одного и того же намерения, объединяющего все ее акты в единое целое, рождающее во всей своей совокупности законный состав какого-либо преступления, предлежит единичное деяние, причем безразлично, будет это деятельность одного лица или нескольких соучастников, соединившихся вместе путем соглашения. Другие же моменты, а именно единство виновника, единство нормы, подвергаемой нарушению, единство действия, причиняющего вред нескольким лицам или интересам, играют второстепенную, вспомогательную роль при разрешении вопроса об единстве преступной деятельности»³.

Принципиально иной подход к отграничению единичного преступления от множественности был предложен Н.А. Неклюдовым, который главным признаком единичного деяния считал соответствие его одному составу преступлений. Автор указывал, что сложное преступление («единопреступность») «рассматривается как одно цельное деяние, т.е. хотя и

---

¹ Бернер А.Ф. Учебник немецкого уголовного права (Часть общая). С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Т. I. СПб., 1867. С. 854.

² Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Изд. 3. СПб., 1896. С. 329–330.

³ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 201–202.

многократное, но в то же время единое нарушение закона, облагаемое посему одним наказанием»¹.

Близка к изложенной, хотя и не совпадает с ней полностью, теория Н.С. Таганцева, которая как бы объединила собой формальный подход Н.А. Неклюдова и материальные подходы Н.Д. Сергеевского и Л.С. Белогриц-Котляревского.

Отмечая сложность определения границ единичного сложного преступления, Н.С. Таганцев отмечал, что в качестве самых общих его критериев должны быть признаны: единство виновника, единство объекта и единство нормы, на которую посягает виновный, единство вины, единство действия. И резюмировал: «деятельность одного виновного или и нескольких соучастников, воспроизводящая в ее совокупности законный состав какого-либо преступного деяния, почитается единичным преступным деянием, во-1-х, когда она является осуществлением одного преступного намерения, и во-2-х, когда она, хотя и воплощает различную виновность, но объединяется в понятие единого преступления особым указанием закона»².

Исходя из собственного понимания единичного преступления («границ деяния»), специалисты формировали и теории множественной преступной деятельности. При этом под множественностью закономерно понималось совершение лицом нескольких (в том числе и сложных) единичных преступлений. Вполне определенно эту мысль сформулировал Н.С. Таганцев. Объединяя термином «совокупность» все проявления множественности, он писал: «совокупностью деяний мы будем считать учинение нескольких преступных деяний, из коих каждое является отдельным, как по своему существу, так и сточки зрения данного законодательства»³.

---

¹ Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб., 1875. С. 149.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. Изд. 2-е., пересмотр. и доп. СПб., 1902. С. 1282–1287, 1290–1293.

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. Изд. 2-е., пересмотр. и доп. СПб., 1902. С. 1322.

Надо отметить, что по целому ряду принципиальных моментов в вопросе о множественности преступлений юристы XIX столетия демонстрировали относительно согласованную позицию, которая стала основой современной интерпретации данного института. Это в некоторой степени избавляет нас от необходимости детального разбора всех оттенков и нюансов существовавших концепций. Однако в некоторых вопросах прошлые теории значительно отличаются от существующих сегодня подходов и в этой части заслуживают отдельного внимания.

В качестве такого особенного пункта в учении о множественности преступлений необходимо указать на идеальную совокупность. Ряд авторитетов отечественной науки не признавал ее проявлением множественности в собственном смысле этого слова.

Так, Л.С. Белогриц-Котляревский писал: «Идеальная совокупность, под которой понимается совершение субъектом посредством одного действия нескольких разнородных или однородных преступлений, ... есть не совокупность преступлений в юридическом смысле, а одно преступление, в котором деятельность субъекта представляет единство как с внешней стороны, тотчас указанное, так и с внутренней, так как представляет воплощение одного и того же преступного намерения»¹. Чтобы правильно понять этот тезис, стоит обратить внимание на тот факт, что Л.С. Белогриц-Котляревский рассуждает здесь о стечении в одном деянии двух умышленных посягательств, которые, по его мнению, должны оцениваться, исходя из содержания главного намерения (поджог дома с целью убийства должен оцениваться только как убийство; если же поджог состоялся, а смерть не наступила, то как покушение на убийство²).

---

¹ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 204.

² Одновременное стечение покушения и совершения от одного и того же действия (поджог с целью убийства, когда поджог удался, а убийство нет), по мнению Н.А. Неклюдова следовало оценивать по правилам идеальной совокупности. См.: Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб., 1875. С. 69.

Что касается стечения в одном деянии умышленного и неосторожного преступления («стечения видов виновности»), то они должны, по мнению автора, составлять пример совокупности¹. Об этом прямо писал еще Н.А. Неклюдов. Согласно его учению, стечение умысла и неосторожности возможно в трех вариантах: а) одновременное от различных действий (сегодня убил, вчера задавил экипажем); б) одновременное от различных действий (кража и в тоже время неосторожный пожар); в) одновременное выполнение одним деянием умышленного и неосторожного преступления (выстрел в запрещенном месте и убийство). «Все эти случаи представляют простую совокупность преступлений умышленных и неосторожных, а потому и должны быть наказываемы по правилам о наказуемости совокупности правонарушений»².

Против идеальной совокупности, но уже при своих аргументах, выступал Н.С. Таганцев. Понимая под ней ситуации, когда «учиненное виновным деяние подходит под различные постановления уголовного кодекса, не объединенные в одно целое», он выделял: а) нарушение одной правовой нормы, подпадающее под предписание нескольких постановлений уголовного кодекса; б) нарушение нескольких правовых норм одним деянием.

В первом случае мы имеем дело с конкуренцией уголовно-правовых норм в ее современной трактовке. А потому автор обосновано утверждал, что не могут образовывать идеальной совокупности: а) стадии одного деяния (за исключением случаев когда приготовление содержит состав самостоятельного деликта; б) выполнение в преступлении нескольких функций (исполнителя и подстрекателя); в) конкуренция общей и специальной нормы, основного и квалифицированного составов, квалифицированного и особо квалифицированного составов. Применение во всех этих случаях правил о совокупности «было бы несоответственно с

---

¹ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 158.

² Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб., 1875. С. 59

общими началами наказуемости, так как единство вины определяет и единство наказуемости»¹.

Второй случай (нарушение одним деянием нескольких правовых норм) Н.С. Таганцев иллюстрировал стечением двух умышленных преступлений в одном деянии, которое, как правило, расценивается законодателем в качестве квалифицированного или специального состава (к примеру, посягательство на личность при нарушении служебных обязанностей). А потому и такие случаи, по его мнению, «казалось бы наиболее правильным рассматривать ... как единое преступление, применяя к виновному постановление о важнейшем по наказуемости из преступлений, состав коих заключается в его деянии».

Критически относился к идеальной совокупности и Н.А. Неклюдов. Указывая, что идеальная совокупность имеет место в том случае, когда одним и тем же деянием нарушается: а) несколько раз один и тот же уголовный закон или б) различные уголовные законы, он писал, что «стечение идеальное первого вида в расчет не принимается и рассматривается как единичное преступное действие»².

Не оценивая сейчас все эти суждения с содержательной точки зрения³, обратим внимание на глубочайшее проникновение в тему, попытку осмыслить и оценить с точки зрения уголовно-правовой теории самые сложные случаи идеальной совокупности, ограничить ее от единичного деяния, определить истинную направленность умысла (главное намерение), оценить разумность конструирования составных преступлений и специальных норм, определить перспективность конструирования сложной формы вины (умысел плюс неосторожность). Заметим также, что многие

---

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. Изд. 2-е., пересмотр. и доп. СПб., 1902. С. 1298–1299, 1300.

² Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб., 1875. С. 142.

³ Такая оценка была бы в любом случае неверной, поскольку понимание идеальной совокупности юристами XIX века и современными специалистами различается. В наше время на долю идеальной совокупности приходится все, что не охвачено составными преступлениями и специальными нормами, а в приведенных цитатах налицо некоторое игнорирование этого обстоятельства.

выводы и правила, сделанные отечественными специалистами по вопросу об уголовно-правовом значении идеальной совокупности, не потеряли своей актуальности и прикладной ценности в современных условиях.

Еще одна проблемная область, которая была в центре внимания исследователей XIX столетия, – вопрос о наказуемости множественности преступлений, который, в свою очередь, разбивался на два: а) оптимальный принцип и механизм определения итогового наказания при совокупности преступлений и б) основание и необходимость усиления наказания при повторении преступных деяний. Решая эти вопросы, отечественная наука исходила из одного главного, не теряющего силу и сегодня тезиса: наказание применяется к лицу, совершившему преступление, и должно быть строго индивидуализированным¹. В этой связи И.Я. Фойницкий признавал устаревшим и ошибочным подход, согласно которому наказание определялось всецело преступным деянием и призывалось к восстановлению и охране правопорядка. Он писал: «говорят о восстановлении наказанием идеальной неправды, выразившейся в нарушении нормы, и о восстановлении наказанием правопорядка; но преступление, раз свершившееся, нельзя сделать несуществовавшим; если же говорить о погашении преступления в переносном значении, то оно погашается не только наказанием, но и прощением; наказание поэтому не восстанавливает правопорядка и не сообщает ему силы, свидетельствуя, скорее, о его слабости». А потому, заключал автор, истинным объектом наказания могут служить только криминогенные свойства личности («личные условия преступлений»), именно они по преимуществу и должны определять объем наказания и

---

¹ При этом исследователи весьма критически оценивали теоретические построения предшествовавших эпох (прежде всего, XVIII столетия) о соблюдении формального равенства между преступлением и наказанием: «Преступная личность была совсем позабыта, голый факт преступного деяния стал основой наказания. Эти искусственные теории с кафедры проникли и в законодательство, принося в жертву схематическим построениям исторически выработанные национальные воззрения на значение, цели и предмет наказания». См.: Есипов В.В. Преступность и меры воздействия. Варшава, 1900. С. 28–29.

правила его назначения¹. Аналогичным образом Н.С. Таганцев указывал: «Было бы теоретически неверно и практически крайне вредно считать объектом карательной деятельности только преступное деяние как абстрактное понятие, забывая лицо, его учинившее. ... Даже исследуя юридическое понятие преступления ..., мы рассматриваем это посягательство ... как продукт дееспособного субъекта, проявившего в нем свою вину, с ее разнообразными индивидуальными оттенками, с особенностями вызывающих это деяние мотивов, с проявленными в нем чертами характера деятеля и т.д.»².

Отсюда становится вполне закономерной согласованная позиция практически всех русских юристов в вопросе о наказуемости совокупности преступлений. Признавая возможность трех систем наказания при совокупности: 1) сложения наказаний (*quotdelicta, totpoena*); 2) поглощения наказания (*роенаmajorabsorbetminorem*); 3) обстоятельств, усиливающих вину, все они отдавали предпочтение последней. Н.А. Неклюдов, С.М. Будзинский, Н.С. Таганцев, Л.С. Белогриц-Котляревский, С.В. Познышев³ практически единодушно признавали, что сложение ведет к неоправданному усилению наказания, а поглощение свидетельствует о безнаказанности одного из деликтов. А потому оптимальной им виделась система поглощения наказаний, но с обязательным увеличением его максимума, которая и воплощалась в большей части уголовных законов того времени (при этом увеличение наказания при совокупности виделось иногда как простое повышение его размера, а иногда как возможность назначения более строгого вида наказания).

¹ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000. С. 33–34, 46.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. Изд. 2-е., пересмотр. и доп. СПб., 1902. С. 924–925.

³ Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб., 1875. С. 142; Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 284–287; Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. Изд. 2-е., пересмотр. и доп. СПб., 1902. С. 1324–1326; Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 317–318; Познышев С.В. Учение о карательных мерах и мере наказания. М., 1908. С. 161.

Сходные суждения высказывались и относительно уголовно-правового значения повторения преступлений (оно же именовалось рецидивом¹). Н.Д. Сергеевский, хотя и признавал невозможным в тех условиях выработать универсальный подход к наказуемости повторения, все же писал, что «удвоение преступных деяний вовсе не означает удвоения опасности и испорченности воли»².

С.М. Будзинский был более категоричен. «Начало усиления наказания в случае повторения, – отмечал он, – есть остаток средневековой строгости, упорно сохраняемой законодательствами. ... Увеличение степени или рода наказания основано на предположение, которое не всегда справедливо, а иногда на деле даже ложно. Совершающие новое преступление не всегда делает это по вине своей неискренности, дурной привычки или пренебрежения законом: он может действовать под влиянием голода, аффекта и пр. На основании предположения нельзя лишать свободы. В этом случае усиление наказания нарушает начало «nebis in idem», ибо излишек наказания, превышающий обыкновенную его меру, значит вторичное наказание первого преступления».

Значимые социально-криминологические аргументы против однозначного усиления ответственности при рецидиве выдвигал В.В. Есипов. Он отмечал: «Уголовно-правовая доктрина учит обыкновенно, что преступник особенно виновен в случае повторения, так как он был уже предупрежден одним или несколькими приговорами и, несмотря на это, упорствовал в неповиновении закону». Между тем, «нельзя придавать такое безусловно исправительное значение факту произнесенного приговора, равно как нельзя говорить о безусловной действительности наказаний для

---

¹ Параллельно заметим, что исследователи неоднозначно оценивали требовавшийся законом признак обязательного отбытия наказания для констатации рецидива. Если, к примеру, С.В. Познышев, Л.С. Белогриц-Котляревский считали такое требование справедливым, то Н.Д. Сергеевский полагал возможным признавать рецидив и в случаях, когда второе преступление было совершено после вступления в силу приговора по первому преступлению, вне зависимости от факта отбытия наказания.

² Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Изд. 3. СПб., 1896. С. 364.

исправления преступника». Кроме того, рецидив может свидетельствовать «о неправильности прежнего наказания или о неправильности его применения, или наконец о других посторонних обстоятельствах, каковы бедность, безработица, беспомощное состояние». «Общество, не сумев найти средств для исправления преступника, объявляет виновным в этом самого преступника»¹.

В итоге, русские специалисты склонялись к мысли о том, что вопрос об усилении наказания при рецидиве должен стать вопросом факта. «Усмотрению судьи должно предоставить решение: свидетельствует ли повторение в данном случае об опасности со стороны преступника, и заслуживает ли он по этой причине увеличения наказания. Такое увеличение должно заключаться всегда в пределах наказания и никогда не превышать его *maximum*, если мы не хотим наказывать два раза за одно и того же деяние»². И в силу этого, такое усиление наказания должно быть факультативным правом, но не обязанностью суда, «так как основой усиления наказания в сущности является не повторение как таковое, а доказываемая им привычка»³.

Эти рассуждения отечественных специалистов знаменовали собой принципиально важный шаг в развитии уголовно-правовой науки и одновременно отражали ее специфические особенности. Признанное лидерство классической уголовно-правовой школы с ее идеями формального равенства преступления и наказания не оспаривалось в России. Однако даже в сочинениях блестящих представителей этого уголовно-правового направления постулаты равенства никогда не абсолютизировались, давая простор для проникновения и развития на русской почве основных начал антропологической и социологической школ, которым впоследствии

---

¹ Есипов ВВ. Преступность и меры воздействия. Варшава, 1900. С. 17–18.

² Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 279, 281.

³ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 322. См. также: Познышев С.В. Учение о карательных ерах и мере наказания. М., 1908. С. 166; Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. Изд. 2-е., пересмотр. и доп. СПб., 1902. С. 1350.

(особенно в первой половине XX века) дано будет сыграть наиболее значимую роль в развитии института множественности преступлений¹.

Подводя итог исследованию вопроса о развитии теоретических основ и законодательной практики регламентации вопросов множественности преступлений в XIX–начале XX столетия, представляется возможным обозначить следующие выводы:

- работы по систематизации и кодификации российского уголовного законодательства в первой трети XIX века стимулировали научное (формально-юридическое, догматическое) осмысление множественности преступлений как феномена, с одной стороны, относящегося к области учения о преступлении, а с другой стороны, по преимуществу, к области учения о назначении наказания, а именно как обстоятельства, влияющего на увеличение вины и требующего особых законоположений для установления границ судейского усмотрения при определении наказания;

- множественность преступлений впервые была четко противопоставлена единичному преступному деянию и учтенной законодателем идеальной совокупности преступлений, в связи с чем развитие

---

¹ В рамках настоящего анализа мы не уделяем особого внимания Уголовному Уложению 1903 г., прежде всего, потому что оно так и не стало в полной мере действующим уголовным законом. Вместе с тем, отметим, что многие из соображений отечественных ученых относительно множественности нашли в нем свое отражение. Совокупность и повторность по-прежнему рассматривались здесь в качестве обстоятельств, усиливающих ответственность. Совокупность (то есть совершение двух или более преступлений «до провозглашения приговора, резолюции или решения о виновности») влекла за собой поглощение менее строгого наказания более строгим (ст. 64); однако суд имел право повысить наказание вплоть до его максимального значения, указанного в санкции, но чтобы это значение не превышало сумму наказаний, назначенных за входящие в совокупность преступления (для некоторых видов наказаний устанавливались специальные правила поглощения). Закон различал разнородную и однородную совокупность (в последнем случае речь шла о «привычке к преступной деятельности и обращении ее в промысел»), хотя правила назначения наказания за них были идентичны. Что касается лиц, обнаруживающих повторение преступлений (то есть совершение второго после отбытия наказания за первое) или совершивших второе преступление после провозглашения приговора или во время отбытия наказания за первое преступление (закон считал это самостоятельным случаем множественности), то они, согласно ст. 66 и ст. 67 Уложения подлежали ответственности «на общем основании» с установлением некоторых особенностей определения итогового наказания. Лишь повторение тождественных или однородных преступлений влекло усиление наказания. (См.: Уложение уголовное. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб., 1903).

учения о назначении наказания при множественности преступлений способствовало развитию доктрины в части исследования преступления, объема понятия «деяние», взаимосвязи и единства его объективных и субъективных признаков;

- на всем протяжении XIX столетия законодательство, не без влияния науки, совершенствовалось в направлении все более четкого разграничения совокупности и повторения преступлений, определения юридической природы преступления, совершенного после провозглашения приговора, но до отбытия наказания, оптимизации правил поглощения и сложения итогового наказания при наличии множественности преступлений;

- находясь в системе координат, заданных классической школой уголовного права, отечественное законодательство и доктрина, тем не менее, никогда не абсолютизировали правило о соблюдении формального равенства между преступлением (их количеством) и наказанием (его объемом), признавали объектом карательной деятельности государства не деяние, а личность преступника и исповедовали взгляд на множественность, как на обстоятельство, отягчающее наказание, которое должно учитываться в совокупности с иными фактическими данными по делу, отражающими опасность совершенных преступлений и особенности личности виновного.

Глава II. РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ XX–XXI ВЕКА

§1. Множественность преступлений в уголовном праве России XX столетия (советский период)

Октябрьские события 1917 года, положившие начало кардинальным изменениям в государственной, политической, экономической и общественной жизни России, закономерно потребовали трансформации правовой и судебной системы, складывавшейся в стране на протяжении столетий, в том числе создания принципиально нового уголовного законодательства. Однако, свергнув Временное правительство, советская власть объективно не могла в одночасье прекратить действие дореволюционных нормативных актов. Декрет о суде № 1 от 24.11.1917 г.¹ установил возможность сохранения юридической силы прежних законов, «поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Тем самым на некоторое, впрочем весьма непродолжительное, время в сфере уголовно-правового регулирования в новой России было продлено действие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в посл. ред.).

Вместе с тем, объективные потребности в самостоятельной, социалистической регламентации и охране изменившихся общественных отношений потребовали новых и в силу революционной логики достаточно жестких правовых форм. А потому уже Декрет о суде № 3 от 20.07.1918 г., отверг действие законов прежних правительств и решительно признал важнейшим условием правопорядка соблюдение новых законов. Этот момент можно считать формальной точкой отсчета, с которой начинается собственно

---

¹ Здесь и далее, если не оговорено иное, ссылки на уголовное законодательство 1917–1952 годов приводятся по изданию: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / сост. А.А. Герцензон; под ред. И.Т. Полякова. М., 1953.

советское правовое регулирование, составляющее особый и исключительный этап в развитии отечественного уголовного права.

Исследователями уже отмечена некоторая цикличность уголовного права, согласно которой фаза его развития, начавшаяся в 1917 году, в содержательном отношении повторила весь предшествовавший эволюционный путь отрасли – от создания уголовно-правовых норм в законах межотраслевой принадлежности до их институционального структурирования в рамках единого кодифицированного акта¹. Развитие правил относительно множественности преступлений всецело подтверждает этот общий тезис. В течение нескольких десятилетий соответствующие правовые предписания, изначально отраженные в многочисленных декретах и постановлениях советской власти, были осмыслены в качестве обобщенных формул и получили официальный статус норм Общей части Уголовного кодекса РСФСР.

Приступая к формированию уголовного законодательства нового, социалистического типа, советская власть объективно не могла создать теоретически выверенной системы норм о множественности преступлений и ее последствиях. Однако элементарная житейская мудрость, соображения справедливости и превенции преступности, а также пусть официально отвергаемый, но все же незримо присутствующий предшествующий опыт правовой регламентации уголовно-правовых отношений, потребовали от законодателя естественной дифференциации уголовной ответственности и наказания в зависимости от того, одно или несколько преступлений совершило то или иное лицо. А потому, к примеру:

- Декрет СНК РСФСР от 22.07.1918 г. «О спекуляции» различал лиц, совершающих сбыт, скупку и хранение с целью сбыта ненормированных продуктов питания, «в виде промысла» и «не в виде промысла», устанавливая для них существенно различное наказание;

---

¹ Жук М.С. Институты Российского уголовного права: история развития и современное понимание. Краснодар, 2010. С. 39; Жук М.С. Учение об институтах российского уголовного права: концептуальные основы и перспективы развития. М., 2013.

- Постановление НКЮ РСФСР от 23.07.1918 г. «О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового» устанавливало, что «по окончании срока заключения от распределительной комиссии зависит относительно лиц, причисляемых ею к типу ... упорных рецидивистов, представлять в местный революционный трибунал для рассмотрения вопроса об их дальнейшей изоляции»;

- Постановление НКЮ РСФСР от 25.11.1918 г. «О досрочном освобождении» обязывало суд в соответствующем определении указывать, «что если досрочно освобожденный совершит в течение неотбытого срока наказания какое-либо преступление, то он немедленно лишается свободы на весь срок, на который ему сокращено наказание». Этот же документ предписывал, что «в случае совершения досрочно освобожденным вновь преступления в течение неотбытого срока наказания от суда, рассматривающего новое дело, зависит отменить досрочное освобождение по прежнему делу или, считая вновь совершенное преступление не представляющим особой опасности, ограничиться наложением взыскания только за последнее преступление»;

- Постановление ВЦИК РСФСР 1919 г. «О лагерях принудительных работ» определяло, что за побег из лагеря в первый раз виновным до 10 раз увеличивается первоначальный срок заключения, а за вторичный побег они передаются суду Революционного трибунала, который имел право определять наказание вплоть до применения высшей меры;

- Декрет ВЦИК РСФСР от 01.06.1921 г. «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» угрожал применением высшей меры наказания за соответствующие преступления при наличии отягчающих обстоятельств, одним из которых признавал «многократность вменяемых деяний»;

- Декрет СНК РСФСР от 07.10.1921 «Об ответственности за нарушение декрета о продаже виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин»

устанавливал, что нарушение установленных правил оптовой и розничной торговли вином карается в первый раз в административном порядке, тогда как повторное нарушение этих же правил карается по суду лишением свободы или принудительными работами.

Как видим, во всех этих документах речь шла преимущественно о последствиях повторного совершения противоправного деяния, которое в некоторых случаях превращало административный проступок в преступление, в других – влекло однозначное и значительное усиление наказания или применение дополнительных мер по его отбытии, в третьих – могло и не иметь особого уголовно-правового значения. Такая, на первый взгляд, неопределенность не должна оцениваться как противоречивость регулирования. Неоднозначность факта повторного совершения преступления была признана и оценена еще представителями дореволюционной науки. Новая же власть практически интуитивно, опытным путем «нащупывала» те звенья в правовом регулировании и те преступления, при совершении которых повторность, конечно, с учетом общих данных о преступлении и личности преступника, должна была иметь значение фактора, усиливающего ответственность.

Что касается проблем совокупности преступлений, то они в первых декретах и постановлениях советской власти не поднимаются. Представляется, что это может быть объяснимо принципиальным изменением общего подхода новой власти к регламентации вопросов назначения наказания. Его сущность была предельно четко сформулирована в одном из первых актов, установивших ориентиры для назначения наказания, – «Инструкции революционным трибуналам» от 19.12.1917 г. Она определила, что «меру наказания революционный трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и революционной совестью».

Именно «революционная совесть», «революционное социалистическое правосознание» в начале XX века становятся главными, основными критериями принятия любого правового решения, в том числе и связанного с

назначением наказания; критериями, определяющими справедливость правоприменительного акта. Провозглашая их, государство публично демонстрировало отказ от так называемого формального (формалистского), основанного исключительно на законе, подхода к разрешению правовых споров в пользу народного правотворчества и целесообразности. В подобных условиях устанавливать детализированные правила назначения итогового наказания при совершении лицом нескольких преступлений, дифференцировать их в зависимости от вида совокупности, отличать совокупность от сложных преступлений было нецелесообразно. Революционная совесть и правосознание заменяли собой формальные требования законов. Декрет о суде № 2 от 07.03.1918 г. прямо предписывал: «Не ограничиваясь формальным законом, а всегда руководствуясь соображениями справедливости, гражданский суд может отвергнуть всякую ссылку на пропуск давностного или иного срока и вопреки таким или иным возражениям формального характера присудить явно справедливое требование. Та же справедливость должна применяться в суде уголовном».

Таким образом, революционная власть, в большей степени озабоченная сохранением собственной безопасности и фундаментальными проблемами государственного строительства, нежели тонкостями нормативной регламентации юридических, в том числе и уголовно-правовых отношений, объективно и закономерно не могла уделять внимание такой, на фоне происходящих социально-политических перемен, мелкой проблеме как множественность преступлений. Она проявила себя несколько позже, по мере относительной стабилизации общей обстановки в стране, упорядочения работы судов и совершенствования уголовного законодательства.

Созданные в первые послереволюционные годы многочисленные уголовно-правовые акты представляли собой весьма разобщенный и в определенной мере хаотичный материал. Объективная потребность в его упорядочении и систематизации, связанная с необходимостью централизации и объединения методов борьбы с преступностью, была реализована в 1919

году с принятием Руководящих начал по уголовному праву—важнейшего правового (можно сказать больше – политико-правового) документа, который, с одной стороны, аккумулировал весь предшествовавший опыт советского государства по борьбе с преступностью, а с другой стороны, определял перспективы этой борьбы, став основой и прообразом первого полноценного уголовного кодекса.

Руководящие начала в ст. 6 признавали преступлением «действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений», которое «вызывает необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками)». Следуя логике отказа от юридического формализма, законодатель не упоминает здесь признак противоправности преступления (его предусмотренности в уголовном законе). Оставляя в стороне известные общие проблемы соотношения законности и аналогии в советском праве, отметим, что в свете проблем, рассматриваемых в настоящей работе, предложенная дефиниция преступления, по большому счету, исключала необходимость детального определения нормативных границ общественно опасного деяния, выяснения юридических признаков сложного преступления, отграничения деяния, очерченного в одних законодательных границах, от нескольких близких деяний. Все это на практике не имело существенного значения. Рассматривая то или иное дело, суд должен был не только, а точнее, не столько сверяться с сухими законодательными формулами и конструкциями, выбирая в точном соответствии с законом конкретный состав или составы преступления, сколько оценить опасность каждого конкретного деяния с точки зрения интересов революции, и уже исходя из этого, принимать решение о квалификации и назначении наказания. Как следствие, в рамках института преступления в Руководящих началах нормам о множественности места не нашлось.

Практически игнорировались эти нормы и в институте наказания. Руководящие начала признавали, что «преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник». А потому «наказание не есть возмездие за вину. Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий» (ст. 10). Этот посыл, отражавший утверждение в уголовном законодательстве идей социологической школы уголовного права, существенным образом изменил представления о критериях назначения наказания. Отбросив нормы уголовного права, относящиеся к вине и субъективной стороне преступления, Руководящие начала основание наказания видят не столько в совершенном деянии, сколько в опасности личности преступника. В частности, в ст. 11 Руководящих начал указывалось: «При определении меры воздействия на совершившего преступление суд оценивает степень и характер (свойство) опасности для общества как самого преступника, так и совершенного им деяния. В этих целях суд, во-первых, не ограничиваясь изучением всей обстановки совершенного преступления, выясняет личность преступника, поскольку таковая выявилась в учиненном им деянии и его мотивах и поскольку возможно уяснить ее на основании образа его жизни и прошлого, во-вторых, устанавливает, насколько само деяние в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности». «Подчеркивание опасности личности преступника при установлении наказания находит свое прямое выражение в этой статье: суд в первую очередь должен установить степень опасности личности преступника, должен изучить эту личность, а затем уже перейти к определению опасности самого преступления»¹. Идея дореволюционной школы уголовного права о преимущественном соответствии наказания преступлению явно и неявно

---

¹ Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. 1919–1947 гг. М., 1948. С. 176.

была заменена иной, новой идеей – о соответствии наказания личности виновного. При таких весьма обобщенных критериях определения справедливости уголовного наказания сложно было ожидать детальной регламентации правил его назначения при множественной преступной деятельности, их соотнесения между собой, сложения, поглощения и т.д.

А потому не удивительно, что только в ст. 12 Руководящих начал среди общего перечня обстоятельств, которые должны были быть установлены судом по каждому конкретному делу и которые влияли на определение вида наказания, значился единственный п. «г», в соответствии с которым при определении меры наказания в каждом отдельном случае следовало различать, совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом) или первичным. Никаких формализованных правил назначения наказания за рецидив, равно как и признаков самого рецидива или профессионализма, никаких правил назначения наказания по совокупности преступлений или совокупности приговоров, Руководящие начала не содержали¹.

Отмеченные особенности в полной мере отразились в первом советском уголовном кодексе – УК РСФСР 1922 года². В плане регламентации вопросов множественности преступлений он, хотя и стоял по преимуществу на тех же методологических позициях, что и Руководящие начала, тем не менее, содержал некоторые новые и важные для развития уголовного права положения.

Кодекс 1922 г. умалчивал о множественности преступлений в тех своих структурных единицах, которые были посвящены категории преступления.

---

¹ Этот факт подтвержден многими специалистами, см.: Малков В.П., Чернова Т.Г. Совокупность приговоров и применение наказания (вопросы законодательного регулирования, теории и практики). Казань, 2003. С. 11; Борисенко Е.А. Назначение наказания при множественности преступлений. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 15 и др.

² О подготовке этого закона, сопутствующих ему идейных и политических течениях, о содержании и общей оценке документа см.: Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. 1919–1947 гг. М., 1948; Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970.

Однако в разделе, посвященном вопросам определения меры наказания, устанавливал, что:

- при назначении уголовного наказания надлежит различать, среди прочего, совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом или оно совершено в первый раз (ст. 25)¹;

- когда в совершенном обвиняемом деянии содержатся признаки преступлений, предусмотренных разными статьями кодекса, суд определяет наказание по статье, устанавливающей наибольшую наказуемость (ст. 29);

- в случае совершения подсудимым до вынесения приговора двух или более преступных деяний, суд, определив наказание за каждое преступление отдельно, приговаривает виновного к тягчайшему из всех назначенных ему наказаний, причем последнее может быть повышено до высшего предела наказания, установленного по статье, по которой наказание было определено (ст. 30)².

Кроме того, в кодексе предусматривались дополнительные предписания, имеющие отношение к исследуемой нами теме:

- в ст. 37 (Раздел «Роды и виды наказаний и других мер социальной защиты») определялось, что в случае совершения нового тождественного или однородного преступления в течение назначенного судом испытательного срока при условном осуждении лишение свободы по условному приговору

---

¹ В отличие от Руководящих начал УК 1922 г. не использовал профессионализм и рецидив в качестве синонимов. Комментируя это положение, М.М. Гродзинский указывал, что для профессионального преступника характерно совершением трех и более преступлений, которые приносят преступнику нетрудовые доходы, являются основным либо дополнительным источником материального обогащения; отличительным же признаком рецидивиста является наличие судимости. См.: Гродзинский М. Профессиональная преступность и УК РСФСР // Право и жизнь. 1923. № 7-8. С. 72–73.

² Оценивая ст. 29 и 30 УК РСФСР 1922 г., М.И. Бажанов правильно обратил внимание на то, что первая из них описывала случаи идеальной совокупности и обязывала при назначении наказания использовать лишь принцип поглощения менее строгого наказания более строгим, указывая суду на назначение наказания лишь по одной, самой строгой статье; тогда как ст. 30 раскрывала случаи реальной совокупности, обязывала назначать наказание за каждое преступление и устанавливала наряду с принципом поглощения право суда на факультативное повышение наказания. См.: Бажанов М.И. Назначение наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров. Учеб. пособие. Харьков, 1977. С. 17.

отбывается осужденным по вступлении в силу обвинительного приговора по новому делу и притом независимо от назначенного этим последним приговором наказания, но с тем, что общий срок подлежащего отбытию лишения свободы по обоим приговорам не превышал десяти лет;

- в ст. 54 (Раздел «Порядок отбывания наказания») устанавливалось, что если досрочно освобожденный от отбывания наказания совершит в течение неотбытого срока наказания тождественное или однородное преступление, то неотбытая им часть наказания присоединяется к наказанию за новое преступление приговором суда, разбиравшего дело по обвинению в последнем, с тем, однако, чтобы общий срок подлежащего отбытию лишения свободы не превышал десяти лет.

- в ст. 49 (Раздел «Роды и виды наказаний и других мер социальной защиты») предусматривалось, что лица, признанные судом по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности социально опасными, могут быть лишены по приговору суда права пребывания в определенных местностях на срок не свыше трех лет.

Множественность преступлений находила отражение и в статьях Особенной части уголовного закона:

- ст. 79 признавала административным правонарушением неуплату налогов в первый раз и угрожала уголовными санкциями за «повторный и упорный неплатеж» налогов; ст. 118 на основании этого же признака различала дисциплинарный состав непредставления должностными лицами справок и отчетов и соответствующее преступление;

- ст. 85 одним из признаков фальшивомонетничества признавала совершение деяний «в виде промысла»; ст. 97 предусматривала этот признак квалифицирующим для контрабанды (промысел встречался и в других статьях закона);

- ст. 142 дифференцировала ответственность за убийство, совершенное лицом, «уже отбывшим наказание за умышленное убийство или весьма тяжкое телесное повреждение»;

- ст. 180 усиливала ответственность за кражу, совершенную лицом «занимающимся кражами как профессией»;

- ст. 183 устанавливала повышенную санкцию за грабеж, «совершенный рецидивистом».

Как видим, Уголовному кодексу 1922 г. были известны разнообразные формы множественной преступной деятельности. Однако они не были должным образом систематизированы, не дефинировались непосредственно в законе, а их различение в силу этого оставалось вопросом факта и осуществлялось по преимуществу на основе правосознания правоприменителя¹.

В теоретическом отношении, с высоты сегодняшнего дня, можно констатировать, что первый УК РСФСР вполне отчетливо различал лишь рецидив и совокупность². При этом, однако, само понятие рецидива не имело формальных границ и зачастую сливалось с такими сходными категориями, как промысел, повторность и профессиональный преступник, а понятие совокупности преступлений слабо отграничивалось от совокупности приговоров. Кроме того, различая две формы множественности, закон уделял мало внимания регламентации вопросов назначения наказания при каждой из них, во многом полагаясь на общие предписания о необходимости

---

¹ Основные дефиниции определялись в учебниках по уголовному праву. М.М. Исаев, в частности, писал: «При идеальной совокупности в одном деянии виновного содержатся признаки нескольких составов преступлений. По существу мы имеем одно преступление, но мысленно, в идее (откуда и название), мы можем расчленить его на несколько преступлений, из которых каждое содержит признаки состава. Под реальной совокупностью понимаются случаи совершения виновным несколькими действиями нескольких преступлений, ни за одно из которых он не был осужден». Повторность в трактовке автора есть совершение однородного или тождественного преступления во второй раз; неоднократность—совершение преступления не меньше трех раз, вне зависимости от наличия предшествующего осуждения и отбытия наказания; промысел—ситуация, когда совершение преступлений является для виновного определенным занятием, главным или хотя бы побочным, но приносящим ему определенный доход Уголовное право. Общая часть / ред. А.А. Герцензон, Б.С. Ошеревич, А.А. Пионтковский. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М., 1939. С. 307–308, 312–313.

² Досаева Г.С. Нормативная и теоретическая оценки множественной преступной деятельности в законодательстве советской России 20-х годов прошлого века // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 1 (32). С. 81–89.

учета степени и характера опасности преступника и преступления, предписывая, что «опасность лица обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному порядку» (ст. 7).

Пришедший на смену первому кодексу УК РСФСР 1926 г. не внес принципиальных изменений в содержание и структуру норм о множественности преступлений. По сути, он во многом дублировал своего предшественника, будучи обязанным своим появлением не столько развитию уголовно-правовой науки и практики, сколько созданию СССР, принятию Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. и необходимости фиксации свершившегося разграничения компетенции между Союзом и образующими его республиками в сфере уголовно-правового регулирования¹.

Отраженные в кодексе изменения института множественности преступлений коснулись следующего:

- отягчающим обстоятельством при назначении наказания признавалось совершение преступления повторно (ст. 47), в отличие от прежнего закона, о профессиональных преступниках и рецидиве УК не упоминал;

- в одну норму (ст. 49) были объединены предписания относительно идеальной и реальной совокупности (ст. 29 и ст. 30 закона 1922 г.) с установлением единого правила назначения наказания: «суд, определив соответствующую меру социальной защиты за каждое преступление отдельно, окончательно определяет последнюю по статье,

---

¹ Сложно в полной мере согласиться с тезисом о том, что УК РСФСР 1926 года стал результатом «кардинальной уголовно-правовой реформы» и пришел на смену «нежизнеспособному» УК 1922 г. (см. Калашникова А.И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: концептуальные подходы и общая характеристика. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009. С. 20).

предусматривающей наиболее тяжкое из совершенных преступлений и наиболее тяжелую меру социальной защиты»¹;

- отмена условного осуждения и отсрочки отбывания наказания (ст. 54, 56) устанавливалась в случае совершения любого «не менее тяжкого преступления», а не только тождественного или однородного, как предписывал УК 1922 г.

В Особенной части сохранялся разницей в употреблении терминов для обозначения множественности. Закон знал совершение преступления в виде промысла (с. 59.8, 59.10, 99, 102 и др.), во второй раз (ст. 60, 61), повторно (ст. 74, 83, п. «б» ст. 162 и др.), неоднократно (ст. 79, п. «в, г» ст. 162), лицом, ранее привлекавшимся и отбывшим назначенную судом меру социальной защиты (ст. 136).

---

¹ Это предписание УК РСФСР несколько отличалось от корреспондирующих положений в ст. 33 Основных начал уголовного законодательства СССР 1924 г. Толкованию этой нормы общесоюзного закона было посвящено специальное Постановление 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 г. В нем указывалось: «суд одинаково, - как в случаях идеальной совокупности, так и в случаях реальной совокупности, - обязан в конечном выводе приговора квалифицировать всю совокупность совершенных обвиняемым действий по статье, которая предусматривает в своей санкции наиболее тяжкую основную меру социальной защиты и независимо от того, требует или не требует соответствующий республиканский уголовный кодекс предварительного определения меры социальной защиты по каждому отдельному преступлению, ставить на свое обсуждение вопрос, какая конкретная мера социальной защиты в пределах, указанных в статье, предусматривающей наиболее строгую меру, должна быть назначена осужденному по этой именно статье за всю совокупность совершенных им преступлений». В отличие от общесоюзного, как видим, Кодекс РСФСР в обязательном порядке требовал квалификации содеянного по всем необходимым статьям и предварительного назначения наказания по всем входящим в совокупность преступлениям, что было в особом порядке подтверждено Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 15.02.1946 г. № 2/3/У. (См.: Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изм. на 15 января 1956 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1956. С. 155–158). Между тем, даже в 1958 году специалисты признавали, что «некоторые работники милиции при наличии совокупности преступлений ограничиваются квалификацией преступных деяний лишь по одной статье уголовного кодекса, предусматривающей наивысшую санкцию, имея при этом в виду действующий у нас принцип поглощения наказаний. Такой упрощенный подход свидетельствует о непонимании, недооценке общественно-политической и юридической значимости правильной квалификации всех преступных действий привлеченного к уголовной ответственности лица». См.: Якубович М.И., Кириченко В.Ф. Советское уголовное право (Общая и Особенная части). Учебник / под ред. В.Д. Меньшагина. М., 1958. С. 158.

В 1930 году в УК РСФСР были внесены значимые изменения в части регламентации множественности:

- отягчающим обстоятельством, с выделением в отдельный пункт статьи, стала признаваться не просто повторность, а «совершение преступления лицом, уже ранее совершившим какое-либо преступление, кроме случаев, когда данное лицо признается несудимым ... или когда со дня совершения первого преступления либо вынесения по нему приговора истекли давностные сроки». При этом указывалось, что «суд вправе, в зависимости от характера первого преступления, не признать за ним отягчающего значения»;

- изменились правила назначения итогового наказания при совершении преступления лицом во время условного осуждения или досрочного освобождения от наказания; суд получил право не только присоединять неотбытую часть наказания по первому приговору к наказанию по второму приговору, но и «применять к осужденному только меру социальной защиты, назначенную по второму приговору».

Представленная система предписаний относительно множественности преступлений, как видим, не была совершенной, не отличалась стройностью и последовательностью и, к тому же, содержала целый ряд пробелов, которые вынужденно компенсировались и восполнялись судебной практикой или законодательством иной отраслевой принадлежности. Так, к примеру:

- Ни Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, ни УК РСФСР, ни упомянутое Постановление 23-го Пленума Верховного Суда СССР не содержали положений, определяющих правовые последствия ситуации, описанной сегодня в ч. 5 ст. 69 УК РФ (если после вынесения приговора по делу обнаружится, что лицо виновно в совершении еще одного преступления, совершенного до вынесения приговора по первому делу). Она разрешалась в процессуальном законе: ст. 465 УПК РСФСР устанавливала, что в данном случае судом, постановляющим позднейший приговор, применяются правила совокупности

преступлений, причем если предыдущим приговором, вступившим в законную силу, было назначено более тяжкое наказание, то позднейший приговор считается погашенным предыдущим приговором.

- Не были предусмотрены в УК РСФСР и правила назначения наказания за преступление, совершенное в процессе отбытия наказания за предыдущее преступление. Верховный Суд РСФСР разъяснением от 15.12.1933 г. предоставил суду право присоединять полностью или частично наказание, назначенное по первому приговору, к новому наказанию или применять наказание, назначенное только по новому приговору с поглощением прежнего наказания¹.

В подобном виде исследуемые нами нормы о множественности преступлений сохранялись в отечественном уголовном праве вплоть до принятия нового Уголовного кодекса в 1961 году. Оценивая их в целом, нельзя не обратить внимания на два обстоятельства.

Во-первых, как и в предшествующую эпоху, положения о множественности преступлений, составляя в уголовном законодательстве часть предписаний о назначении уголовного наказания, не были должным образом осмыслены в качестве структурной единицы института преступления. Этот факт, с одной стороны, может быть оценен как проявление некоторой преемственности уголовного законодательства досоветского и советского периодов развития (хотя такая оценка была бы явным преувеличением). Но с другой стороны (и это, пожалуй, вернее), он отражает определенный теоретический посыл, идею, согласно которой множественность преступлений не составляет особого социального или криминологического феномена, а служит лишь обстоятельством, которое вносит свои коррективы в техническую деятельность суда по определению суммарного наказания.

---

¹ См.: Пионтковский А.А. Вопросы Общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов. М., 1954. С. 124.

Показательно в этом отношении местоположение информации о множественности преступлений в структуре советских учебников по уголовному праву. Лишь в единичных случаях авторы выделяли самостоятельные параграфы (или главы) о множественности в разделах, посвященных преступлению (так, у Э.Я. Немировского, в частности, соответствующие параграфы располагались в двух главах «Модальности (формы проявления) преступного деяния» и «Индивидуализация наказания»¹; у А.А. Пионтковского в отделе «Формы проявления преступной деятельности» значилась глава «Совокупность преступлений»²). В большей же части источников учение о множественности было прочно связано с учением о наказании (у С.В. Познышева параграфы, посвященные множественности, располагались в главе «О мере наказания»³, в этой же главе располагался параграф о множественности, подготовленный М.М. Исаевым для коллективного учебника⁴). Некоторые учебники вообще не выделяли отдельных параграфов о множественности ни в разделе о преступлении, ни в разделе о наказании (А.Я. Эстрин, М.В. Красильников⁵). Такое положение дел может быть объяснено лишь недооценкой теоретической значимости проблем множественности преступлений (не случайно, ряд значимых вопросов разрешался не в УК РСФСР, а в процессуальном законе и в постановлении Пленума Верховного Суда).

Второе обстоятельство, на которое стоит обратить внимание при общей оценке изложенного, заключается в том, что нормы о множественности преступлений и о назначении наказания при наличии множественности вплоть до конца 50-х годов не представляли особого интереса для

---

¹ Немировский Э.Я. Учебник уголовного права. Общая часть. Одесса, 1919; Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Части Общая и Особенная. Одесса, 1926.

² Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Общая часть. М., 1925.

³ Познышев С.В. Учебник уголовного права: Общая часть. Очерк основных начал общей и особенной части уголовного права. Т. 1. М., 1923.

⁴ Уголовное право. Общая часть / ред. А.А. Герцензон, Б.С. Ошеревич, А.А. Пионтковский. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М., 1939.

⁵ Эстрин А.Я. Уголовное право СССР и РСФСР. 3-е изд., испр. и доп. М., 1931; Советское уголовное право. Части Общая и Особенная. Учебник / Шаргородский М.Д., Кадсон З.Р., Красильников М.В. др. М., 1940.

законодателя, который посчитал возможным ограничиться несовершенным и пробельным набором нескольких, не сведенных в единую систему правовых предписаний.

О причине такого положения вещей представляется необходимым рассуждать отдельно. На наш взгляд, отсутствие специального внимания к проблемам множественности преступлений и законодательная разработка их «по остаточному принципу» в силу необходимости, объясняется кардинальной трансформацией общего подхода к пониманию содержания, основания и значения уголовного наказания. Основанные на интерпретации наказания как меры самообороны общества, достаточно широко распространенные леворадикальные суждения о возможности построения уголовного закона без четкого и исчерпывающего перечня преступлений и наказаний, о конструировании так называемых родовых составов без санкций, об аналогии, о расширении границ судейского усмотрения, о неопределенных приговорах, об опасности лица как основании и критерии применения к нему меры государственного воздействия – прямо или косвенно отражались на правосознании, правотворческой и правоприменительной деятельности. Конечно, не все из этих идей были воплощены в законе, но они реально обсуждались при составлении проектов УК РСФСР¹ и создавали вполне определенный интеллектуальный фон, определяли соответствующий уголовно-правовой дискурс и поле для законотворческих решений.

Такой перелом в уголовно-правовой традиции связан, как известно, с кризисом классической школы уголовного права и распространением (как в науке, так и в законодательной практике) учения новых школ – антропологической и социологической, причем последней в наибольшей степени.

---

¹ См. об этом: Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. 1919–1947 гг. М., 1948. С. 249–267.

Одним из основных постулатов социологической школы в его крайнем проявлении, в частности, стал отказ от понятия преступления и определение основанием ответственности не деяния, а опасного состояния личности. Еще до революции М.Н. Гернет писал: «Мы думаем, что дать определение преступления со стороны его содержания не представляется возможным, потому что слишком разнообразны те действия, которые входили и входят в понятие преступных». А потому: «Для сторонников теорий, отрицающих наказание и требующих его замены мерами социальной обороны, вопрос о выборе того или другого средства защиты решается в зависимости от принадлежности преступника к определенной категории правонарушителей, а продолжительность применения того средства определяется прекращением опасности повторения преступности.¹ В 1919 году эти же мысли развивал Я. Берман: «В соответствии с основами социалистической мысли должно быть бесспорным, что оценка опасности преступного деяния зависит не от характера, вида или рода преступного действия, а от характера субъекта преступления, преступника»; поэтому совершение преступления – «только повод для принятия мер воздействия против лица, совершившего преступное деяние»².

Эти исходные тезисы очевидно не предполагали детальной разработки проблем квалификации множественной преступной деятельности и сложных схем определения итогового наказания по совокупности преступлений или приговоров либо при рецидиве преступлений. Множественность преступлений в такой трактовке могла служить лишь показателем общественной опасности лица и в таком качестве учитываться судом при определении наказания. А.Н. Трайнин прямо указывал, что метафизические понятия причинной связи, соучастия и др. (можно продолжить логический

---

¹ Гернет М.Н. Уголовное право. Часть общая. Лекции, читанные в Народном Университете Московского общества народных университетов. Херсон, 1913. С. 63, 194.

² Берман Я. К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства // Пролетарская революция и право. 1919. № 2 (12). С. 43.

ряд–множественности преступлений) должны превратиться в «скромные подсобные для практики критерии опасности»¹.

Подобного рода идеи социологической школы не только встречали критику со стороны ряда специалистов (Л. Саврасов, А. Лисицын, И. Славин, Н. Скрыпник, П. Красиков, А. Трайнин, А. Пионтковский и др.)², но и впоследствии были публично отвергнуты многими из ее приверженцев (Н.В. Крыленко). А потому естественно, в чистом виде они никогда не были зафиксированы в уголовном законодательстве, которое в целом старалось сохранить начала эквивалентности преступления и наказания. Однако эти идеи не остались незамеченными. Характеризуя установленные УК РСФСР 1922 г. правила назначения уголовного наказания, Э.Я. Немировский писал, что изменения, внесенные в эту область новейшими течениями уголовно-юридической мысли, выразились 1) в расширении пределов власти суда при выборе меры наказания или социальной защиты с тем, чтобы и род, и продолжительность ее соотносились с характером преступника; 2) в освобождении кодекса от балласта квалифицированных или привилегированных деликтов, с сохранением только тех из них, которые имеют постоянное симптоматическое значение для степени опасности преступника или же интенсивности преступного настроения; 3) в усилении влияния на репрессию свойства мотивов преступления; 4) в уменьшении объективной важности деликта; 5) в перенесении центра тяжести определений закона, относящихся к выбору меры репрессии, в общую часть с установлением директив суду в этом вопросе, вместо прежней связанности суда санкциями особенной части; 6) в расширении рамок следствия для лучшего ознакомления с прошлым подсудимого; 7) в отнесении окончательного решения вопроса о продолжительности наказания в стадию исполнения приговора для корригирования возможных неточностей или

---

¹ См.: Трайнин А.Н. Уголовное право. Общая часть. М., 1929. С. 86–87 и др.

² См. об этом: Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1978. С. 45–50.

даже ошибок в диагнозе характера преступника в приговоре, основанном на одном следственном материале¹.

Но даже в таком, весьма смягченном виде уголовно-социологические идеи, отраженные в УК РСФСР 1922 и 1926 годов, не требовали разработки учения и норм о множественности. Квинтэссенцией отношения к множественности может служить разъяснение 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 г. Разъяснения положения уголовного права о совокупности преступления, Пленум указал: «По прямому смыслу ст. 33 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик при определении меры социальной защиты в случаях, когда в совершенном обвиняемым деянии имеются одновременно признаки нескольких преступлений (идеальная совокупность), а равно и когда обвиняемый признан виновным в совершении нескольких отдельных преступлений (реальная совокупность), суд должен рассматривать всю совокупность совершенных обвиняемым преступлений как одно целое, характеризующее собой повышенную степень опасности личности обвиняемого (разрядка наша – Г.Д.), что дает суду право применения к нему тех мер социальной защиты и в тех пределах, какие указаны в статье закона, предусматривающей в санкции в качестве основной меры социальной защиты наиболее суровую меру».

При таком подходе (когда общесоюзное законодательство позволяло квалифицировать совокупность преступлений по одной статье с наибольшей санкцией, а в оценке критериев наказания акценты смещались с деяния на личность виновного) обсуждение и развитие множественности преступлений как самостоятельного института уголовного права было нецелесообразным и неперспективным.

---

¹ Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Части Общая и Особенная. Одесса, 1924. С. 200.

При последовательном развитии идей социологической школы можно было ожидать, что в уголовном праве и в законе найдут отражение многочисленные подходы к ранжированию преступников по уровню опасности. Но этого также не произошло в виду отмеченного столкновения теоретических концепций и компромиссного характера уголовного законодательства 20-х годов.

Между тем, идея градации преступников по степени их общественной опасности и использования такой классификации для целей совершенствования законодательства о множественной преступной деятельности была крайне популярна. Такая градация в известном роде «выросла» из классической уголовно-правовой классификации преступлений на совершенные в первый, второй и т.д. раз, иными словами, восходила к учению о первичном и рецидивном преступлениях.

М.Н. Гернет писал в этой связи: «Так как классическая школа интересовалась не преступником, а преступлением, то и в данном случае она обратила внимание не на субъекта преступной деятельности, а на повторно или многократно совершенное правонарушение и поместила учение о нем в отдел о наказании, среди обстоятельств, увеличивающих уголовную ответственности». Однако, отмечал автор, «подыскать теоретическое обоснование ... увеличению наказания рецидивистов очень трудно, если стоять на точке зрения соразмерения вины и наказания: вина преступника, отбывшего наказания и совершившего после этого вновь преступление, не становится больше, так как первая вина уже искуплена отбытым им наказанием. Несомненно, что увеличение наказания в действительности вызывалось здесь опасностью нового повторно преступления, но этот принцип не признавался этими кодексами, так как они знали опасные преступления, но не опасного преступника»¹. А потому более правильным, по мнению М.Н. Гернета, является построение уголовного законодательства

---

¹ Гернет М.Н. Уголовное право. Часть общая. Лекции, читанные в Народном Университете Московского общества народных университетов. Херсон, 1913. С. 51, 196.

в части оценки множественной преступной деятельности именно на основе классификации преступников. Сам он выделял при этом привычных, случайных и душевнобольных преступников, из которых к множественной преступности большее отношение имели именно привычные преступники (профессионалы) – те, «кто делает себе из преступления профессию».

Категории привычных и профессиональных преступников, либо иные категории, близкие по смыслу и значению к этим, выделяли многие авторы. При этом они зачастую подчеркивали, что привычка, профессионализм, хотя и соотносятся с уголовно-правовым понятием рецидива, но не совпадают с ним полностью.

Так, С.В. Познышев выделял экзогенных и эндогенных преступников. Последние, по его мнению, совершают преступления, в большей степени благодаря внутренним склонностям, нежели давлению окружающей среды. Они отличаются тем, что «появившийся в сознании криминогенный комплекс в виде желания совершить известное преступление... находится в связи с известными желаниями или склонностями, сопровождаемыми однородным эмоциональным тоном». Признавая, что одним из признаков эндогенного преступника является множество совершаемых преступлений, автор все же писал: «повторная преступная деятельность не всегда дает право на зачисление субъекта в разряд эндогенных преступников. С другой стороны, тот факт, что человек совершил лишь одно преступление, не препятствует зачислению его в эндогенные преступники»¹.

Близкий подход демонстрирует работа Э.Я. Немировского. Выделяя эпизодических, привычных (профессиональных) преступников и упорных рецидивистов (неисправимых), он писал, что рецидив является «только внешним признаком обращения преступления в привычку и притом не

---

¹ Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. Л., 1926 // Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / сост. и предисл. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М., 2007. С. 42, 47, 73.

всегда», а потому «нет оснований для усиления репрессии хронической преступности требовать именно рецидива»¹.

О профессиональных, привычных преступниках писали и другие авторы (М.М. Гродзинский, Б.С. Утевский, Е.Г. Ширвиндт и др.)². Все они, естественно, соотносили их с категорией рецидива в уголовном праве, с решением вопроса об усилении наказания рецидивистам. И общим выводом из значительной части рассуждений была мысль о недостаточности конструкции рецидива для борьбы с привычной и профессиональной преступностью, о необходимости не простого увеличения размера наказания для таких лиц, а изменения самого содержания применяемых мер. М.Н. Гернет констатировал этот вывод в качестве некоторой законодательной тенденции: «В настоящее время довольно ярко обнаруживается стремление применять к рецидивистам такие меры, которые ставят своей задачей не увеличение наказания, но уничтожение опасности повторного совершения преступления. Эти меры безопасности применяются и проектируются в качестве добавочных к наказанию. ... Применение к преступнику меры для его обезвреживания после отбытия наказания встречает одобрение сторонников классического направления, но это одобрение противоречит основным началам названного направления и является компромиссом между старыми и новыми течениями в области нашей науки»³.

Однако компромиссный характер любого уголовного законодательства, а тем более законодательства первых послереволюционных лет, не позволил в должной мере зафиксировать в правовых нормах признаки привычного или профессионального преступника (более того, в УК РСФСР 1926 г., в отличие

---

¹ Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Части Общая и Особенная. Одесса, 1924. С. 48, 212.

² Обзор мнений см.: Бытко Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве: история и современность. Саратов, 1998. С. 36–54.

³ Гернет М.Н. Уголовное право. Часть общая. Лекции, читанные в Народном Университете Московского общества народных университетов. Херсон, 1913. С. 196–198.

от закона четырехлетней давности, соответствующие термины уже не употреблялись¹), а также установить для них какие-то особые санкции.

Лишь косвенное отношение к проблеме конструирования специальных мер социальной защиты в отношении профессиональных преступников имела ст. 7 УК РСФСР, допускавшая применение ссылки и высылки к лицам, «представляющим опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности». Эта норма, будучи явным отголоском идей социологической школы, носила общий характер и могла применяться как к лицам, многократно ранее судимым или совершавшим преступления, так и к тем, кто вообще не был замечен в преступной деятельности. Закон в данном случае не требовал для применения мер безопасности наличия какого-либо конкретного деяния, хотя сами меры имели репрессивный характер и приравнивались по содержанию к наказанию (соответствующая практика была отменена в связи с принятием Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 12.07.1946 г. № 8/5/У²).

Не решившись (или не сумев) на создание специальных, особых по внутреннему содержанию мер в отношении привычных или профессиональных преступников, государство пошло по известному пути усиления ответственности таких лиц. Постановление ВЦИК РСФСР от 26.03.1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» не только прямо указывало на профессиональных преступников как на объект репрессии, но и приравнивало их к врагам народа. Документ гласил: «Признать необходимым применять суровые меры репрессии исключительно в отношении классовых врагов и деклассированных преступников профессионалов и рецидивистов (бандитов, поджигателей, конокрадов, растратчиков, взяточников и воров); дополнять назначение суровых мер

---

¹ М.В. Красильников писал: «Действующее законодательство не говорит о профессиональной преступности, так как в наших условиях она почти не имеет места». См.: Советское уголовное право. Части Общая и Особенная. Учебник / Шаргородский М.Д., Кадсон З.Р., Красильников М.В. др. М., 1940. С. 86.

² См.: Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изм. на 15 января 1956 г. и с приложением постатейносистематизированных материалов. М., 1956. С. 137–139.

репрессии в отношении перечисленных элементов не менее строгим осуществление приговора, допуская смягчение принятых судом мер социальной защиты и досрочного освобождения этих категорий преступников лишь в исключительных обстоятельствах и в условиях, гарантирующих их действительную социальную безопасность для общества».

Подводя некоторый промежуточный итог, нельзя не констатировать некоторого регресса в области учения о множественности преступлений в 20–30-е годы XX столетия, который во многом был вызван влиянием идей социологической школы уголовного права, пропагандирующей примерные санкции, широкое судебское усмотрение и опасность личности в качестве основания применения мер социальной защиты. Принцип формального равенства преступления и наказания был отвергнут как буржуазный и реакционный¹; на смену ему пришел принцип назначения лично ориентированного наказания, который в худших своих проявлениях восходил к средневековой формуле «наказать, смотря по человеку». Такая смена фундаментальных установок (говоря о смене, мы хотим подчеркнуть лишь самый общий, предельный уровень обобщения оценки, поскольку ни первый из указанных принципов никогда не возводился в абсолют, ни второй сам по себе не может оцениваться как недостаток права; мы хотим отметить лишь нарушение баланса между этими принципами) не требовала ни разработки тонких проблем отграничения единичного преступления от множественности, ни детализации правил назначения наказания при совершении нескольких преступлений. Она могла повлечь нормативную классификацию преступников, но и этого не было сделано в силу, как

---

¹ А.А. Пионтковский писал, что потребность соотносить наказание с объективной тяжестью преступления органически чужда советскому уголовному праву, что пропорциональная форма принуждения в советском уголовном праве представляет «буржуазную» уголовно-правовую форму. См.: Пионтковский А.А. Советское уголовное право. Общая часть. В 2 т. Т. 1. М.-Л., 1929. С. 164, 171, 173, 180.

представляется, сугубо политических и идеологических причин, не позволявших видеть в советском обществе неисправимых преступников.

Исправление ситуации произошло в середине XX века и связано оно было с разработкой и принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. Устранение революционной риторики из теоретических дискуссий, реальные достижения советской уголовно-правовой науки в области познания преступлений и наказаний, определенная либерализация и демократизация общественно-политической жизни, спокойное отношение к нормативному опыту зарубежных стран – все это и многое другое позволило более взвешенно подойти к решению вопросов уголовно-правовой оценки множественной преступной деятельности.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.¹, признавая основанием ответственности совершение преступления (ст. 3), и понимая под преступлением предусмотренное самим Кодексом общественно опасное деяние (ст. 7) не предусматривал, как и его предшественники, в главе «О преступлении» норм, определяющих понятие и (или) формы множественности. Соответствующий нормативный материал располагался в главах «О наказании» и «О назначении наказания и освобождении от наказания». Наряду с этим, в Особенной части УК при описании составов преступлений законодатель весьма часто обращался к терминам, указывающим на ту или иную разновидность множественной преступной деятельности лица.

В Общей части уголовный закон вполне отчетливо различал три ситуации, имеющие отношение к исследуемой теме:

- назначение наказания особо опасному рецидивисту (ст. 24);
- назначение наказания при совершении нескольких преступлений (ст. 40);

---

¹ Первоначальный текст закона приводится по изданию: Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик. В 2 т. Т. 1 / отв. ред. Ф.И. Калинычев. М., 1963.

- назначение наказания по нескольким приговорам (ст. 41), правила которого распространялись на случаи совершения нового преступления условно осужденным (ст. 45), досрочно освобожденным от отбывания наказания (с. 54) и лицом, совершившим преступление в период отсрочки исполнения приговора (ст. 46).

С теоретической точки зрения уместно провести отдельный анализ проблем совокупности преступлений и приговоров, с одной стороны, и вопросов, связанных с особо опасным рецидивистом, - с другой. Такой анализ обоснован, прежде всего тем, что в основу уголовно-правовой оценки множественной преступной деятельности УК РСФСР положил, по сути, две относительно самостоятельные концепции—множественности деяний и опасности личности. Их наличие можно рассматривать в качестве закономерного следствия предшествующего развития советского уголовного права, которое балансируя на грани социологической и классической школ, иногда органично, а порой и сугубо механистически соединяло в себе идеи и институты каждой из них.

Нормативная фиксация понятия «особо опасный рецидивист» – явное свидетельство проникновения в закон разрабатываемой социологической школой классификации преступников на основе стойкости их антиобщественной установки, ведущих факторов преступной деятельности, вероятности повторения преступлений, в целом – общественной опасности¹. Заметим, что Основы уголовного законодательства Союза ССР упоминали понятие «особо опасный рецидивист», но не давали в первоначальной редакции его толкования. Только 11.07.1969 г. законом «О внесении дополнений и изменений в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» в данный акт была внесена самостоятельная статья (ст. 23.1), которая и определила, и унифицировала на общесоюзном уровне признаки особо опасного рецидивиста. В УК РСФСР дефинитивная норма

---

¹ Досаева Г.С. Категория «особо опасный рецидивист» в уголовном праве России середины XX века // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 4. С. 107–109.

была включена изначально, однако она буквально сразу после вступления в силу кодекса была изменена и далее неоднократно менялась, что отражает динамику законодательных суждений относительно объема исследуемого понятия. Хотя справедливости ради надо отметить, что изменения эти носили по преимуществу технический характер и не меняли сути феномена «особо опасный рецидивист», признаки и порядок его определения.

Интересно, что понятие особо опасного рецидивиста первоначально раскрывалось в Примечании I к ст. 24 УК РСФСР, которая была посвящена содержанию и порядку отбывания лишения свободы как вида уголовного наказания. В 1969 г. норма об особо опасном рецидивисте была выделена в отдельную статью кодекса (ст. 24.1), которая, тем не менее, сохраняла логическую связь именно с нормой о лишении свободы, которой устанавливался более высокий верхний предел данного наказания для лиц, признанных особо опасными рецидивистами.

Закон устанавливал правило, согласно которому признание лица особо опасным рецидивистом осуществлялось в каждом отдельном случае по приговору суда. При этом суд должен был учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела. При признании лица особо опасным рецидивистом не учитывались преступления, совершенные этим лицом в возрасте до восемнадцати лет, а также те преступления, по которым судимость была погашена или снята в установленном порядке (кроме того, признание лица особо опасным рецидивистом сохраняло свое правовое значение лишь до погашения или снятия судимостей, которые послужили основанием для признания его таковым). Формальными критериями признания лица особо опасным рецидивистом были количество судимостей, тяжесть совершенных преступлений (все они определялись законом как умышленные), вид и размер наказаний ранее определенных и вновь назначаемых¹.

---

¹ Ввиду значительного объема исследуемой нормы, полагаем нецелесообразным приводить ее полностью.

Конкретизация этих законодательных положений осуществлялась Верховным Судом СССР в целом ряде специальных постановлений: № 8 от 03.07.1963 г. «О судебной практике по признанию лиц особо опасными рецидивистами», № 11 от 29.12.1965 «Об устранении недостатков в деятельности судов по борьбе с рецидивной преступностью», № 4 от 25.06.1976 г. «О практике применения судами законодательства о борьбе с рецидивной преступностью» и др. В последнем, в частности, было указано, что «судам надлежит обсуждать вопрос о признании лица особо опасным рецидивистом, учитывая личность подсудимого, степень общественной опасности совершенных преступлений, их мотивы, степень осуществления преступных намерений, степень и характер участия в совершении преступлений и другие обстоятельства дела. При этом следует исходить из того, что по смыслу закона особо опасными признаются лишь злостные преступники, представляющие повышенную опасность для общества и упорно не желающие стать на путь исправления»¹.

Такого рода официальные суждения значительно расходятся с современной трактовкой рецидива преступлений и, вне сомнений, уходят своими корнями в учения о привычных, неисправимых и профессиональных преступниках, что формально как бы выводит особо опасного рецидивиста из числа форм множественности преступлений, представляя его в большей степени в качестве составной части учения о личности преступника или субъекте преступления. Нормативным закреплением понятия особо опасного рецидивиста законодатель официально признал идею, согласно которой основанием усиления ответственности за повторную после осуждения преступную деятельность является не сам по себе факт совершения преступления, а особенности личности виновного². И более того,

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1977. № 6. С. 9.

² Признание за осужденным статуса особо опасного рецидивиста влекло существенные уголовно-правовые последствия: а) могла меняться квалификация содеянного, в частности, совершение преступления особо опасным рецидивистом в ряде составов предусматривалось в качестве квалифицирующего признака; б) устанавливался более высокий максимальный порог лишения свободы; в) определялись специальные виды

предоставил весьма широкую дискрецию судам в части наделения того или иного лица статусом особо опасного рецидивиста.

Наука признавала целесообразность такого подхода и, развивая его, предлагала дифференцировать рецидивистов в зависимости от степени их общественной опасности на простых, опасных и особо опасных¹. За основу классификации при этом использовался вид и количество совершаемых лицом преступлений. Вместе с тем, как только исследователи обратились к вопросу о значении преступлений для конструирования понятия «рецидивист» они невольно стали отходить от общей посылки – «рецидивист – свойство личности» и обращаться к идее «рецидив – множество преступлений». Специалисты стали включать ст. 24.1 УК РСФСР в рамки юридического анализа множественности преступлений, полагая именно рецидив (а не рецидивиста) особым видом множественности². Дополнительные основания к тому содержал сам уголовный закон, который, наряду с понятием особо опасного рецидивиста, знал в качестве отягчающего обстоятельства «совершение преступления лицом, ранее совершавшим какое-либо преступление» (ст. 39 УК РСФСР), в качестве квалифицирующих признаков – «совершение преступления лицом, ранее осужденным» (ст. 70 УК РСФСР и др.), «повторность» (ст. 163 УК РСФСР и др.). Такое многообразие понятий и конструкций охватывало собой практически все проявления рецидива и способствовало утверждению мнения о

исправительных учреждений для отбывания лишения свободы; г) особо опасные рецидивисты лишались права на условное осуждение, условно-досрочное освобождение от наказания и замену наказания более мягким; г) устанавливался усложненный порядок аннулирования судимости только судом; д) устанавливался административный надзор.

¹ См., например: Шутов Ю.И. Некоторые вопросы уголовного рецидива // Вопросы государства и права Свердловск, 1964. С. 112; Кафаров Т.М. Проблема рецидива преступлений в советском уголовном праве. Баку, 1972. С. 59; Кривоченко Л.Н. Борьба с рецидивом по советскому уголовному праву. Харьков, 1973. С. 26; Гришанин П.Ф. Ответственность преступников-рецидивистов по советскому уголовно управу. М., 1974. С. 47; Бытко Ю.И. Понятие рецидива преступлений. Исторический очерк. Саратов, 1978. С. 68; Панько К.А. Рецидив в советском уголовном праве. Воронеж, 1983. С. 54

² См., например: Яковлев А.М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1960; Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982; Бузынова С.П. Множественность преступлений и ее виды (уголовно-правовое исследование). М., 1988.

необходимости унификации всех этих конструкций. При этом единственно возможной теоретической основой такого решения могла стать лишь концепция рецидива, а не рецидивиста.

В законодательстве отступление от доктрины рецидивиста начнется в 1991 году. Принятые, но не вступившие в силу, Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (1991 г.) в ст. 23 содержали уже два понятия, имеющие отношение к теме исследования: «рецидив преступлений» под которым понималось совершение нового умышленного преступления лицом, имеющим судимость за умышленное преступление; и «особо опасный рецидивист», которым в случаях, предусматриваемых уголовными кодексами республик, по приговору суда могло быть признано лицо, имеющее судимость за умышленное преступление и вновь осуждаемое за умышленное преступление к лишению свободы на срок не менее пяти лет. Дальнейшее развитие уголовного законодательства привело к окончательному отказу от конструкции особо опасного рецидивиста и утверждению в праве концепции рецидива как формы множественности преступлений. Тем самым уголовно-социологические идеи о классификации преступников были устранены из закона и замещены строгими формальными конструкциями, более близкими принципам классической школы уголовного права.

Возвращаясь к анализу форм множественности преступлений, отраженных в УК РСФСР 1960 г., обратимся к проблемам совокупности. Как уже было отмечено, кодекс так и не смог выйти на уровень понимания множественности в качестве составной части института преступления, в связи с чем предписания о совокупности располагались в силу стойкой законотворческой и теоретической традиции в главе о назначении наказания. Но здесь необходимо признать достаточно высокий, адекватный современному, уровень разработки вопросов назначения наказания по

совокупности преступлений и совокупности приговоров¹. Разъяснение соответствующих правил, которое дал Верховный Суд РСФСР в Постановлении Пленума № 2 от 21.06.1977 г. «О некоторых вопросах, возникающих в практике назначения судами Российской Федерации наказания при совершении нескольких преступлений и по нескольким приговорам», по своему содержанию и качеству и сегодня может служить образцом толкования закона (не случайно, оно было признано утратившим силу только в 1999 г., а его положения нашли едва ли не текстуальное повторение в тексте действующего закона и судебного разъяснения).

Эти предписания закона о назначении наказания стимулировали науку к исследованию самого феномена совокупности. Юристы определяли понятие совокупности, разграничивали ее с иными проявлениями множественной преступной деятельности, выделяли виды совокупности, разрабатывали правила квалификации и т.д. Учение, основы которого были заложены в то время работами А.С. Никифорова, В.П. Малкова, А.М. Яковлева², других отечественных специалистов, и сегодня в состоянии качественно объяснять и интерпретировать исследуемый феномен; оно может оцениваться в качестве современного учения. В силу этого в рамках

---

¹ Здесь впервые был установлен различный порядок определения итогового наказания по совокупности преступлений и приговоров.

Согласно ст. 40 УК РСФСР, если лицо признано виновным в совершении двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями Особенной части Кодекса, ни за одно из которых оно не было осуждено, суд, назначив наказание отдельно за каждое преступление, окончательно определяет наказание по их совокупности путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем полного или частичного сложения назначенных наказаний в пределах, установленных статьей, предусматривающей более строгое наказание. К основному наказанию может быть присоединено любое из дополнительных наказаний, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК.

Согласно ст. 41 УК РСФСР, если осужденный после вынесения приговора, но до полного отбытия наказания совершит новое преступление, суд к наказанию, назначенному по новому приговору, полностью или частично присоединяет неотбытую часть наказания по предыдущему приговору. При этом общий срок итогового наказания не должен превышать максимального срока, установленного Кодексом для данного вида наказания, а при сложении наказаний в виде лишения свободы, по общему правилу, – десяти лет.

² Яковлев А.М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1960; Никифоров А.С. Совокупность преступлений. М., 1965; Малков В.П. Совокупность преступлений. Казань, 1974 и др.

историко-правового анализа представляется возможным ограничиться лишь общим упоминанием о наличии стойкого исследовательского интереса к проблемам совокупности, оставив детальный разбор концепций и взглядов для изучения актуальных проблем как совокупности, так и множественности преступлений по действующему праву.

В подобном виде нормы уголовного законодательства и учение о множественности преступлений предстают перед исследователем к концу XX столетия. К этому времени объем научной и иной информации о множественности стал, если допустимо так будет выразиться, критическим, что привело к качественной трансформации самого подхода к пониманию этой уголовно-правовой проблемы.

Важным итогом такой трансформации и развития уголовно-правового учения о множественности преступлений к концу XX столетия следует признать утверждение в доктрине и на практике мнения о том, что нормы о множественности составляют самостоятельный институт уголовного права, который, к тому же, «обслуживает» категорию преступления, а не наказания¹. Эта идея в полной мере была воплощена в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г., которые в Разделе II Преступление предусматривали три статьи (21–23) – повторность преступлений, совокупность преступлений, рецидив преступлений – и в Разделе V Назначение наказания – две статьи (44, 45), посвященные назначению наказания при совокупности преступлений и приговоров.

---

¹ См. об этом: Дурманов Н.Д. Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному законодательству // Социалистическая законность. 1937. № 8. С. 32; Яковлев А.М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 3; Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 619; Никифоров А.С. Совокупность преступлений. М., 1965. С. 3–4; Галиакбаров Р., Ефимов М., Фролов В. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права // Советская юстиция. 1967. № 2. С. 5–6; Дагель П.С. Множественность преступлений. Владивосток, 1969. С. 2; Блум М.И. Понятие и признаки совокупности преступлений // Вопросы уголовного права и процесса. Рига, 1969. С. 5–6; Юшков Ю.Н. Множественность преступных деяний (вопросы квалификации преступлений и назначения наказания). Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. С. 4; Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 137.

Таким образом, резюмируя исследование вопроса о множественности преступлений в советском законодательстве XX столетия, представляется возможным сделать следующие основные выводы:

- послереволюционный период развития уголовного законодательства во многом определялся влиянием идей социологической школы уголовного права, идеи которой (об опасности личности преступника как основании применения мер социальной защиты, о широком судебском усмотрении при назначении этих мер) объективно не способствовали разработке детализированных правил уголовно-правовой оценки множественной преступной деятельности;

- на всем протяжении развития советское уголовное право явно или неявно охватывало собой самые различные формы совокупности и повторения преступлений, используя для них разные термины, помещая их в конструкции Общей и Особенной части уголовного закона, что в некоторой степени свидетельствует об отсутствии четкой и внятной системы форм множественности в законодательстве; однако этот недостаток в известной мере компенсировался правилами назначения наказания (преимущественно основанными на принципе поглощения наказаний и факультативного усиления), ориентированными на преимущественный учет данных о личности виновного;

- примечательной особенностью советского права стало нормативное оформление классификации преступников по степени их опасности за счет фиксации признаков особо опасного рецидивиста, что с одной стороны, отражало здравые идеи лично ориентированного наказания, а с другой стороны, закрепляло представление об опасном состоянии личности как основе усиления ответственности и вносило внутренние противоречия в и без того противоречивую систему форм множественной преступной деятельности;

- важным итогом развития уголовно-правового учения о множественности преступлений стало признание ее самостоятельным

институтом уголовного права, тяготеющим к категории преступления, что одновременно и было связано, и повлекло за собой отказ от учета личностных особенностей преступника при определении форм множественности, вытеснение данных о личности в сферу общих критериев назначения наказания.

§2. Институт множественности преступлений в системе современного российского уголовного права

Предпосланное анализу актуальных проблем конструирования и систематизации уголовно-правовых норм о множественности преступлений исследование их эволюции практически на всем протяжении истории уголовного права России, позволяет констатировать в качестве исходных, базовых характеристик идейной платформы современного состояния теории и практики борьбы с множественностью следующие суждения:

- множественность преступлений в обычном правовом сознании оценивалась в качестве обстоятельства, которое негативно характеризует личность виновного, свидетельствуя о его повышенной опасности и привычке к преступлениям; в силу этого в первых памятниках отечественного права не отражался и не мог отразиться факт формализованной оценки множественности, основанный на количестве и «качестве» совершенных преступлений, все они были ориентированы по преимуществу на оценку личных свойств преступника;

- понимание множественности преступлений как объективного фактора непосредственно связано с трансформацией подходов к определению сущности самого преступления; утверждение взгляда на преступление как на нарушение нормы права и государственной воли способствовало становлению идеи общего объекта преступлений, которому причиняется множественный вред множеством преступлений; отсюда, согласно идее равного воздаяния наказанием за преступление, объем наказания и ответственности ставился в прямую зависимость от количества преступных

деяний, в то время как свойства личности виновного отходили на второй план;

- идея множественности преступлений как обстоятельства, характеризующего личность виновного, и идея множественности преступлений как объективного фактора, в предельно абстрактном виде восходящие к постулатам соответственно социологической и классической школ уголовного права, никогда не были представлены в отечественном законодательстве в «чистом» виде; последнее всегда балансировало между ними, циклически склоняясь то в одну, то в другую сторону;

- к настоящему времени баланс между отмеченными идеями в законодательстве сместился в сторону преимуществ, представляемых классической школой, поскольку опасность множественной преступной деятельности и обусловленные ею правила реализации уголовной ответственности определяются законом, по преимуществу, формальными критериями, характеризующими количество и вид совершаемых лицом преступлений, что закономерно привело к недооценке данных о личности виновного;

- ни одна из представленных идей о множественности, определенных в истории права, изолированно, сама по себе не в состоянии обеспечить сегодня целостной и непротиворечивой концепции правового регулирования ответственности за множественную преступную деятельность, в связи с чем в современных условиях требуется новый поиск оптимального соотношения между ними, который учитывал бы достоинства каждой из концепций, обеспечивая как начала законности и равенства, так и требования справедливости и лично ориентированного правосудия.

Изложенные характеристики во многом объясняют и повышенный интерес современных исследователей к проблемам множественности, и пристальное внимание законодателя к различным аспектам ее нормативной регламентации. Вместе с тем, внятной, четкой, разделяемой большинством или хотя бы согласованной концепции множественности в отечественном

праве все же не существует. И это отражается, прежде всего, на содержании и форме закрепления соответствующих нормативных предписаний в структуре действующего уголовного закона.

Развитие отечественного уголовного законодательства о множественности преступлений, как это было показано в предыдущем изложении, привело не только к появлению некоторого количества нормативных правовых предписаний в Общей и в Особенной частях уголовного закона, но и к необходимости их согласования между собой, к структурному обособлению в виде упорядоченной совокупности рядом расположенных статей закона, к решению вопроса о месте этих норм в системе кодекса. Иными словами, эволюция норм о множественности сопровождалась становлением и развитием таких характеристик, которые с полным основанием можно считать системными началами в их конструировании и законодательном закреплении.

Системный характер нормативных предписаний уголовного законодательства, обеспечивающий как их внутреннюю согласованность, так и непротиворечие иным правовым нормам и социальным регуляторам, выступает важным условием эффективности уголовно-правового регулирования. Требования системности уголовного закона многократно подчеркнуты едва ли не во всех научных сочинениях последнего времени, а сама системность возведена юристами в ранг одного из фундаментальных принципов развития уголовного права¹.

Особый интерес к системным началам отрасли не является случайным и обусловлен во многом той крайне противоречивой, не до конца продуманной, а порой и просто необоснованной практикой внесения многочисленных изменений и дополнений в УК РФ, которую можно наблюдать на протяжении последнего десятилетия. Такая практика медленно, но верно разрушает единство и согласованность уголовно-

---

¹ Рапог А.И. Принцип системности и развитие уголовного законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Сб. материалов третьей Международ. научн.-практ. конф. М., 2006.

правовых норм, превращает уголовное право в лоскутный набор предписаний, слабо справляющихся с решением задач отраслевого регулирования и предупреждения преступлений, что в конечном итоге снижает социальную ценность уголовного права как одного из средств защиты личности и поддержания порядка в обществе.

Своего рода «заслоном» на пути деградации системных начал отрасли должны стать твердые научные представления о внутреннем строении уголовного права, о характере и содержании взаимоотношений образующих его компонентов между собой и с иными отраслями права. Это отдельная, большая и общая проблема, к серьезному познанию которой отечественная наука только приступила¹. Ее полноценный анализ находится далеко за рамками заявленной нами темы исследования. Тем не менее апеллирование к ней представляется необходимым для решения ряда частных вопросов, связанных с регулированием ответственности за множественную преступную деятельность.

Сегодня можно считать устоявшимся тезис о том, что внутреннюю структуру любой отрасли права, в том числе и уголовного, составляет совокупность взаимосвязанных правовых институтов. Именно институт, будучи своего рода «средним уровнем» строения правовой отрасли, с одной стороны, интегрирует правовой материал, расположенный в отдельных нормативных предписаниях, а с другой стороны – дифференцирует все предписания на несколько укрупненных блоков. Такое одновременно расположение и роль правового института позволяет судить о нем как о главном элементе строения отрасли, в котором преломляются ее системные свойства и отношения.

И хотя вопрос о системе институтов отечественного уголовного права еще не получил глубокого и всестороннего исследования, можно считать согласованным и не вызывающим принципиальных возражений суждение о

---

¹ См., например: Бойко А.И. Системная среда уголовного права. Автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008; Жук М.С. Институты Российского уголовного права: история развития и современное понимание. Краснодар, 2010.

том, что в номенклатуре этих институтов самостоятельное место занимает множественность преступлений.

Такое понимание множественности было подготовлено всем предшествующим периодом развития отечественного уголовного законодательства и науки. Но, пожалуй, впервые множественность преступлений была интерпретирована в качестве института уголовного права в небольшой публикации Р. Галиакбарова, М. Ефимова и В. Фролова¹. С тех пор практически в каждой работе термин «институт» сознательно или неосознанно используется авторами для характеристики исследуемых нами уголовно-правовых норм. М.Н. Становский даже указал, что множественность преступлений является «общепризнанным институтом уголовного права»². А согласно проведенному нами опросу специалистов в области уголовного права, 96% респондентов признали справедливым суждение «множественность преступлений – есть самостоятельный институт уголовного права».

Между тем, вопрос о множественности преступлений именно как об институте уголовного права нельзя считать в полной мере решенным. Само понятие уголовно-правового института и его значимость исследованы теорией крайне слабо, в связи с чем и практические выводы от признания множественности институтом права ограничиваются, как правило, обособлением материала о множественности в структуре учебных пособий в отдельный параграф и предложениями о закреплении множественности в качестве самостоятельной главы Уголовного кодекса. Это, возможно значимый, но далеко не единственный и, по меньшей мере, не главный эффект институционализации норм о множественности. Институциональная природа исследуемого феномена определяется и одновременно определяет внутренние и внешние системные связи образующих данный институт норм.

---

¹ Галиакбаров Р., Ефимов М., Фролов В. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права // Советская юстиция. 1967. № 2. С. 5–6.

² Становский М.Н. Проблемы множественности преступлений // Вестник Новгородского государственного университета. 2000. № 16.

И уже один этот факт ориентирует, прежде всего, на совершенствование содержания нормативных предписаний о множественности, обеспечение их соответствия криминологическим реалиям и задачам уголовного закона, достижение согласованности и беспробельности в правовом регулировании. Эти задачи наукой в полной мере не решены. К тому же до сегодняшнего дня не имеют однозначного ответа вопросы о критериях обособления института множественности в системе права, его структуре, видовой принадлежности и др. Все сказанное обуславливает необходимость дополнительного изучения норм о множественности с позиций учения о системном строении отрасли уголовного права.

Приступая к теоретическому анализу, отметим, что в литературе встречаются попытки придать множественности значение едва ли не универсальной категории уголовного права. В частности, Р.Р. Галиакбаров пишет: «В теоретическом плане множественность в уголовном праве предстает в виде сквозного явления, проходящего через все учение о преступлении». И далее: «Если в целом множественность в уголовном праве можно определить как стечение нескольких уголовно-правовых явлений, в результате которого (именно стечения) возникают типизированные уголовно-правовые последствия, то варианты множественности и возникающие в зависимости от них строго определенные уголовно-правовые последствия могут, в свою очередь, поддаваться определенной классификации на формы, а каждая из форм – на виды. Действующее уголовное законодательство, как нам представляется, позволяет выделить две формы множественности: множественность преступлений и множественность участников одного преступления»¹.

Не оспаривая того очевидного обстоятельства, что в основе целого ряда уголовно-правовых предписаний лежит идея множества чего-либо², сложно

---

¹ Галиакбаров Р.Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск, 1987. С. 11–12.

² Р.Р. Галиакбаров ограничился множеством преступлений и множеством участников преступлений, хотя можно продолжить логический ряд за счет иных уголовно-правовых

согласиться с предложенной ученым широкой трактовкой множественности. Полагаем, что в силу исторически сложившихся обстоятельств и научной традиции целесообразно сохранить термин «множественность» исключительно для анализа ситуаций совершения одним лицом нескольких преступлений. Тем более что признаки множественности в других уголовно-правовых явлениях существенно разнятся от признаков множественности преступлений, а все возможные проявления множественности уголовно-правовых феноменов не создают некоего общего, интегративного явления или предмета, являются совершенно самостоятельными. В итоге значимость для развития науки и практический эффект предложенного Р.Р. Галиакбаровым понимания множественности представляются сомнительными. Таким образом, теоретические рассуждения о множественности в уголовном праве целесообразно ограничить анализом только множественной преступной деятельности.

Множественность преступлений, как уже было отмечено, признается одним из институтов уголовного права. В науке не существует универсального понятия института. Так, Э.С. Тенчов понимает под уголовно-правовым институтом объективно складывающуюся внутри отрасли совокупность юридических норм, регламентирующих ответственность за посягательства против группы однородных общественных отношений (институты Особенной части) либо определяющих принципы, функциональное назначение, основания или отдельные стороны возложения на граждан позитивной или ретроспективной ответственности (институты Общей части)¹. В трактовке В.П. Коняхина уголовно-правовой институт—это закрепленный в рамках отдельной статьи, группы статей, главы или раздела

феноменов: а) множества потерпевших, которая не всегда совпадает с множеством преступлений; б) множества наказаний, когда суд определяет основное и дополнительное из них; в) множества форм реализации ответственности, когда наряду с наказанием применяются иные меры уголовно-правового характера; г) множества сроков давности привлечения к уголовной ответственности и т.д.

¹ Тенчов Э.С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь // Советское государство и право. 1986. № 8. С. 61.

уголовного закона структурный элемент уголовного права, представляющий собой совокупность нормативных предписаний, предназначенных для регулирования обособленной группы отношений¹. Ю.Е. Пудовочкин пишет, что «институт уголовного права складывается из упорядоченной совокупности уголовно-правовых норм, рассредоточенных в положениях Общей и Особенной частей УК РФ и иных источниках уголовного права, которые способны регулировать определенную разновидность, определенный участок уголовно-правовых отношений, либо выполнять определенную функцию в уголовно-правовом регулировании»². Т.В. Кленова определяет институт уголовного права как «сложное образование, объединяющее выраженные в УК РФ уголовно-правовые нормы и (или) предписания определенного вида, воздействующие на относительно самостоятельную часть общественных отношений, отнесенных к предмету уголовно-правового регулирования, которые нацелены на решение определенной отраслевой задачи»³.

Расхождения в дефинициях весьма значимы. И хотя теоретический анализ понятия и признаков института уголовного права не является нашей непосредственной задачей, для продолжения исследования необходимо определиться с некоторыми базовыми положениями теории уголовно-правовых институтов.

Прежде всего обратим внимание на проблему существования и раздельного анализа институтов Общей и Особенной частей уголовного права, в нашем исследовании значимую для определения исходного материала в конструировании института множественности. Так, если Т.В. Кленова, Ю.Е. Пудовочкин утверждают о невозможности самостоятельного существования институтов Общей и Особенной части уголовного права, то

---

¹ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части Российского уголовного права. СПб., 2002. С. 168.

² Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 1. Понятие уголовного права / Под ред. В.Б. Малинина. 2-е изд. СПб., 2008. С. 216.

³ Кленова Т.В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права. М., 2007. С. 187.

Э.С. Тенчов и В.П. Коняхин, напротив, предельно четко дифференцируют такие институты. На наш взгляд, при всей диаметральной противоположности изложенных подходов, они все же не противоречат друг другу. Причина видимых расхождений кроется в том, что авторы в одних случаях берут за точку отсчета в создании института полную (логическую) норму уголовного права, которая, действительно, внешне выражается лишь в единой совокупности статей Общей и Особенной части закона (что не позволяет обособить институт соответственно частям закона); а в других случаях за основу конструирования института берется нормативное предписание, в основном совпадающее с отдельной статьей УК РФ или ее частью (в связи с чем и институты легко распределяются на группы в соответствии с частями закона).

Выяснять достоинства или недостатки каждого из этих подходов в рамках настоящего исследования не имеет особого смысла; каждый из них в равной мере обоснован и имеет право на существование, способствуя решению специфических теоретико-прикладных задач. Целям же нашего анализа в большей степени адекватна концепция, основанная на использовании категории «нормативно-правовое предписание». Она позволяет обособить нормативные суждения о множественности преступлений от общего нормативного массива и в известной мере отвлечься от малозначимых в контексте темы работы положений Особенной части о специфике отдельных видов преступлений. В связи с этим дальнейшие рассуждения будут вестись исключительно об институте нормативных предписаний о множественности преступлений как о структурной единице Общей части уголовного права.

Сказанное позволяет оспорить высказанное в литературе мнение о том, что институт множественности преступлений образуют нормы, установленные в статьях 17–18, 63, 68, 69 УК РФ, а также практически во всех статьях Особенной части кодекса. «Именно совокупность данных

статей, – указывает Р.А. Санинский, – дает основание возможным считать существование института множественности в отрасли уголовного права»¹.

С одной стороны, действительно, равно как нет преступления «вообще» (оно всегда конкретно), так и нет множественности «вообще», она всегда представлена конкретными преступлениями, сочетающимися тем или иным конкретным способом. И в этом отношении институт множественности преступлений, на первый взгляд, должен включать в себя предписания обо всех видах преступлений, предусмотренных в УК РФ. Но этот путь конструирования исследуемого института представляется бесперспективным с позиций потребности практики и не оправданным с точки зрения теории права.

В тех предписаниях (нормах, статьях) Особенной части, которые Р.А. Санинский предлагает включить в институт множественности, нет положений, которые были бы непосредственно связаны с преступным множеством; они регулируют отношения, связанные с совершением того или иного, но всегда одного, отдельного, единичного преступления. А потому включение этих предписаний в институт множественности неоправданно.

Но, даже ограничив предметный поиск нормативных предписаний о множественности рамками Общей части уголовного права, мы еще не решаем вопроса о его содержательном наполнении.

В учебной² и специальной литературе представлена позиция, согласно которой институт множественности преступлений образуют предписания, восходящие к статьям 17, 18, 68, 69 УК РФ. К примеру, Т.Г. Черненко указывает: «Институт множественности преступлений включает в себя две группы разнофункциональных норм. Первая группа состоит из норм, входящих в раздел второй Уголовного кодекса – «Преступление» – и

---

¹ Санинский Р.А. Теоретико-законодательные и правоприменительные аспекты множественности преступлений. Диссертация ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 34.

² См., например: Курс российского уголовного права. Общая часть. Учебное пособие / под ред. Н.Г. Иванова, С.И. Никулина, Б.В. Яценко. М., 2010. С. 356 (автор главы – С.И. Никулин);

характеризующих неоднократность, совокупность преступлений и рецидив как разновидности множественности преступлений (ст.ст. 16, 17, 18 УК РФ). Функциональное назначение этих норм – разграничить различные проявления множественности преступлений, создать законодательную базу для правильной квалификации множественности преступлений. Вторая группа включает нормы, входящие в раздел третий Уголовного кодекса – «Наказание», в главу десятую – «Назначение наказания». Это нормы, предусматривающие правила назначения наказания при рецидиве преступлений (ст. 68 УК РФ), правила назначения наказания по совокупности преступлений (ст.69 УК РФ), по совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ), порядок определения сроков наказания при сложении наказаний (ст. 71 УК РФ). Функциональное предназначение данных норм – определить правила назначения наказания при различных видах множественности преступлений, обеспечивающие соблюдение принципов неотвратимости ответственности и справедливости»¹. Почти текстуально воспроизводит ее позицию А.И. Сорокин: «В Российской Федерации институт множественности преступлений состоит из двух групп правовых норм. Первая группа - ст.ст. 17, 18 УК РФ. Назначение этих норм разграничить формы множественности преступлений, а также создать законодательную базу для правильной квалификации множественности преступлений. Вторая группа – ст.ст. 68, 69, 70 УК РФ. Назначение данных норм – справедливое наказание лиц, в чьих деяниях имеется множественность преступлений»².

Наряду с приведенной, наиболее распространенной концепцией (при проведении исследования она была поддержана 68% опрошенных специалистов в области уголовного права), существуют и иные подходы, допускающие расширительную или, напротив, ограничительную трактовку содержания исследуемого института.

---

¹ Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. Диссертация ... д-ра юрид. наук. Кемерово, 2001. С. 8–9.

² Сорокин А.И. Множественность преступлений и ее уголовно-правовая оценка. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7–8.

Так, широкую трактовку института множественности в период действия УК РСФСР 1960 г. предлагал В.П. Малков. Он указывал, что нормы, направленные на борьбу со случаями множественности преступлений, содержатся в ряде институтов Общей и Особенной частей уголовного права. Из положений Общей части в институт множественности В.П. Малковым включались предписания, представленные в составе институтов лишения свободы, смягчающих и отягчающих обстоятельств, назначения наказания, условного осуждения, отсрочки исполнения приговора, давности привлечения к уголовной ответственности и исполнения приговора, условно-досрочного освобождения от наказания и замены наказания более мягким и др.¹ Равным образом К.А. Панько отмечал, что «множественность преступлений как институт советского уголовного права,— это относительно самостоятельная и устойчивая, объективно сложившаяся группа (система) правовых норм, регламентирующих основания уголовной ответственности и порядок отбывания, освобождения от наказания при совершении субъектом нескольких преступлений»².

Сегодня уголовный закон не содержит многих предписаний, известных прежнему УК РСФСР и направленных на усиление ответственности лиц, виновных в совершении множества преступлений. Тем не менее, правовые последствия множественности в нем не ограничиваются правилами назначения наказания по совокупности преступлений, приговоров и рецидиве. Важные и непосредственно связанные с множественностью предписания предусмотрены также в ч. 5 ст. 35, ст. 58, ч. 2 ст. 60, ч. 1 ст. 63, ч. 3 ст. 65, ч. 4, 5, 6 ст. 74, ст. 75, ст. 76, ч. 2 ст. 78, ч. 5, 7 ст. 79, ч. 5 ст. 82, ч. 6.2 ст. 88 УК РФ. Вероятно, этот факт дает основание и современным авторам предлагать широкое понимание множественности. Н.И. Мацнев, хотя и не указывает прямо на составляющие институт множественности

---

¹ Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 133–134.

² Панько К.А. Вопросы общей теории рецидива в советском уголовном праве. Воронеж, 1988. С. 14.

нормы, тем не менее, пишет, что его образуют нормы Общей части, содержащие ответы на вопросы, связанные с отграничением сложного единичного преступления от множественности преступлений, квалификацией содеянного и применением специальных правил назначения наказания, иными правовыми последствиями осуждения за множественность¹. Такое понимание института множественности было поддержано нашим исследованием 12% опрошенных респондентов.

Иной подход демонстрируют авторы, склонные ограничить предметное наполнение института множественности преступлений лишь теми нормативными предписаниями, которые расположены в Главе 3 УК РФ и посвящены категории преступления. Так, А.А. Энгельгардт указывает, что нормативную основу множественности преступлений образует группа норм (ст. 17, 18 УК РФ), являющаяся структурным компонентом главы, содержащей понятие преступления². В.П. Коняхин также полагает, что статьи 16, 17, 18 УК РФ в своей совокупности составляют видовой институт множественности преступлений, который в свою очередь, является частью родового института деяния, восходящего к типовому институту преступления³. М.С. Жук относит институт множественности преступлений к группе институтов, раскрывающих категорию преступления в уголовном праве, предельно ясно отграничивая предписания статей 17 и 18 УК РФ от положений, связанных с назначением наказания и определением иных уголовно-правовых последствий множественной преступной деятельности⁴. Ограничительную трактовку исследуемого института поддержали 20% специалистов в области уголовного права.

---

¹ Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 618.

² Уголовное право. Учебник. В 3 т. Т. 1. Общая часть / под общ. ред. А.Э. Жалинского. М., 2011. С. 545.

³ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002 (таблица 9 Приложений).

⁴ Жук М.С. Система институтов Общей части уголовного права, раскрывающих категорию преступления и уголовной ответственности // Российский криминологический взгляд. 2011. № 1. С. 423–424.

Наличие несовпадающих позиций объясняется различием подходов в понимании самого института уголовного права и критериев, на основании которых можно позиционировать ту или иную группу правовых предписаний в качестве института.

Согласно распространенной в теории права позиции, такими критериями выступают, прежде всего, специфический предмет регулирования (применительно к институту множественности преступлений в отечественной науке им однозначно признаются нуждающиеся в специальном правовом урегулировании общественные отношения, связанные с совершением виновным более чем одного преступления¹), а также способность некоторой совокупности предписаний обеспечить цельное, беспробельное правовое регулирование этой группы отношений.

Отсюда, акцентирование внимания специалистов на проблеме предмета регулирования, приводит к ограничительной трактовке института множественности и включению в него только положений статей 17 и 18 УК РФ; акцентирование внимания на цельности и беспробельности регулирования этих отношений, как представляется, приводит к расширению границ института за счет иных правовых предписаний.

Соответствующая расстановка акцентов, на наш взгляд, напрямую связана с определением видовой (классификационной) характеристики исследуемого института. Специалисты, как правило, прямо не указывают на институт множественности как на предметный или функциональный. Но если исходить из той общей посылки, что предметный институт—это группа норм, обособившаяся в соответствии с общностью предмета правового регулирования; а функциональный институт – это группа норм, призванная дать «сквозное» регулирование отдельной операции в правовом

---

¹ См.: Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 135–136; Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. Диссертация ... д-ра юрид. наук. Кемерово, 2001. С. 9; Санинский Р.А. Теоретико-законодательные и правоприменительные аспекты множественности преступлений. Диссертация ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 34.

регулировании¹, то несложно установить связь между структурой института множественности и его видовой принадлежностью: если трактовать множественность как институт предметный, то в его содержание войдут только предписания статей 17 и 18 УК РФ, если же усматривать в множественности функциональный институт, то и содержание его будет шире за счет предписаний, определяющих правила назначения наказания.

Несовпадение научных позиций относительно содержательного наполнения института множественности может быть объяснено еще одним обстоятельством. Изложенные подходы прямо ассоциируются с классификацией отраслевых правовых институтов на однородные и комплексные. Если однородный институт обеспечивает регулирование определенного участка той или иной разновидности общественных отношений, составляющих предмет уголовного права, то комплексный отраслевой институт подходит к регулированию данной разновидности отношений с нескольких сторон и включает в себя нормы, относящиеся к нескольким однородным уголовно-правовым институтам. Комплексный институт, как справедливо указывает С.В. Поленина, представляет собой как бы вторичную перегруппировку норм данной отрасли права, охватываемых разными отраслевыми институтами². В этой связи справедливо будет признать, что однородными или моноинститутами являются институт множественности, образуемый предписаниями статей 17 и 18 УК РФ, с одной стороны, и институт назначения наказания при множественности преступлений, образуемый положениями статей 68 и 69 УК РФ³, – с другой; а комплексным институтом множественности вполне разумно считать всю совокупность обозначенных правовых предписаний.

---

¹ Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 141–142.

² Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Известия вузов. Правоведение. 1975. № 3. С. 74.

³ Институциональная природа этих норм уже была предметом самостоятельного анализа, см.: Борисенко Е.А. Назначение наказания при множественности преступлений (ст. 68, 69 УК РФ). Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 14.

Таким образом, можно констатировать, что каждый из представленных в современной науке подходов к конструированию правового института множественности преступлений не только имеет право на существование, но и в достаточной степени обоснован положениями общей теории права.

Эти же подходы обуславливают и предлагаемые специалистами варианты толкования еще одного обязательного признака института множественности – его внешнего оформления в структуре уголовного закона.

В частности, В.П. Малков видел наиболее предпочтительным путь законодательного обособления всех норм рассматриваемого института в виде самостоятельной главы в кодексе. Он предлагал поместить ее вслед за разделом о назначении и освобождении от наказания с тем, чтобы вначале в законе получили всестороннюю регламентацию вопросы борьбы с отдельным (единичным) преступлением, а затем – с множественностью преступлений как более опасной формой преступности. При этом в систему предписаний исследуемого института В.П. Малков включал как положения о квалификации множественности преступлений, ее отграничении от единичного преступления, так и нормы о назначении наказания¹. Очевидно, что в данном случае перед нами вариант нормативного оформления комплексного функционального института множественности преступлений.

Иной вариант был предложен Т.Г. Черненко. Автор отмечает, что положения статей 17, 18 УК РФ с одной стороны, и статей 68, 69 УК РФ, с другой, – образуют две относительно самостоятельные группы норм, которые имеют разное функциональное назначение (несмотря на единый предмет правового регулирования). Отсюда она видит целесообразным закрепление их не в рамках какого-либо одного общего раздела Уголовного кодекса, а в рамках тех разделов, к которым относятся указанные группы норм. Ею предлагается во втором разделе УК РФ предусмотреть отдельную главу «Множественность преступлений», а в разделе третьем – главу

---

¹ Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 138.

«Назначение наказания при множественности преступлений»¹. В этом варианте, как представляется, изложена схема нормативного оформления двух однородных, предметных институтов – множественности преступлений и назначения наказания при ее наличии.

Выяснять, какой из представленных подходов является более убедительным, на наш взгляд, излишне и бесперспективно. Изложенные подходы к пониманию и нормативному оформлению института множественности преступлений не противоречат друг другу, но раскрывают различные грани и различные стороны взаимосвязи исследуемых нормативных предписаний с иными предписаниями уголовного права. Каждый из них выполняет собственную познавательную функцию.

И все же, если исходить из того, что моноинститут имеет более тесную связь с предметом регулирования, а комплексный институт, как это уже отмечалось, представляет собой результат «вторичной перегруппировки норм», то с большей долей уверенности можно утверждать, что:

- для целей выявления системных взаимосвязей предписаний о множественности преступлений с иными предписаниями уголовного права, для познания строения системы отрасли уголовного права и для конструирования уголовного законодательства предпочтительным является «узкое» понимание института множественности преступлений;

- для целей познания внутриинституциональных связей между отдельными законодательными предписаниями о множественности и для решения учебно-методических задач в большей степени адекватна «широкая» трактовка исследуемого института.

Таким образом, элементами системы уголовного права как отрасли права в первом приближении необходимо признать два института: собственно множественности преступлений и назначения наказания при множественности преступлений. Элементом предмета науки уголовного

---

¹ Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. Диссертация ... д-ра юрид. наук. Кемерово, 2001. С. 8–9.

права целесообразней признать взаимосвязанную совокупность этих двух институтов. Это обстоятельство мы будем учитывать при последующем изложении темы.

Однако прежде чем обсудить проблему содержательного (нормативного) наполнения каждого из институтов, необходимо уточнить важный вопрос—одновременно и терминологический, и сущностный. Дело в том, что в большей части исследованных нами научных сочинений множественность преступлений (вне зависимости от того, как определяются границы этого института) и назначение наказания при множественности именуется «институтом» уголовного права. В то же время в некоторых исследованиях утверждается, что множественность есть субинститут уголовного права, входящий в более широкий институт преступления¹. При этом автор данного тезиса включает в субинститут множественности лишь предписания статей 17 и 18 УК РФ, в то время как правила назначения наказания при множественности преступлений, наряду с иными специальными правилами назначения наказания, определяются им в качестве субинститута индивидуализации наказания, входящего в институт назначения наказания.

Эти позиции нуждаются в анализе и уточнении. Представляется, что они отражают два различных подхода к определению, прежде всего, самой системы отрасли уголовного права. В первом случае условно можно вести речь о так называемом «линейном» строении отрасли, во втором — о «многоуровневом». Не углубляясь в проблемы внутренней конструкции уголовного права, обратим внимание лишь на тот очевидный, на наш взгляд, факт, что если множественность преступлений и назначение наказания при множественности преступлений — корреспондирующие друг другу, а следовательно и одноуровневые предписания, то и их институциональный статус в структуре отрасли должен быть идентичным. Иными словами, если

---

¹ См., например: Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 1. Понятие уголовного права / Под ред. В.Б. Малинина. 2-е изд. СПб., 2008. С. 220 (автор главы — Ю.Е. Пудовочкин).

множественность (в смысле положений статей 17 и 18 УК РФ) есть субинститут уголовного права, то и назначение наказания при множественности должно получать статус отдельного субинститута в рамках института назначения наказания и не «растворяться» в субинституте индивидуализации уголовного наказания.

В итоге, можно установить, что в решении исследуемого вопроса есть два варианта: либо признать множественность и назначение наказания при множественности самостоятельными институтами уголовного права, либо определить за ними статус субинститутов, органично входящих в более широкие образования отрасли уголовного права – институт преступления и институт назначения наказания.

Выбор оптимального из них требует, прежде всего, установления различий между институтом и субинститутом. С.С. Алексеев указывает, что субинституты – это «органические образования относительно самостоятельного характера, формирующиеся внутри институтов» и отражающие усложнение их структуры¹. В отличие от института, субинститут регулирует не определенный вид (группу), а лишь строго определенную разновидность отношений внутри предмета регулирования института; к тому же субинститут включает лишь специфические предписания, подчиненные общим конструкциям, закрепленным в нормах, распространяющихся на все отношения, регулируемые институтом.

Если с этих позиций оценить нормативные предписания о множественности преступлений и назначении наказания при множественности, то можно констатировать следующие факты:

- Предписания о назначении наказания при множественности преступлений регулируют специфическую разновидность отношений внутри общего процесса регламентации назначения наказания, а сама деятельность по определению наказания при наличии множественности подчиняется не только им, но и целому ряду значимых предписаний общего характера,

---

¹ Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С.151.

зафиксированных в главе 10 УК РФ, и распространяющих свою силу на процессы назначения наказания при наличии иных юридических фактов (соучастия, неоконченного преступления). Эти общие предписания составляют, по выражению С.С. Алексеева, тот «нераспределимый по субинститутам нерастворимый остаток», который как бы «цементирует» разнородные предписания, закрепленные в одной структурной единице текста уголовного закона. В силу сказанного, назначение наказания при наличии множественности преступлений с полным основанием можно отнести к субинституту института назначения уголовного наказания.

- Предписания о понятии и видах множественности преступлений регулируют самостоятельный вид отношений, связанных с совершением лицом нескольких преступных деяний. Они не имеют (по крайней мере, в настоящее время) связи с какими-либо общими предписаниями, которые были бы зафиксированы в Главе 3 УК РФ. Более того, предписания этой главы безболезненно могут быть разведены в две группы – о понятии и категоризации преступлений, с одной стороны, и о множественности – с другой. В этом отношении понятие и виды множественности гораздо ближе по своей природе к институту уголовного права, нежели к субинституту. От полноценного института их отличает только тот факт, что они не обособлены на уровне самостоятельной главы закона. До такого обособления правовые начала института не получают обобщенного нормативного выражения и поэтому, как отмечает С.С. Алексеев, он выступает лишь в качестве субинститута¹.

Таким образом, строго и формально говоря, множественность преступлений и назначение наказания при множественности в современных реалиях выступают только в качестве субинститутов соответственно института преступления и института назначения наказания². Однако,

---

¹ Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С.131.

² Анализ зарубежного законодательства показывает, что такой подход встречается в современной практике конструирования отрасли. В УК Республики Казахстан нормы о множественности преступлений не обособлены в Разделе «Преступление», также как и

учитывая не только констатирующе-познавательную, но и прогностическую функцию науки, мы можем присоединиться к многочисленным и давно озвученным предложениям о выделении предписаний о понятии и видах множественности преступлений в самостоятельную главу уголовного закона (к примеру, Глава 3.1 УК РФ). В процессе проведения настоящего исследования такое предложение было поддержано 78% опрошенных специалистов в области уголовного права. Соответствующее законодательное решение окончательно институционализировало бы исследуемые правовые предписания, закрепив за множественностью статус полноценного уголовно-правового института.

И тогда, оптимальной моделью структурного оформления уголовно-правовых предписаний, определяющих правовые последствия совершения лицом двух и более преступлений, могла бы стать модель, включающая: а) институт понятия и видов множественности преступлений; б) субинститут назначения наказания при множественности преступлений¹. Такая модель, на первый взгляд, выглядит неравновесной. Вместе с тем, именно она использована законодателем при конструировании и систематизации норм об ответственности за неоконченную преступную деятельность, за соучастие в преступлении. В целом она не вызывает серьезных нареканий со стороны научной общественности и апробирована в некоторых зарубежных странах².

нормы о назначении наказания при множестве преступлений в Разделе «Назначение наказания». Аналогичным образом решает вопрос УК Латвии. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Общая и Особенная части / под общ. ред. И.С. Борчашвили. 2-е изд. Алматы, 2007; Уголовный кодекс Латвийской Республики / науч. ред. и вступит. ст. А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой. СПб., 2001.

¹ Досаева Г.С. Структура института множественности преступлений: состояние и перспективы // Библиотека уголовного права и криминологии.–2016. № 4. С. 54–63.

² В частности, в Грузии, Узбекистане, Беларуси, Украине (см.: Уголовный кодекс Грузии / Науч. ред. З.К. Бигвава; вступит. ст. В.И. Михайлова. СПб., 2002; Уголовный кодекс Республики Узбекистан / вступит. ст.: М.Х. Рустамбаева, А.С. Якубова, З.Х. Гулямова. СПб., 2001; Уголовный кодекс Республики Беларусь / отв. ред.: Р.М. Асланов, А.И. Бойцов, Н.И. Мацнев. СПб., 2001; Уголовный кодекс Украины / науч. ред. и предисл. В.Я. Тация, ВВ. Сташиса. СПб., 2001).

Отметим, что особое внимание к уголовному законодательству СНГ в рамках настоящей главы обусловлено, прежде всего, общностью правовых традиций соответствующих государств в части регламентации ответственности за множественную преступную

Она же содержит в себе определенный потенциал роста для предписаний относительно назначения наказания при множественности, оставляя им возможность эволюционировать в сторону полноценного правового института¹.

В итоге можно резюмировать, что к сегодняшнему дню в качестве элемента структуры отрасли выступают: предметный моноинститут понятия и видов множественности преступлений и обусловленный им субинститут назначения наказания при наличии множественности преступлений в рамках института назначения наказания. В качестве структурной единицы предмета науки уголовного права допустимо признать наличие в уголовном праве функционального комплексного института множественности преступлений, представляющего собой результат «вторичной перегруппировки» исследуемых правовых предписаний.

Определившись с местом института множественности в структуре современного уголовного права, обратим внимание на вопрос о структуре самого этого института, который до сегодняшнего дня так и не стал в науке предметом отдельного анализа. Исследователи лишь косвенно касались его, обсуждая проблемы форм множественности и выясняя место предписаний о назначении наказания при совершении нескольких преступлений в системе права. Между тем, обоснованное решение этого вопроса имеет не только большое познавательное, но и важное прикладное значение. Глубокий анализ внутреннего строения института множественности позволяет выявить пробелы и упущения в его конструировании, оценить степень полноты и беспробельности правовой регламентации соответствующей группы

деятельность, а также принципиально единым подходом теории к вопросам конструирования права, отраслей права и его институтов. Именно по этой причине обращение к законодательству стран так называемого «дальнего зарубежья», теория которых представляет совершенно иную концепцию систему права, представляется здесь нецелесообразным.

¹ Не обсуждая вопроса о качестве предписаний и отраслевом строении уголовного права, отметим, что среди изученных нами зарубежных уголовных законов, только в УК Республики Сан-Марино сконструированы две самостоятельные главы—«Совокупность преступлений» и «Совокупность наказаний». См.: Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / науч. ред., вступит ст. С.В. Максимова. СПб., 2002.

отношений, и на этой основе формулировать предложения по созданию полной, оптимальной теоретической модели исследуемого уголовно-правового института.

Одной из причин сложившейся ситуации выступает, на наш взгляд, то немаловажное обстоятельство, что и в общей теории права структура правового института также остается не в полной мере познанным объектом. Специалисты традиционно ограничиваются рассуждениями о том, что институт права состоит из правовых норм¹. В некоторых случаях они развивают этот общий тезис, стремясь дать видовую характеристику норм, составляющих правовой институт². Подобного рода утверждения, при всей их несомненной значимости для понимания единства исходного материала конструирования и отрасли права в целом, и ее отдельных институтов, тем не менее, нельзя признать достаточными. Они служат лишь отправной точкой в познании внутреннего строения уголовно-правового института, поскольку указывают далеко не на все элементы его структуры и игнорируют то обстоятельство, что, будучи системным образованием, институт права с необходимостью предполагает наличие целого ряда взаимосвязей между образующими его компонентами.

В более совершенном виде структура уголовно-правового института представлена в одном из немногочисленных монографических исследований, специально посвященных этой проблеме. Его автор, М.С. Жук, отталкиваясь от преимуществ структурно-функционального понимания права, предлагает включать в структуру уголовно-правового института принципы (идеи),

---

¹ Д.Е. Петров даже пишет, что «в структуре правового института неразличимы иные правовые образования, кроме юридических норм». См.: Петров Д.Е. Отрасль права. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 14.

² В частности, В.И. Гойман указывает, что институт права включает такой набор норм (дефинитивных, управомочивающих, запрещающих и др.), который призван обеспечивать беспробельность регулируемых им отношений. См.: Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 200.

нормативные предписания и реальные отношения¹. Такой подход не вызывает возражений и может быть взят за основу последующего анализа.

Вместе с тем, отметим, что отношения, включаемые в структуру правового института, есть по природе своей правоотношения. Они производны от той модели, которая заложена в нормах права, носят вторичный, производный характер. А потому, представляется, что в целях познания содержательной стороны структуры уголовно-правового института на данном этапе исследования ими можно в известной степени пренебречь. В связи с этим последующее изложение будет ограничено анализом лишь двух компонентов структуры института множественности преступлений: принципов и нормативных предписаний.

Принципы отдельных уголовно-правовых институтов, несмотря на то, что возможность их выявления и познания давно признана наукой², все еще можно отнести к относительно новым и потому малоисследованным научным феноменам. Определяя их суть, В.В. Мальцев указывает: «Уголовное законодательство как реальное, затрагивающее важнейшие пласты социальной жизни правовое явление, вступая в качестве системы по отношению к своим структурированным частям (подсистемам), обуславливает и наличие более конкретных, лежащих в основе этих структурных частей принципов. Последние, однако, безусловно находятся в плоскости уголовного законодательства, определяются ими, являясь в тоже время их конкретизацией, реализацией и развитием применительно к отдельным частям уголовного законодательства»³. Ему вторит М.С. Жук: «Принципы институтов уголовного законодательства – менее емкое по объему образование, нежели принципы уголовного права и находятся с ними

---

¹ Жук М.С. Институты Российского уголовного права: история развития и современное понимание. Краснодар, 2010. С. 97.

² Так, более тридцати лет назад М.И. Бажанов писал, что «вполне правомерно говорить не только о принципах уголовного права в целом..., но и о принципах отдельных институтов уголовного права». См.: Бажанов М.И. Назначение наказания по советскому уголовному праву. Киев, 1980. С. 10.

³ Мальцев В.В. Принципы уголовного права. Волгоград, 2001. С. 247.

в отношении подчинения. Они оказывают более детальное и конкретное воздействие на относительно самостоятельную совокупность общественных отношений, составляющую предмет регулирования со стороны правового института, и представляют собой основные идеи и требования, которые лежат в основе его создания и применения»¹.

Принципы института множественности преступлений не получили непосредственного отражения в уголовном законодательстве (в первую очередь, очевидно, по причине того, что сам институт находится все еще в стадии становления). Более того, нормативное закрепление принципов отдельных правовых институтов является, скорее, исключением, чем правилом. С.С. Алексеев в этой связи отмечает, что лишь в достаточно развитой области права, отличающейся высоким уровнем кодификации и нормативных обобщений, правовые институты «возглавляются» нормами-принципами, сформулированными прямо в тексте нормативных актов². Так как в тексте УК РФ принципы отдельных институтов уголовного права чаще всего не находят самостоятельного закрепления, их вычленение, формулировка и уяснение предполагают обязательное обращение к господствующей форме правосознания и постулатам уголовно-правовой доктрины.

Внимательный анализ отечественных литературных источников, посвященных множественности преступлений как институту уголовного права, показывает, что вопрос о принципах данного института в них поднимается далеко не всегда.

Так, отдельные рассуждения на эту тему можно встретить в публикации Э.Г. Шкредовой. Автор пишет: «По нашему мнению исследуемый институт должен базироваться на принципах неотвратимости уголовной ответственности и справедливости, согласно которым виновный должен отвечать за каждое из совершенных преступлений, и дважды за одно

---

¹ Жук М.С. Институты Российского уголовного права: история развития и современное понимание. Краснодар, 2010. С. 99.

² Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 126.

содеянное не нести ответственности. Следующим не менее важным положением, является то, что повышенная наказуемость за множественность преступлений должна обуславливаться увеличением общественной опасности содеянного в первую очередь и общественной опасностью лица, совершившего преступление – во вторую. И, наконец, при функционировании института множественности преступлений должен быть соблюден баланс между двумя процессами – дифференциацией и унификацией, в частности это касается терминологии, отражающей виды множественности преступлений, а также необходимо установление дефинитивных норм в Общей части уголовного закона»¹.

Признавая ценность любой попытки осмыслить принципы института множественности преступлений, нельзя не обратить внимания, что в приведенной цитате допущен ряд теоретических ошибок: исходные посылки исследуемого правового института изложены хаотично и бессистемно, а за принципы института «выдаются» либо отраслевые принципы права, либо некоторые общие направления совершенствования законодательной техники.

Этих недостатков лишен подход к определению принципов уголовно-правовой регламентации множественности, который предложен Е.Г. Васильевой. Она указывает, что установление уголовной ответственности за множественность преступлений должно быть основано на принципиальном положении об усилении карательного воздействия в зависимости от возрастания общественной опасности содеянного, а также недопустимости уголовно-правовой оценки одного и того же сочетания преступлений с позиций нескольких форм множественности².

---

¹ Шкредова Э.Г. Формирование и трансформация института множественности преступлений в российском уголовном законодательстве. [Электронный ресурс]: Режим доступа http://library.shu.ru/publications_skred.shtml (дата обращения 27.11.2011); Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 3. Понятие преступления / отв. ред. В.Б. Малинин. СПб., 2005. С. 450.

² Васильева Е.Г. Формы множественности преступлений по действующему уголовному законодательству. Диссертация ... канд. юрид. наук. Ставрополь 2005. С. 8, 43, 49.

В данном случае необходимо приветствовать акцентированное внимание исследователя именно на тех положениях, которые, с одной стороны, вправе претендовать на роль принципов, а с другой стороны, предметно ограничены именно регламентацией множественности. Однако некоторые положения приведенной цитаты вызывает критическую оценку. Так, Е.Г. Васильева в своих рассуждениях исходит, на наш взгляд, из методологически неверной посылки о том, что в УК РФ «устанавливается уголовная ответственность за множественность преступлений». На деле, ответственность всегда устанавливается лишь за одно, конкретное посягательство (ст. 8 УК РФ). А множественность может выступать только и исключительно обстоятельством, с которым закон связывает дифференциацию ответственности, но никак не ее установление; множественность не создает специальных оснований уголовной ответственности. И сам по себе этот тезис уже в состоянии составить принцип института множественности.

Кроме того, Е.Г. Васильева допускает непоследовательность, когда в одной части работы стремится доказать, что множественность преступлений одновременно и повышает размер общественной опасности содеянного, и усиливает опасность личности виновного, а в другой части диссертации включает в разряд принципов института множественности зависимость ответственности лишь от общественной опасности деяний. Такой подход, помимо прочего, противоречит и конституционному пониманию начал установления и реализации уголовной ответственности, которое сформулировано в известном постановлении Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 - 8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Останкинского

межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан».

В итоге, можно утверждать, что вопрос о принципах института множественности преступлений остается открытым и требующим дополнительного пристального внимания.

Исследуя его, прежде всего, стоит напомнить, что принцип института уголовного права не может совпадать с принципом отрасли права, хотя и находится в поле его притяжения. В этой связи важнейшие начала отрасли, зафиксированные в статьях 3–7 УК РФ и имеющие прямое отношение к регламентации отношений, возникающих в связи с совершением нескольких преступлений, не могут претендовать на роль структурной единицы института множественности. Законность, справедливость, равенство граждан, гуманизм, виновная ответственность – эти идеи пронизывают все содержание отрасли уголовного права, выступают ее остовом, удерживая уголовно-правовые нормативные предписания в рамках, заданных господствующим типом уголовной политики. Вне сомнений, они влияют на конструирование и применение института множественности (в особенности принцип справедливости, запрещающий возложение ответственности дважды за одно деяние, и связывающий содержание и объем ответственности с параметрами общественной опасности совершенного деяния и личности виновного). Но принципами института множественности эти предписания не являются.

Принцип института – более детализированное, конкретизированное положение, по сравнению с принципом уголовного права. Представляется, что их соотношение необходимо рассматривать, исходя из философского учения о соотношении общего и особенного. В силу этого в каждом принципе института права имеется «общее» содержание и «особенное»; первое обеспечивает стабильность отрасли права, второе – преломляет содержание «общего» к потребностям регулирования института права.

При этом такая связь не обязательно предполагает генетического происхождения принципов института от принципов отрасли. Занимая промежуточный уровень между принципами отрасли права и отдельными правовыми предписаниями, образующими уголовно-правовой институт, принципы института множественности преступлений, с одной стороны, могут «вытекать» их отраслевых принципов, а с другой стороны, могут «вбирать» в себя некие общие положения, на которых основаны институциональные предписания.

Если с этих теоретических позиций проанализировать содержание взаимосвязей принципов уголовного права и конкретных предписаний относительно множественности преступлений, то на суд научной общественности можно вынести следующий набор принципов института множественности:

- принцип самостоятельности оснований ответственности при любом количестве совершенных преступлений (конкретизирующий положения ст. 3, ч. 2 ст. 6 и ст. 8 УК РФ);

- принцип не обязательного, а лишь возможного усиления репрессивности уголовного закона при совершении нескольких преступлений (интегрирующий основу формирования ст. 68, 69 УК РФ и восходящий к положениям ч. 2 ст. 3, ч. 1 ст. 6, ч. 2 ст. 7 УК РФ);

- принцип дифференциации ответственности за множественность преступлений в зависимости от ее вида (конкретизирующий положения ч. 1 ст. 6 УК РФ);

- принцип соблюдения разумного баланса в оценке опасности деяния и личности преступника при дифференциации ответственности за множественную преступную деятельность (конкретизирующий предписания ч. 1 ст. 6, ст. 4 УК РФ);

- принцип приоритета поглощения наказаний при их определении за множественность перед сложением, а также приоритета частичного сложения

наказаний перед полным сложением (конкретизирующий требования ч. 2 ст. 60 УК РФ и восходящий к положениям ч. 2 ст. 7 УК РФ).

Эти положения составляют, по нашему представлению, ту исходную теоретическую базу, на которой формируются, конструируются и получают официальное воплощение конкретные нормативные предписания, регламентирующие особенности реализации ответственности при совершении лицом нескольких преступлений¹.

Сами эти предписания, как следует из убедительно представленных в науке суждений, должны быть:

- во-первых, разнопорядковыми (В.И. Гойман в этой связи говорит о том, что правовой институт должны составлять дефинитивные, управомочивающие, запрещающие и др. нормы, оставляя их перечень открытым²; а М.С. Жук исчерпывающе конструирует модель института уголовного права за счет регулятивных (охранительных), общих, декларативных, дефинитивных, оперативных и коллизионных предписаний³);

- во-вторых, системно взаимосвязанными (можно в этой связи согласиться с В.Д. Филимоновым, который указывает в числе признаков уголовно-правового института на функциональную взаимозависимость образующих его норм⁴, которая predetermined, с одной стороны, характеристикой самих норм, которые только вместе способны обеспечить регулятивное воздействие на предмет института, а с другой стороны—единым предназначением этой совокупности норм, ее нацеленностью на беспробельное правовое регулирование).

---

¹ См.: Досаева Г.С. Множественность преступлений: генезис и перспективы развития уголовно-правового института. М.: Юрлитинформ, 2015.

² Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 200.

³ Жук М.С. Институты Российского уголовного права: история развития и современное понимание. Краснодар, 2010. С. 112.

⁴ Филимонов В.Д. Правовой институт – основное звено в системе уголовного права // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая–1 июня 2007 г. М., 2007. С. 439.

Таким образом, при обсуждении вопроса о номенклатуре нормативных предписаний, образующих институт множественности преступлений, мы непосредственно выходим на проблему определения содержания множественности, ее форм и правовых последствий. Учитывая, что анализ этих аспектов темы требует и иной методики, и гораздо большего пространства текста, в рамках настоящего параграфа ограничимся обсуждением лишь некоторых, по большей части внешних характеристик института множественности. Здесь необходимо обсудить, как минимум, две проблемы: (а) какие именно регулятивные предписания должны быть закреплены в институте множественности и (б) какие еще, помимо регулятивных, предписания следует отразить в этом институте.

Исследование нормативных предписаний уголовного закона о множественности преступлений в учебной и специальной литературе традиционно начинается с анализа понятия и видов единичного преступления¹ либо включает в себя этот анализ после изложения общего понятия множественности². Такая традиция сложилась еще с XIX столетия. Воспринимается она специалистами и при разработке предложений по нормативному закреплению множественности. В частности, В.П. Малков, создавая нормативную модель множественности, пишет, что «институт множественности преступлений должен включать нормы, в которых бы давалось определение различных видов множественности и пограничных с ней единичных сложных преступлений»³. Отсюда в содержание соответствующей главы уголовного закона им предлагается включать

---

¹ См., например: Уголовное право. Общая часть. Учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С. 142; Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 473; Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении. Избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 108.

² См., например: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 509; Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2008. С. 113.

³ Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 137.

положения не только о конкретных формах множественности, но также о продолжаемых и составных преступлениях.

Мы можем полностью согласиться с содержательной частью тезиса В.П. Малкова о том, что отечественное уголовное законодательство целесообразно дополнить предписаниями о видах единичного преступления. Однако представляется, что при всей их значимости для совершенствования практики отграничения единичного посягательства от множественности, включать их в содержание исследуемого правового института вряд ли возможно. На этой же позиции стоит законодательство некоторых зарубежных стран. Законодатель Беларуси, Украины, Узбекистана, выделяя в структуре уголовного закона отдельную главу о множественности, не включил в ее содержание положения о видах единичного преступления, а законодатель Грузии обособил предписания о видах единичного преступления и о видах множественности в двух самостоятельных главах закона.

Поддерживая такое решение вопроса, напомним, что предмет регулирования уголовно-правового института множественности составляют отношения, возникающие в связи с фактом совершения нескольких преступлений. Предписания же о видах единичного преступления регулируют качественно иную разновидность общественных отношений. По предмету регулирования и сути они гораздо ближе к институту понятия и категоризации преступлений, в рамках которого и должны фиксироваться, образуя собой субинститут сложного преступления. Эти предписания в структуре отрасли уголовного права должны представлять собой своего рода «мостик», точки «входа и выхода», обеспечивающие системные взаимосвязи одного института (множественности) и с другим (преступления).

Таким образом, разрешая первую из поставленных проблем, подытожим, что в институт множественности преступлений следует включать только те нормативные предписания, которые непосредственно

связаны с регулированием отношений, возникающих по поводу совершения нескольких преступлений.

Теперь перейдем ко второй составляющей проблемы—видам предписаний, которые должны быть зафиксированы в институте множественности.

Уже неоднократно отмечалось, что одна из характерных черт правового института – его способность целостно и беспробельно регулировать некоторый вид общественных отношений. И хотя В.П. Коняхин усматривает в этом признаке «слабые стороны» теоретической концепции правового института, указывая, что «ситуацию, в которой правовой институт обеспечивает беспробельное правовое регулирование, крайне трудно встретить на практике»¹, все же большинство исследователей признают качество регулирования важной характеристикой отраслевого института права.

Такое качество должно быть гарантировано, прежде всего, адекватным и полным набором нормативных предписаний. В частности, специальными исследованиями установлено, что институт должны составлять:

1) ядро института – несколько генеральных нормативных предписаний регулятивного или охранительного характера, представляющих собой каждое в отдельности ассоциацию одного основного и одного или нескольких конкретизирующих (детализирующих или вариативных) предписаний;

2) необходимое дополнение – специализированные предписания общего характера: общие, декларативные, дефинитивные;

3) возможное дополнение – специализированные предписания специального типа: оперативные, коллизионные².

Сопоставляя эту модель с содержанием действующего уголовного законодательства, можно установить ощутимую неполноту в структуре

---

¹ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части Российского уголовного права. СПб., 2002. С. 159.

² Жук М.С. Институты Российского уголовного права: история развития и современное понимание. Краснодар, 2010. С. 112.

института множественности¹. Подчеркнем еще раз: в данной части исследования мы не обсуждаем качества уже имеющихся предписаний, обсуждаем лишь вопрос об их полноте и достаточности. И здесь детальный анализ действующего уголовного законодательства, а также проведенный опрос экспертов, позволяют установить, что на сегодняшний день в УК РФ отсутствует ряд значимых для понимания множественности и практического применения закона положений. В частности:

- не зафиксировано общее понятие множественности (на необходимость такой дефиниции указало 37% опрошенных в процессе исследования специалистов в области уголовного права);
- не детализированы критерии отграничения множественности преступлений от единичного сложного преступления (их наличие в законе признано необходимым 86% респондентов);
- не дана четкая классификация видов совокупности преступлений (закрепление ее в законе посчитали целесообразным 46% опрошенных);
- представлены далеко не все правила квалификации совокупности преступлений (с чем согласились 79% специалистов);
- не определен момент осуждения лица (значимость фиксации которого в законе признали 59% опрошенных);
- не решен вопрос о правовом значении осуждения за преступление по приговору иностранного государства² (на что указали 75% респондентов);

---

¹ Досаева Г.С. К вопросу о нормативной достаточности института множественности преступлений // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 25 сент. 2015 г.: в 2 т. / под ред. А.В. Симоненко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. Т. II. С. 26–30.

² Между тем, ст. 76 Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (22.01.1993 г.) устанавливает, что каждая из Договаривающихся Сторон при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел судами учитывает предусмотренные законодательством Договаривающихся Сторон смягчающие и отягчающие обстоятельства независимо от того, на территории какой Договаривающейся Стороны они возникли. Имеет значение для определения факта совокупности и предписание ст. 77 Конвенции, согласно которой при обвинении одного лица или группы лиц в совершении нескольких преступлений, дела о которых подсудны судам двух или более Договаривающихся Сторон, рассматривать их компетентен суд той Договаривающейся Стороны, на территории которой закончено

- не сформулировано понятие «простой» рецидив (необходимость которого признается 38% специалистов);
- не определена последовательность учета правил назначения наказания при рецидиве и наличии иных специальных обстоятельств, например, неоконченного преступления, заключения соглашения о сотрудничестве, наличии некоторых смягчающих обстоятельств и др. (что признано упущением закона 84% опрошенных);
- не решен вопрос о согласовании и порядке последовательного применения положений ст. 69 УК РФ и статей 73, 79, 80 УК РФ (необходимость восполнения этого упущения законом отмечена 76% специалистов);
- не согласованы положения закона о рецидиве преступлений и возможности распространения правил об ответственности несовершеннолетних на лиц в возрасте от 18 до 20 лет (на это обратили внимание 39% респондентов).

Соответствующие упущения представляются весьма ощутимыми. Они вполне укладываются в понятие пробела в уголовном праве, если понимать под ним, вслед за М.А. Кауфманом, «полное или частичное отсутствие в уголовном законе нормативных установлений в отношении фактов, нуждающихся в уголовно-правовом регулировании, а также

предварительное расследование. В этом случае дело рассматривается по правилам судопроизводства этой Договаривающейся Стороны. Очевидно, что и материально-правовые последствия множественности (совокупности) будут в данном случае определяться по законодательству той страны, где завершено расследование и проходит судебное слушание.

Еще больше оснований для нормативного урегулирования рассматриваемой ситуации содержит ч. 2 ст. 99 Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 07.10.2002), согласно которой при решении вопросов о признании лица особо опасным рецидивистом или наличии в его действиях различных видов рецидива, об установлении фактов совершения преступления повторно и нарушения обязанностей, связанных с условным осуждением, отсрочкой исполнения приговора или условно-досрочным освобождением, учреждения юстиции Договаривающихся Сторон могут признавать и учитывать приговоры, вынесенные судами (трибуналами) бывшего СССР и входивших в его состав союзных республик, а также судами каждой из Договаривающихся Сторон. (Конвенция не вступила в силу для России).

неопределенность уголовно-правовых норм, не позволяющую однозначно толковать их содержание, свидетельствующие о недостатке нормативного ресурса для решения проблем, обусловленных объективным развитием общественной жизни и потребностями практики применения уголовного закона»¹.

Этот пробел, особенно в той его части, которая связана с конкретными правилами квалификации преступлений и назначением наказания, сегодня в известной мере восполняется толкованием уголовного закона и практикой Верховного Суда РФ. При этом анализ показывает, что высшей судебной инстанцией восполняются по преимуществу недостающие в законе детализирующие, вариативные и коллизионные предписания².

Так, к примеру:

- постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (п. 5), постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (п. 9), постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (п. 19) и ряд решений высшей судебной инстанции по конкретным делам³ содержат правила отграничения

---

¹ Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и судебское усмотрение. М., 2009. С. 71.

² Напомним, что согласно положениям общей теории права, детализирующее предписание дает конкретизированное решение определенной детали регулирования, которая относится к той или иной структурной части уголовно-правовой нормы; вариативное предписание рассчитано на применение основного предписания в определенной ситуации или в особых условиях; коллизионные нормы представляют собой положения, направленные на разрешение возможных конкурентных ситуаций в правоприменении.

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 ноября 2004 г. № 24-О04-5 по делу Останина // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6; Верховный Суд РФ. Дело № 37-П14. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2014 г.; Верховный Суд РФ. Дело № 19-АПУ-14-36СП. Апелляционное определение от 11 декабря 2014 г.; Верховный Суд РФ. Дело № 74-АПУ-15-2.

совокупности тождественных преступлений от единичного преступления, совершенного в отношении двух или более потерпевших;

- постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (п. 20), постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (п. 23) и некоторые другие документы позволяют установить правило квалификации ситуации, при которой совершение преступления осуществляется способом, который сам по себе, взятый отдельно, образует состав иного преступления;

- постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», а также ряд решений по конкретным уголовным делам¹ определяют необходимость применения правил квалификации по совокупности преступлений к ситуациям совершения так называемых «сопряженных» преступлений;

- постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной

Апелляционное определение от 4 марта 2015 г.; Верховный Суд РФ. Дело № 11-АПУ-15-18. Апелляционное определение от 14 июля 2015 г.

¹ См., например, Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 425-П05 по делу Шукина // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 3; Верховный Суд РФ. Дело № 66-УД-14-3. Определение суда кассационной инстанции от 17 февраля 2015 г.

практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», другие документы, а также некоторые решения по конкретным делам¹ детализируют правила отграничения случаев совокупности преступлений от конкуренции уголовно-правовых норм;

- в конкретных решениях формулируется правило недопущения признания совокупности в ситуации последовательного совершения стадий одного и того же преступления²;

- постановление 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям», постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» (в настоящее время

---

¹ См., например: Постановление Президиума Новгородского областного суда по делу Ивановой // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 6; Постановление Президиума Московского городского суда по делу Проданова и Воробьева // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 4; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Березанских и Снегирева // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 7; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 93-О04-9 по делу Исиченко // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6; Верховный Суд РФ. Дело № 269-ПЗ. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2013 г.

² См.: Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2 квартал 2007 года (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 771П06 по делу Пожилова, Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 167П07 по делу Жемчугова) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 11; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2 квартал 2004 года (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 361п04пр по делу Кайсина) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1; Обзор надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за II полугодие 2010 г. (Определение № 55-Д10-10) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 7; Верховный Суд РФ. Дело №9-УД 13-1. Кассационное определение от 30 декабря 2013 г.

отменено), постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июня 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», ряд конкретных решений по уголовным делам¹ формулируют значимые правила отграничения единичного продолжаемого преступления от множественности преступных посягательств;

- постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», а также некоторые конкретные решения² раскрывают особенности квалификации идеальной совокупности преступлений;

- постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного

---

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Романченко // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 4; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Батуева и Панферова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 10; Верховный Суд РФ. Дело №20-УД14-7. Кассационное определение от 16 октября 2014 г.

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 1999 года (Постановление № 1016п98 по делу Павленко) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 10; Постановление Президиума Смоленского областного суда по делу Кудрявцевой // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 11.

наказания» и ряд решений по конкретным делам¹ приводят отсутствующее в законе разграничение понятий «осуждение» и «судимость»;

- постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» определяет условия применения положений статей 79, 80, 93 УК РФ при отбывании осужденным наказания, назначенного по совокупности преступлений.

Список и пробелов, и примеров их восполнения высшей судебной инстанцией можно было бы, наверное, продолжить. Более того, представить их исчерпывающим образом вообще вряд ли возможно, учитывая динамизм и порой непредсказуемость ситуаций, попадающих в сферу уголовного правосудия. А потому, учитывая направленность данного параграфа на познание структуры уголовно-правового института множественности преступлений, достаточно зафиксировать лишь сам факт очевидной недостаточности имеющегося к сегодняшнему дню нормативного материала (что, вероятно, служит одним из факторов, препятствующих к полноценной институционализации множественности на уровне отдельной главы УК РФ) и активное восполнение пробелов в уголовно-правовом регулировании множественности со стороны высшей судебной инстанции.

Такая ситуация не может быть признана в полной мере удовлетворительной, причем вне зависимости от того, как относиться к роли и значению судебной практики Верховного Суда РФ в регулировании уголовно-правовых отношений. Даже если допустить, вслед за многими современными авторами, полиисточниковый характер отрасли уголовного права², то:

---

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 179-П05 по делу Бездольного // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 3.

² См., например: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части Российского уголовного права. СПб., 2002; Пудовочкин Ю.Е. Источники уголовного права Российской Федерации // Журнал Российского права. 2003. № 5; Кайсин Д.В. Источники уголовно-правовой системы Российской Федерации. Диссертация ... канд.

- во-первых, нет достаточных оснований для наделения статусом источника права решений по конкретным делам, в связи с чем многие положения о квалификации множественности преступлений, сформулированные в постановлениях Президиума Верховного Суда и определениях его судебных коллегий, не получают необходимой юридической силы

- во-вторых, если и включать постановления Пленума Верховного Суда РФ в число источников уголовного права, нельзя допустить, чтобы на этом уровне правовой регламентации регулировались вопросы, связанные с определением правового статуса лица, совершившего несколько преступлений.

К тому же нельзя не учитывать, что одной из значимых особенностей судебной практики как источника права является ее, по преимуществу, «точечный», прецедентный характер. Сформулированные судом правовые позиции в отношении одной группы преступлений или одной группы правовых ситуаций не могут быть, как правило, экстраполированы на иные общественные отношения, хотя бы сходные с ними. А поскольку в практике Верховного Суда РФ оформлено не так много общих предписаний (все они касаются лишь проблем назначения наказания при множественности преступлений), то можно констатировать и недостаточность самой практики для восполнения пробелов в нормативном регулировании множественности преступлений.

Все изложенное, таким образом, приводит к мысли о необходимости дополнения уголовного законодательства России целым рядом нормативных предписаний, посвященных регулированию отношений, возникающих в связи с фактом совершения нескольких преступлений. Не обсуждая вопроса об обоснованности и достаточности выделенных сегодня в законе форм множественности, можно констатировать, что УК РФ необходимо дополнить

положениями, определяющими общее понятие множественности преступлений, конкретизирующими случаи (основания) отсутствия множественности и отграничения множественности от сложного единичного преступления, а также устанавливающими конкретные правила квалификации преступлений при наличии множественности. Такой укрупненный набор разнопорядковых нормативных предписаний будет в лучшей степени гарантировать полноту и стабильность структуры исследуемого уголовно-правового института, а вместе с ним качество и эффективность правового регулирования.

РАЗДЕЛ II

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Глава III. МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ПРЕДМЕТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

§1. Статистические, социальные и криминологические аспекты множественности преступлений

Предшествующее изложение показало, что множественность преступлений, будучи сложным по своему составу и формам проявления уголовно-правовым феноменом, возникшим, пожалуй, одновременно с феноменом преступления вообще, всегда привлекала к себе внимание специалистов. Но в силу разных, прежде всего, объективных причин, это внимание было ограничено по преимуществу рамками догматического уголовно-правового анализа, ориентирующего исследователей на выявление внутренних характеристик и свойств уголовного закона в части описания им множественной преступной деятельности и установления последствий совершения нескольких преступлений. Признавая высокую значимость и важность формально-логического метода познания множественности, нельзя не отметить, что он не позволяет воссоздать максимально полной картины изучаемого феномена, высвечивая лишь отдельные его грани, а именно – только те, которые преломлены в уголовном законодательстве.

Факт ограниченности и односторонности догматических исследований давно признан отечественной наукой, стремящейся восполнить недостатки этой методологии привлечением дополнительных, и прежде всего, социологических методов познания уголовно-правовых явлений. Как верно отмечал А.А. Герцензон, «именно социологический аспект в изучении

проблем уголовного права позволяет наполнить реальным социальным содержанием нормы уголовного закона, понятия и институты уголовного права, которые первоначально были ограничены рамками абстрактной юридической нормы: мы изучаем, таким образом, юридические нормы в их реальном социальном содержании»¹.

Однако приходится констатировать, что к сегодняшнему дню целостного социологического исследования множественности преступлений так и не было проведено. При некоторых имеющихся нюансах в методологии и в организации исследований, такой социологический анализ мог бы гипотетически быть выполнен либо в рамках социологии уголовного права, либо в рамках криминологии.

Не вступая на страницах настоящей работы в теоретический диспут о соотношении этих наук, отметим, что уголовно-социологических работ, предметом которых была бы множественность преступлений, в российской юридической науке нет. В криминологии же исследование множественности имеет весьма специфический оттенок.

Криминология не знает такого самостоятельного объекта познания, как множественность преступлений. Вероятная (и вполне очевидная) причина того—устоявшееся понимание преступности (главной составной части предмета криминологии) как определенного множества преступлений, совершенных на определенной территории в определенный промежуток времени. При таком подходе множественность преступлений (в том смысле, каковой ей придается уголовным правом) как бы «растворяется» во множестве преступлений вообще, лишается собственной специфики, становится неотличимой от преступности в целом. Учитывая это, криминологическая наука при познании множественной преступной деятельности одного человека смещает акценты с исследования собственно преступлений на анализ иных, значимых именно для целей предупреждения преступности, обстоятельств и факторов. В качестве таковых выступают

---

¹ Герцензон А.А. Уголовное право и социология. М., 1970. С. 39.

либо степень организованности преступлений, позволяющая обособить в качестве специфического криминологического феномена профессиональную преступность¹, либо личность преступника и преступные карьеры, анализ которых подводит к понятию преступника-рецидивиста².

Такой подход позволяет относительно качественно проанализировать отдельные аспекты множественности преступлений. Но и здесь, надо признать, среди специалистов нет единства мнений относительно того как именно организовать криминологическое исследование. Так, в популярном учебнике по криминологии, изданном под редакцией А.И. Долговой, в качестве самостоятельных предметов познания на уровне отдельных глав представлены профессиональная, пенитенциарная и рецидивная преступность³; в учебнике, подготовленном под редакцией Н.Ф. Кузнецовой и В.В. Лунеева, самостоятельные параграфы посвящены уже только рецидивной и профессиональной преступности (в учебнике под редакцией Г.А. Аванесова эти два вида преступности анализируются совместно в рамках единого параграфа⁴); в учебнике под редакцией Д.А. Шестакова профессиональная преступность исследуется вне специальной связи с преступностью рецидивной⁵; а в учебнике Ю.М. Антоняна исследуются уже только рецидивная и пенитенциарная преступность⁶.

Такое обилие подходов, во многом отражая авторские предпочтения в тематике криминологических исследований, с одной стороны, способствует приращению научного знания, а с другой стороны, в той же мере препятствует выработке общего доктринальной стратегии криминологического анализа множественности преступлений. К тому же, несложно заметить, что даже различающиеся подходы в равной степени

---

¹ Кудрявцев В.Н. Лекции по криминологии. М., 2005. С. 113.

² Фокс В. Введение в криминологию. М., 1980. С. 221; Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли. СПб., 2003. С. 174.

³ Криминология. Учебник для юридических вузов / под ред. А.И. Долговой. М., 1997.

⁴ Криминология. Учебник / под ред. Г.А. Аванесова. 4-е изд. М., 2006.

⁵ Частная криминология. Учебник / под ред. Д.А. Шестакова. СПб., 2007.

⁶ Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М., 2004.

ограничивают предметную область анализа феноменом, в основе которого лежат по преимуществу уголовно-правовые признаки рецидива. Даже конструирование криминологией собственного, криминологического понятия рецидива как любого повторного преступного деяния, не позволяет в полной мере включить в орбиту рассуждений все формы множественности, в частности, совокупность преступлений. Между тем, еще А.А. Герцензон писал, что «социологический аспект изучения совокупности преступлений, идет ли речь о реальной или идеальной совокупности преступлений, а также о совокупности наказаний, приобретает немаловажное научное и практическое значение»; и этот аспект в зависимости от поставленной цели может охватывать довольно широкий круг вопросов (распространенность случаев идеальной и реальной совокупности, характер и наиболее типичный вид сочетания разнородных преступлений, корреляция между совокупностью преступлений и характеристикой личности преступника и т.д.)¹.

Таким образом, можно смело утверждать, что в современной российской правовой науке отсутствует целостное представление о социологических и криминологических параметрах множественности преступлений². Именно это обстоятельство, на наш взгляд, выступает одним из наиболее существенных факторов, препятствующих надлежащему качеству уголовно-правовых реформ исследуемого института. Необходимость восполнения обозначенного пробела осознана сегодня не только представителями научной общественности. Она признана и на нормативном уровне. В частности, в Приказе Генерального Прокурора РФ от 16.01.2012 г. № 7 «Об организации работы органов прокуратуры российской федерации по противодействию преступности» не только постановлено «считать надзор за исполнением законов о противодействии преступности, в том числе о ее предупреждении, приоритетным направлением в деятельности органов прокуратуры Российской Федерации», не только обращено особое

---

¹ Герцензон А.А. Уголовное право и социология. М., 1970. С. 134.

² Досаева Г.С. Социально-криминологическая характеристика множественности преступлений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 6. С. 188–197.

внимание на исполнение законов, направленных на борьбу с рецидивной преступностью, но и прямо предписано «практиковать использование результатов криминологических и других исследований с целью внесения коррективов в формы и методы надзора, а также координационной деятельности по борьбе с преступностью»¹.

В известной степени откликаясь на эту потребность, представим в рамках настоящей диссертации опыт комплексного статистического, социологического и криминологического анализа множественности преступлений, с определенными ограничениями, заданными как объективно ограниченным объемом исследования, так и его предметно-целевыми установками, ориентированными на оптимизацию именно уголовно-правовых средств противодействия множественности преступлений².

Приступая к исследованию, стоит отметить, что организация статистического наблюдения за множественностью преступлений имеет свою специфику³. Наука уже обращала внимание на это обстоятельство, и сформулировала общее правило уголовно-статистического учета множественности, согласно которому статистическому учету должно подлежать каждое преступление, получившее самостоятельную квалификацию⁴. Это верный исходный тезис. Однако известно, что далеко не каждый случай совершения лицом двух или более самостоятельных преступлений расценивается уголовным законом в качестве проявления

---

¹ Законность. 2012. № 3.

² В силу этого, за рамками настоящего анализа оставляем вопросы причин и условий множественности преступлений, полноценную характеристику личности преступника, систему криминологических мер противодействия множественной преступной деятельности.

³ Досаева Г.С. О некоторых статистических аспектах исследования множественности преступлений // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции (Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», 22 мая 2015 г.). Краснодар: Издательский Дом-Юг, 2016. С. 156–164.

⁴ Забрянский Г.И. Теоретические вопросы статистического исследования множественности преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1973. Вып. 19. С. 25.

множественности¹. В связи с чем количество зарегистрированных преступлений само по себе еще не отражает статистической характеристики множественности.

Этот факт подтверждается и положениями нормативных актов, определяющих порядок регистрации преступлений. Совместный Приказ Генеральной Прокуратуры РФ, МВД РФ и других заинтересованных ведомств² установил, что как два или более преступлений должны учитываться: а) реальная или идеальная совокупность преступлений; б) одновременное совершение несколькими лицами без предварительного сговора преступлений, квалифицированных по одной статье УК РФ, когда каждый участник действовал независимо от другого; в) совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников; г) совершение двух и более тождественных преступлений, если они не являются эпизодами единого продолжаемого преступления.

Как видим, отражение в статистике факта совершения двух или более преступлений не всегда связано непосредственно с множественностью (оно может быть вызвано эксцессом исполнителя или совершением преступления группой лиц без предварительного сговора, а также таким сочетанием нескольких преступлений, которое не расценивается в качестве формы множественности законом). В тоже время даже легально признаваемая форма множественности преступлений не всегда требует фиксации в статистических формах двух преступлений. Речь идет о рецидиве. В случае совершения преступления при наличии у лица прежней судимости уголовно статистическому учету подлежит только одно, последнее (рецидивное)

---

¹ Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении. Избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 119.

² Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29.12.2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 г. «О едином учете преступлений» // Российская газета. 25 января 2006 г. Федеральный выпуск № 3979.

преступление (первое преступление, поскольку за его совершение уже вынесен приговор, вторичному учету не подвергается).

Некоторым восполнением этих недостатков в статистическом учете преступлений служит организация статистического наблюдения за преступностью, при которой учету подлежат лица, совершившие преступления. Раздел 1 и Раздел 2 Годовой формы Ф-458 «Лица, совершившие преступления» Сводного отчета по России, который составляется ГИАЦ МВД РФ, дают обширную информацию о числе лиц, ранее совершавших преступления (в том числе и неоднократно), распределяя их по видам совершенных преступных деяний. Эта информация в достаточной мере позволяет представить структуру «повторной преступности». Однако в целях более глубокого статистического наблюдения представляется возможным оптимизировать рассматриваемую форму, обособив в ней самостоятельную строку (83) с тем, чтобы представить распределение лиц, ранее совершавших преступления, по дополнительным критериям, установленных формой—возрасту, полу, уровню образования, месту жительства, роду деятельности и др. Кроме того, было бы разумным ввести в рассматриваемую форму еще один показатель—сведения о лицах, впервые совершивших два или более преступлений. Такой подход позволит не только собрать дополнительную информацию о состоянии преступности и качестве работы по ее профилактике, но и обеспечит возможность корректного статистического сравнения данных, собираемых ГИАЦ МВД РФ, с информацией, которая обобщается и анализируется Судебным Департаментом при Верховном Суде РФ.

Согласно Приказу Судебного Департамента при Верховном Суде РФ от 10.06.2011 г. № 115 «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности судов и судимости и форм статистической отчетности о деятельности судов и судимости» (с посл. изм.)¹ утверждена Форма 11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления»,

---

¹ Документ официально не опубликован. Использована СПС «Консультант Плюс».

содержащая Раздел 2 «Характеристика преступления, его рецидива и повторности». Здесь отражен целостный комплекс информации, характеризующий осужденных лиц, ранее судимых за совершение преступлений. При этом проводится значимая дифференциация лиц, в чьих действиях имеет место легальный рецидив преступлений, и иных ранее судимых лиц, судимости в отношении которых имеют юридическое значение либо были сняты (погашены). Кроме того, в отчетности судов представлена ценная информация о лицах, осужденных за совершение впервые двух или более преступлений (совокупность преступлений), чего нет в статистике ГИАЦ МВД РФ. И хотя эти данные дифференцированы лишь по видам совершенного преступления, они представляют несомненный исследовательский интерес.

Учитывая эти обстоятельства, дальнейшее изложение будет основано по преимуществу на основе исследования данных Судебного департамента, которые при некоторых упущениях, все же наиболее полно отражают феномен множественной преступной деятельности. К сведениям ГИАЦ МВД РФ мы будем обращаться по мере необходимости для уточнения и корректировки полученной информации. Дополнительную информацию о «внутренней», социальной и криминологической характеристике множественности преступлений представят результаты документального исследования материалов уголовных дел.

Соответствующие данные, характеризуя отдельные стороны проблемы множественности, будут дополнять друг друга и способствовать созданию более полной картины состояния, динамики и основных тенденций исследуемого сегмента преступности. Вместе с тем, мы не видим своей задачей установление предельно конкретных, четких цифр. Цель анализа, как представляется, должна состоять не в том, чтобы «добыть» какую-то конкретную цифру, а в том, чтобы определить более или менее устойчивую тенденцию динамики преступности, направление развития, общие темпы и

масштабы изменения тех или иных показателей, точки «перелома» тенденций.

В качестве еще одного предварительного замечания считаем необходимым обосновать хронологические границы социально-криминологического анализа множественности преступлений. В современной литературе «исходной точкой», основной базой статистического анализа признается, по преимуществу 1997¹ или 2004 год². Иногда специалисты утверждают о необходимости более длительного, в несколько десятков лет, статистического наблюдения за преступностью³. Выбор периода исследования во многом обусловливается стоящими перед исследователями задачами и доступностью информационных ресурсов, в связи с чем его критика, хотя и возможна, но вряд ли нецелесообразна. Представляется все же, что анализ множественности преступлений за период времени в последние 30–40 лет малополезен с практической точки зрения. За этот отрезок времени в стране кардинальным образом изменился общественно-политический и экономический строй, нравственные ориентиры и уголовное законодательство. В силу чего сравнительный анализ состояния множественности преступлений (без поправки на великое множество факторов) будет просто некорректным. Мониторинг в течение нескольких десятков лет допустим лишь в отношении отдельных видов общественно опасных деяний, минимальный объем криминализации которых за это время не изменился. В остальном же более эффективен в качестве «точки отсчета» в криминографии множественности преступлений 2000 год. Период в 15 лет, во-первых, вполне репрезентативен и достаточен для того, чтобы выявить и представить некоторые тренды в развитии исследуемого

---

¹ Аржаная К.В. Криминологическая характеристика современной рецидивной преступности и ее предупреждение. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008.

² Ваганов А.Б. Криминологическая характеристика пенитенциарной преступности и ее профилактика. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.

³См., например: Ермаков В., Крюкова Н. Несовершеннолетние преступники в России. М., 1999.

сегмента преступности; а во-вторых, он включает в себя данные о состоянии множественности преступлений до ключевой реформы 2003 года, и после нее. В силу этого в рамках настоящей работы границы статистического анализа множественности преступлений ограничены периодом 2000–2015 года, с акцентированием внимания на 2003 год.

Начнем с количественного анализа множественности преступлений. Согласно расчетам, выполненным на основании данных судебной статистики за период с 2000 по первое полугодие 2015 года, удельный вес лиц, совершивших несколько преступлений¹, составляет в среднем 48,9%. Этот показатель несколько отличается от данных, приведенных В.П. Малковым за 1970, 1980 и 1990 годы, когда он составлял 41–42%². Статистика свидетельствует об определенном росте удельного веса лиц, совершивших множество преступлений: если в 2000 году он составил 42,3%, то в первой половине 2015 года–52%.

Практически каждый второй осужденный совершил более одного преступления. Вместе с тем, этот показатель еще нельзя рассматривать как сведения собственно о множественности преступлений. В этой массе осужденных целесообразно вычленим тех, чьи действия соответствуют нормативно установленным параметрам множественности–совокупности преступлений и рецидива³. Статистическая отчетность позволяет сделать это с определенной погрешностью, поскольку в общем массиве лиц, ранее судимых, отражаются данные и о рецидиве (причем только в том случае, когда рецидив установлен последним приговором), и о единичном

---

¹ Сюда нами отнесены лица, ранее судимые (в том числе рецидивисты), лица, которые ранее были судимы, но на момент судебного разбирательства считаются юридически несудимыми, и лица, которые впервые совершили два или более преступления.

² Уголовное право на современном этапе: Проблемы преступления и наказания / под ред. Н.А. Беляева и др. СПб., 1992. С. 229.

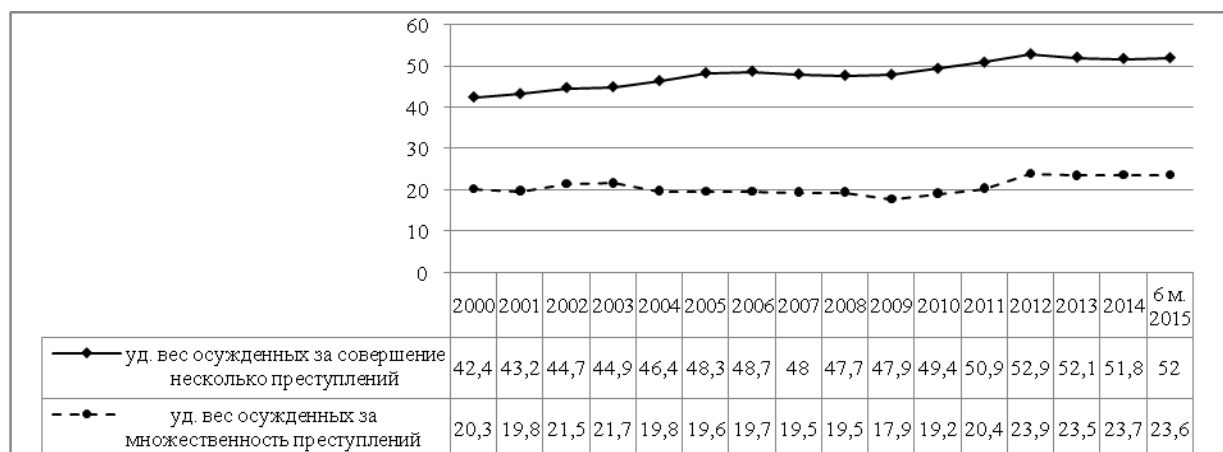
³ Мы ограничим анализ этими двумя формами, сознавая, что до 2003 года существовала также неоднократность преступлений. Однако ее статистическое отражение сложно проследить, поскольку неоднократное преступление в случае его квалификации по одной статье уголовного закона учитывалось как одно преступление; а наличие неоднократности, соединенной и не соединенной с судимостью, могло отражаться в различных статистических графах.

преступлении, а данные о лицах, осужденных за впервые совершенные два или более преступления, включают сведения о совокупности в ее уголовно-правовом значении, но не отражают данные о лицах, ранее судимых и вновь осужденных за совершение нескольких преступлений¹. Тем не менее, если ограничить выборку только рецидивистами и лицами, впервые совершившими более одного преступления, то можно установить, что их удельный вес в общем числе лиц, совершивших несколько преступлений, составляет 48,2% (рост с 42,4% в 2000 году до 52% в первом полугодии 2015 года), а в общем массиве всех осужденных—21,9% (рост за тот же период с 20,3% до 23,6%).

Показательно, что два рассматриваемых параметра имеют неодинаковый тренд (см. рис. 1).

Рисунок 1. Динамика удельного веса лиц, совершивших несколько преступлений, в общем числе осужденных

Удельный вес лиц, совершивших несколько преступлений, за период наблюдения имеет выраженную тенденцию роста, которая началась до известной реформы множественности преступлений в 2003 году и не изменилась после нее (если в 2000 году доля лиц, совершивших несколько преступлений, составляла 42,4%, то в первом полугодии 2015 года—уже 52%).

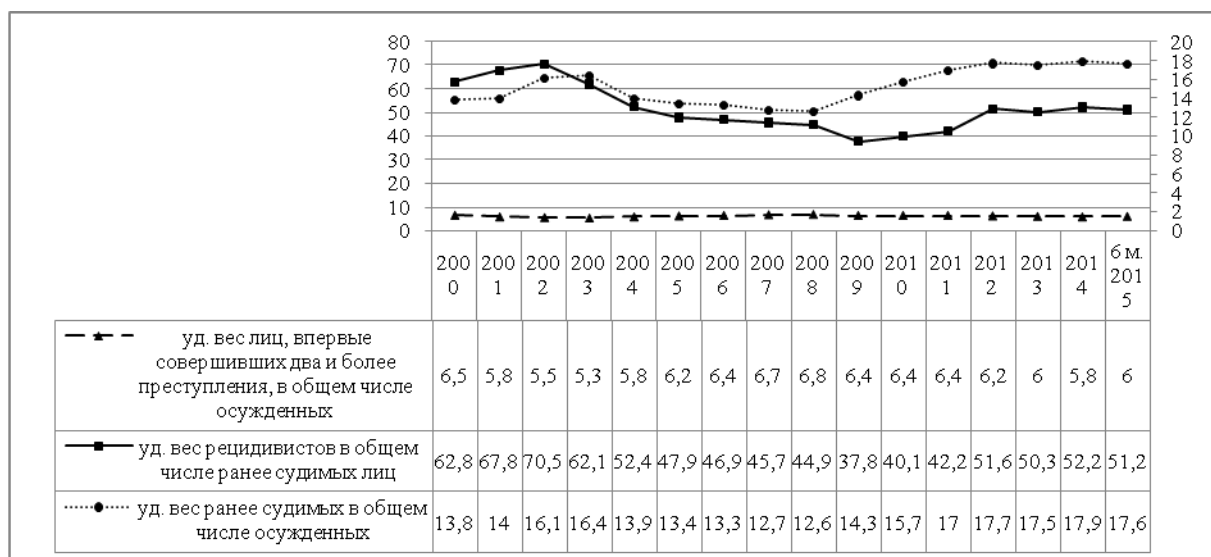
¹ Инструкция по ведению судебной статистики. Утверждена Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 декабря 2007 г. № 169. Документ официально не опубликован. Использована СПС «Консультант Плюс».

В тоже время удельный вес лиц, осужденных собственно за множественность преступлений, остается более стабильным, колеблясь в пределах 19,5–23,5%.

Интерпретация этих данных позволяет установить, что на фоне объективного роста множественной преступной деятельности наблюдается в определенной мере искусственное, на уровне нормативных конструкций, сдерживание показателей «легальной множественности», что приводит к нарастанию разрыва между соответствующими рядами данных.

Эта тенденция не только подтверждается, но и наиболее четко проявляется при исследовании статистических данных, характеризующих динамику рецидива преступлений. Анализ свидетельствует: на фоне стабильного роста удельного веса ранее судимых лиц, удельный вес собственно рецидивистов в общем массиве осужденных сокращается. Точкой перелома в данном случае выступает все тот же 2003 год, ознаменованный кардинальной реформой уголовно-правового института множественности преступлений (см. рис. 2).

Рисунок 2. Динамика лиц, осужденных при множественности преступлений

Имеющиеся данные доказывают, что составляя в среднем за анализируемый период около 50%, удельный вес рецидивистов в числе ранее судимых лиц сокращается: если в 2000–2003 годах он составлял 65,8%, то в 2004–2015 годах—46,9%. При этом в первый год после известного

реформирования уголовного закона удельный вес рецидивистов в числе лиц, ранее судимых за преступления, сократился по сравнению с 2003 годом на 9,7%, в 2005 году – уже на 14,2% и далее этот показатель только нарастал. Динамика удельного веса лиц, ранее судимых, более стабильна, он составляет в среднем 15% но имеет тенденцию к росту – за исследуемый период с 13 до 17%. Еще большую стабильность демонстрируют показатели, отражающие удельный вес лиц, осужденных за совершение впервые двух или более преступлений. В среднем за период наблюдения их доля составила около 6% и отклонения от среднего значения крайне незначительны.

Таким образом, в качестве первого вывода о состоянии множественности преступлений можно констатировать: а) увеличение удельного веса лиц, осужденных за совершение нескольких преступлений; б) стабильный удельный вес лиц, осужденных за совершение впервые нескольких преступлений; в) сокращение удельного веса лиц, совершивших преступление при рецидиве; г) рост удельного веса ранее судимых лиц, в чьих действиях не установлено признаков рецидива преступлений. Эти тезисы могут быть интерпретированы таким образом, что позволяют выявить главное: на фоне объективного роста случаев совершения одним лицом нескольких преступлений, закон сознательно и искусственно ограничивает сферу контроля множественной преступной деятельности лишь некоторыми сочетаниями преступлений, что в статистическом отношении позволяет продемонстрировать сокращение показателей множественности преступлений.

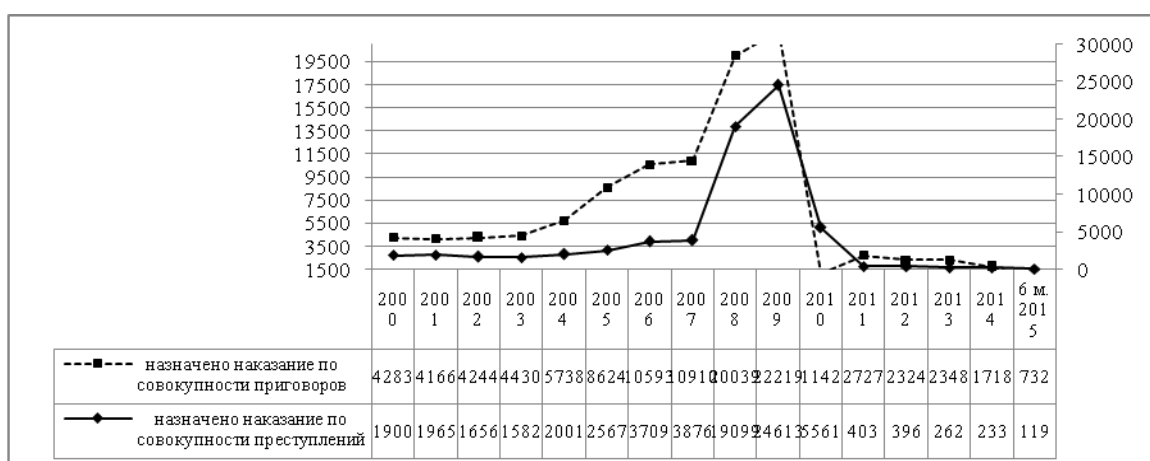
Искусственный характер статистической отчетности, ее прямая зависимость от содержания непрестанно корректируемых уголовно-правовых норм подтверждается анализом данных о структуре рецидива преступлений и данными о наказаниях, назначенных по совокупности преступлений и совокупности приговоров.

Так, реформа 2003 года самым «позитивным» образом отразилась на показателях структуры рецидива по степени опасности. В период до 2003

года в общем числе лиц, осужденных за совершение преступлений при рецидиве, удельный вес осужденных при «простом» рецидиве составлял 42,8%, при опасном рецидиве – 43,9%, при особо опасном рецидиве–13,3%. После изменения законодательной формулы видов рецидива, соответствующие цифры составляют: 85,9%; 16,6%; 7,3%. Произошло, таким образом, существенное (в разы) «облегчение» структуры рецидивной преступности. Число лиц, осужденных за совершение преступлений при опасном и особо опасном рецидиве, в 2014 году по сравнению с 2000 годом сократилось на 72%, в то время как число лиц, осужденных за совершение преступлений при «простом» рецидиве за этот же время увеличилось на 27%. Такое облегчение структуры рецидивной преступности является сугубо формальным, вызванным трансформацией положений ст. 18 УК РФ и смягчением санкций в подавляющем большинстве статей Особенной части УК РФ.

Снижение размера санкций в статьях Особенной части УК РФ отразилось и на практике назначения наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров (см. рис. 3).

Рисунок 3. Динамика лиц, которым назначено наказание выше максимального размера санкции

В частности, в период с 2000 по 2009 год на фоне гуманизации санкций и либерализации правил назначения наказания при рецидиве преступлений наблюдается устойчивый рост числа осужденных, которым на основании статей 69 и 70 УК РФ назначено наказание выше верхнего предела,

предусмотренного санкцией статьи¹. При этом рост данного показателя начался именно с 2003 года. Что касается резкого («обвального») падения рассматриваемых показателей в 2010 и 2011 году, то тому есть только одно объяснение – изменение правил назначения наказания по совокупности преступлений, очередное изменение категоризации преступлений и трансформация санкций статей Особенной части УК РФ.

Сопоставление приведенных данных показывает: (а) на фоне стабильной динамики удельного веса лиц, впервые совершивших два или более преступления, растет количество лиц, которым по совокупности преступлений было назначено наказание выше верхнего предела санкции; (б) на фоне облегчения структуры рецидивной преступности растет количество лиц, которым по совокупности приговоров было назначено наказание выше верхнего предела санкции. С известными оговорками это может означать лишь одно: законодательные трансформации института множественности преступлений и сокращение размеров санкций в большинстве статей Особенной части УК РФ не соответствуют социальным и криминологическим реалиям и не отражают общественной опасности множественности преступлений; судебная практика вынуждена реагировать на законодательные новеллы повышением размеров назначаемого за множественность преступлений наказания (разумеется, в установленных законом пределах).

Об истинных масштабах опасности множественности преступлений в большей степени можно судить на основании результатов конкретных социологических и документальных исследований. Так, проведенный в процессе подготовки настоящей диссертации анализ показал:

а) Рецидивные преступления относятся преимущественно к категории общеуголовных корыстных и корыстно-насильственных преступлений. Наибольший удельный вес рецидивистов зафиксирован в числе осужденных

---

¹ Резкий скачок показателей в 2008 году объясняется исключительно вступлением в силу новых правил статистического наблюдения за судимостью (Приказ Судебного Департамента при Верховном Суде РФ от 29 декабря 2007 г. № 169).

за преступления против собственности (16,5%), против половой свободы и половой неприкосновенности личности (14,7%), против жизни и здоровья личности (12,2%), против здоровья населения и общественной нравственности (10,0%). Примерно три четверти совершенных при рецидиве преступлений тождественны или однородны преступлениям, за которые лицо ранее уже осуждалось, что в известной степени отражает весьма негативную тенденцию специализации и профессионализации рецидивистов. Более 90% рецидивистов ранее приговаривались к наказанию в виде лишения свободы, которое в 70% случаев полностью отбыли, и в 25% случаев совершили рецидивное преступление в первый год после отбытия наказания. В целом, по оценкам специалистов, рецидивная преступность демонстрирует фактический рост, искусственное облегчение структуры, увеличение кратности и интенсивности, ярко выраженный корыстный характер, тесные связи с организованной, профессиональной и маргинальной преступностью¹.

б) Среди лиц, осужденных за совокупность преступлений, 67% совершили от двух до трех преступлений, 26% – от четырех до девяти, 7% – десять или более преступлений; при этом 78% совершили однородные или тождественные преступления. Чаще всего совокупность составляют преступления против собственности (52%) и в сфере незаконного оборота наркотиков (25%); в 42% случаев совокупность образуют тяжкие и (или) особо тяжкие преступления. В целом, как свидетельствуют специальные исследования, совокупность преступлений с криминологической точки зрения характеризуется следующими закономерностями: после совершения трех преступлений с каждым последующим разом сокращается временной интервал между преступлениями и, как правило, либо увеличивается ущерб от их совершения, либо возрастает тяжесть; вероятность совершения совокупности преступлений выше, если первое преступление было небольшой или средней тяжести; характер направленности первого

---

¹ Щербаков С.В. Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения. Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 34.

преступления, как правило, обуславливает характер последующих; идеальную совокупность составляют, как правило, преступления, из которых одно является тяжким или особо тяжким преступлением¹.

В подобных условиях полноценный анализ множественной преступной деятельности не может и не должен ограничиваться только и исключительно теми официальными статистическими данными², которые характеризуют множественность преступлений в ее уголовно-правовом значении. Требуется более широкий подход, позволяющий включить в орбиту рассуждений и такие стечения нескольких преступлений, которые не воспринимаются законом как проявление множественности. С учетом того, что состояние и тенденции собственно рецидивной преступности уже хорошо исследованы наукой³, а криминологические показатели «первичной» совокупности преступлений, будучи стабильными, не вызывают особой потребности в дополнительном анализе, обратим внимание на случаи совершения преступлений лицами, ранее судимыми.

Эта категория лиц (и соответственно, преступлений) представлена в статистической отчетности как самостоятельная единица. При этом, учитывая состояние действующего уголовного законодательства и правила статистического учета, она частично «перекрывается» рецидивистами, частично – лицами, которым назначено наказание по совокупности приговоров, частично – лицами, осужденным за единичное преступление с квалифицированным составом. Такой подход к сбору статистического

---

¹ Ларина Л.Ю. Совокупность преступлений: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011. С. 20–21.

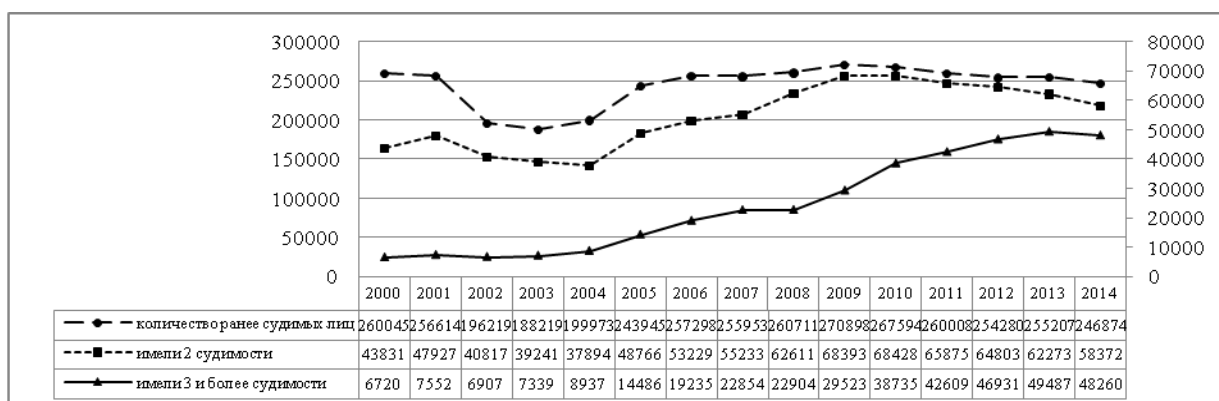
² Лесников Г.Ю. Современная уголовно-правовая ситуация и законодательство о противодействии преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 239–242.

³ См., например: Коломытцев Н.А. Борьба с особо опасным рецидивом преступлений: теория и практика. Диссертация ... д-ра юрид. наук. М., 2000; Кириллов И.А. Криминологическая характеристика и профилактика рецидивной преступности. Учебное пособие. Красноярск, 2004; Некрасов А.П. Пенитенциарный рецидив в исправительных учреждениях: теория исследования и меры противодействия. Диссертация ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005; Асланян М.М. Рецидив преступлений как легальная форма профессиональной преступности. Диссертация ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008 и др.

материала представляется не вполне оправданным. Для уточнения собираемой информации полагаем перспективным решением разукрупнение соответствующего показателя: исключение из него лиц, совершивших преступление при различных видах рецидива; обособление в Форме 11 отдельной строки и графы – «лица, осужденные по совокупности приговоров» (учитывать здесь лиц, для которых то или иное преступление, указанное в статистической форме, является наиболее тяжким). Такой подход позволит более рельефно и точно выявить особенности преступлений и лиц, которые их совершают при наличии неснятой или непогашенной судимости, учитываемой в соответствии с предписанием ст. 60 УК РФ об оценке данных о личности виновного при назначении наказания. При существующей же организации статистики данные о лицах, ранее судимых за совершение преступлений, могут обладать по большей части ориентирующим характером. Но и этого, как представляется, будет достаточным для того, чтобы продемонстрировать значимую социальную проблему повторной преступности ранее судимых лиц.

Прежде всего, отметим, что количество ранее судимых лиц в общем массиве осужденных на протяжении последних двенадцати лет растет (см. рис. 4).

Рисунок 4. Динамика числа ранее судимых лиц

Спад рассматриваемого показателя в период 2001–2003 годов вызван, как представляется, причинами, связанными с вступлением в силу нового Уголовно-процессуального кодекса, а также подготовкой и принятием закона о реформировании института множественности. Временный и ограниченный

характер этого фактора подтвержден статистически, поскольку начиная с 2004 года, тренд роста числа ранее судимых лиц был возобновлен и не прекращается до настоящего времени.

Такой рост, как уже отмечалось, сопровождается падением показателей судимости при наличии легального рецидива преступлений (отчетливо соответствующий «крест» представлен на рис. 2). Трансформации закона в 2003 году привели к тому, определенная часть рецидивистов была выведена из сферы действия статей 18 и 68 УК РФ. Но общественная опасность таких лиц, как представляется, не изменилась принципиально. И это дополнительно аргументирует значимость теоретического анализа преступности ранее судимых лиц.

Представленные на рис. 3 данные свидетельствуют, что общий тренд роста числа ранее судимых лиц сопровождается аналогичными по содержанию и даже более интенсивными по темпам роста тенденциями в динамике числа лиц, имеющих в прошлом несколько судимостей (две, три и более). Так, число лиц, имеющих три и более судимости, возросло за исследуемый период почти в три с половиной раза; а их удельный вес в общей массе ранее судимых лиц – с 2,6 до 19,4%. Такие цифры, на наш взгляд, нельзя объяснять только и исключительно реформой законоположений о рецидиве, хотя бы потому, что рост рассматриваемых показателей является достаточно устойчивым на протяжении уже долгого периода времени после реформы 2003 года. Следовательно, он объясняется не столько последствиями реформы, сколько иными факторами, содержание которых восходит к проблемам эффективности уголовного наказания, постпенитенциарного контроля, социальной реабилитации и помощи осужденным.

Поправку на законодательное реформирование необходимо делать и при анализе структуры преступности ранее судимых лиц по степени тяжести совершенных деяний. Исключив из расчета данных о преступности ранее судимых лиц сведения о структуре рецидивной преступности (о «сдвигах» в

ней было сказано выше), можно представить уточненную информацию о тяжести преступлений, совершаемых ранее судимыми лицами (см. табл. 1).

Таблица 1. Структура преступности ранее судимых лиц (без учета данных о рецидиве)

Категории преступлений	Годы				
	2000	2004	2008	2012	6 м. 2015
Небольшой тяжести	7,9	22,0	32,9	40,1	51,8
Средней тяжести	13,2	38,0	37,7	35,6	25,4
Тяжкие	67,8	33,4	24,4	20,0	18,6
Особой тяжести	9,1	6,6	5,0	4,2	4,2

Имеющиеся данные показывают, что чем две трети из числа осужденных, ранее судимых, вновь совершают преступления, относимые УК РФ к категории небольшой или средней тяжести, и примерно каждый четвертый – тяжкие и особо тяжкие преступления.

В уголовно-политическом отношении сугубо формально, внешне, такие цифры выглядят вполне удовлетворительно, свидетельствуя об относительно невысокой степени общественной опасности вторичной преступности. Однако здесь необходимо учитывать недостатки и упущения в самой категоризации преступлений.

Недавние законодательные решения об изменении нормативного объема категории преступлений небольшой тяжести за счет повышения до трех лет установленного в санкции максимального наказания за эти посягательства, не имело под собой реальных социально-правовых и криминологических аргументов, основанных на репрезентативных исследованиях. Наказание в виде трех лет лишения свободы – достаточно суровая санкция, не соответствующая степени опасности преступлений небольшой тяжести. Сам смысл выделения категории преступлений небольшой тяжести на первоначальном этапе реформирования уголовного законодательства в середине 90-х годов прошлого века состоял в том, чтобы обособить группу посягательств, которые либо вообще не требуют реакции в виде лишения свободы, либо в исключительных случаях допускают лишение свободы, но в крайне ограниченных пределах, руководствуясь при этом не столько соображениями исправления преступника (который в данном случае

не обладает большой опасностью и стойкими криминогенными качествами), сколько соображениями общей превенции. Признание преступлениями небольшой тяжести всех деяний, за которые установлено максимальное наказание в виде трех лет лишения свободы разрушило эту идею, поскольку преступление не может одновременно не заслуживать лишения свободы и заслуживать его в объеме трех лет.

Также критически следует оценить и содержание преступлений средней тяжести, которые включают в себя неосторожные деяния с достаточно высокими параметрами санкций (например, до 9 лет лишения свободы в ч. 6 ст. 264 УК РФ). Не оспаривая в данном случае сам по себе размер санкции (возможно, он и обоснован с учетом тяжести преступных последствий, степени распространенности преступлений и иных факторов), посмеем высказать свое несогласие с признанием таких деяний преступлениями средней тяжести.

Таким образом, сам по себе факт превалирования в структуре вторичной преступности преступлений небольшой и средней тяжести еще не свидетельствует о ее реальной опасности. Он отражает лишь законодательную (а по сути – одну из возможных) ее оценок. Если обратиться к так называемой «содержательной» характеристике вторичной преступности и оценить ее структуру, исходя из вида посягательства, то необходимо отметить здесь высокий удельный вес весьма опасных и распространенных преступлений.

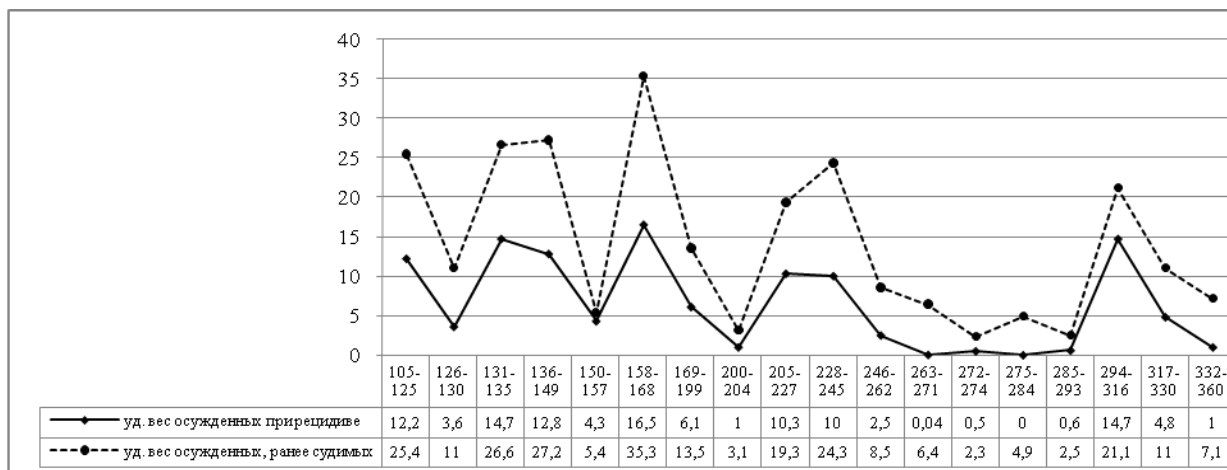
Чтобы структурировать этот вид преступности более наглядно, представляется возможным исключить из дальнейших расчетов число ранее судимых лиц, осужденных за кражи (их удельный вес составляет в среднем 43%). При таком подходе устанавливаем, что 19% ранее судимых лиц вновь осуждены за грабеж, 18% – за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и их аналогов, 7% – за мошенничество, по 5% – за разбой и угон транспортных средств, 6% – за причинения тяжкого вреда здоровью, 4% – за легкий вред и побои, по 3% – за убийство и

причинение средней тяжести вреда здоровью. Эти преступления в общей массе составляют 80% в структуре вторичной преступности (рассчитанной без учета краж) и вполне могут рассматриваться в качестве индексных. Исходя из этого, следует констатировать, что преобладание в структуре вторичной преступности преступлений небольшой и средней тяжести определено именно большим числом и удельным весом краж. За исключением этих преступлений вторичная преступность представляет собой весьма опасный феномен, незаслуженно игнорируемый законодателем, который не признает факт совершения преступления ранее судимым лицом даже отягчающим наказанием обстоятельством.

Важно обратить внимание, что структура вторичной преступности во многом совпадает со структурой рецидивной преступности, рассчитанной таким же образом (а именно—исходя из вида преступления и при исключении из расчетов краж, которые в структуре рецидивной преступности составляют более 45%). Проведенные исследования показывают, что в структуре рецидивной преступности по 21% занимают грабежи и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и их аналогов, по 7%—разбой, мошенничества и причинение тяжкого вреда здоровью, 3,5%—убийства.

Совпадение структуры относительно (по крайней мере, статистически) самостоятельных видов преступности в данном случае не может рассматриваться как простое совпадение или случайность. Оно продиктовано, с одной стороны, соотношением рецидивной и вторичной преступности как части и целого, общностью детерминирующих факторов вторичной и рецидивной преступности, а с другой стороны – искусственным, конвенциональным характером легальных параметров рецидива. Преступления (какими бы они не были) обладают равными потенциальными возможностями в части порождения вторичного и (или) рецидивного преступления (см. рис. 5).

Рисунок 5. Рецидивоопасность преступлений

Статистика свидетельствует, что наибольший удельный вес и рецидивистов, и лиц, ранее совершавших преступления, зафиксирован в числе осужденных за преступления против собственности (соответственно 16,5% и 35,3%), против половой свободы и половой неприкосновенности личности (14,7% и 26,6%), против здоровья населения и общественной нравственности (10,0% и 24,3%), против жизни и здоровья личности (12,2% и 25,4%).

При этом весьма четко можно выделить отдельные преступления, обладающие наиболее высокими показателями рецидиво- и повтороопасности. В частности, среди преступлений против жизни и здоровья таковыми выступают причинения тяжкого вреда здоровью (32,4% рецидивистов и 23,1% ранее судимых лиц), убийство (18,6% рецидивистов и 10,9% ранее судимых лиц); среди половых преступлений – насильственные посягательства, предусмотренные ст. 131 и ст. 132 УК РФ (94,9% рецидивистов и 86,9% ранее судимых лиц); среди преступлений против общественной безопасности и общественного порядка – преступления, связанные с оборотом оружия (79% рецидивистов и 64,5% ранее судимых лиц); среди преступлений против здоровья населения и общественной нравственности – преступления, связанные с наркотиками (96,5% рецидивистов и 95,2%).

Исходя из этих данных, вполне закономерно, что и личностные особенности рецидивистов и судимых лиц, в чьих действиях не обнаруживаются признаки рецидива, не имеют принципиальных отличий. Это, преимущественно, мужчины, лишённые социально одобряемых связей, исключённые из сферы влияния основных социальных институтов, естественно судимые, весьма часто находящиеся на границе социума, маргиналы. Для них считаются характерными такие качества, как: несдержанность, неадекватность, примитивизм эмоциональных реакций; авторитарность, безразличие к переживаниям других, мстительность и обидчивость, завышенная самооценка, а также зачастую слабоволие и неспособность самостоятельно разорвать существующие социальные контакты. Они отличаются также слабым развитием или полным отсутствием должных отношений к господствующим в обществе социальным и моральным ценностям: общественному труду, семье, другим лицам, самому себе.

Личность преступника – одна из центральных характеристик не только вторичной, рецидивной, но и в целом «множественной» преступной деятельности. Ю.М. Антонян справедливо пишет, что «личность преступника – это личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или непроявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата»¹. Личность, таким образом, непосредственно «вписана» в механизм детерминации преступности, объясняет ее и, тем самым, способствует разработке наиболее действенных, эффективных средств предупреждения преступности, в том числе и уголовно-правовых. Личность преступника является своего рода призмой, через которую преломляется действие иных криминогенных факторов преступности. Взаимное влияние

---

¹ Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб., 2004. С. 16.

личности и среды один из самых сложных в криминологии вопросов. Не углубляясь в его детальный анализ, обратим внимание на позицию С.В. Познышева по этому вопросу. Он писал, что в зависимости от степени активности внутренних (личностных) или внешних обстоятельств в продуцировании преступления, в зависимости от силы предрасположения к преступлению, все преступники делятся на две группы: эндогенные и экзогенные. «Преступники первого типа, если и совершают преступление при тяжелых внешних обстоятельствах, то главным образом, не вследствие давления на них этих обстоятельств; главная роль принадлежит их предрасположению к преступлению. У преступников второго типа преобладающая роль в генезисе их преступлений принадлежит внешним факторам»¹. Именно в разряд «эндогенных» преступников, как правило, и попадают лица, совершающие вторичные и рецидивные преступления.

Приведенные данные и рассуждения, как представляется, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что повторение преступлений как криминологический феномен развивается по своим собственным законам, мало связанным с законом уголовным и с теми мерами, которые в нем предусматриваются для неоднократно судимых лиц². Уголовный кодекс относительно произвольно наделяет некоторое сочетание преступлений, совершаемых ранее судимыми лицами, статусом рецидива и ранжирует его на виды. В литературе отмечается, что такое «сужение рамок рецидива в уголовном законодательстве объясняется специфичностью роли, которую выполняют указанные определения, – квалификация преступления, назначение меры и вида наказания»³. С этим замечанием сложно спорить, но и оправдывать несовпадение параметров уголовно-правового контроля

---

¹ Познышев С.В. Криминальная психология: преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / сост. и предисл. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М., 2007. С. 35.

² Досаева Г.С. Социальные и криминологические основания института множественности преступлений / Г.С. Досаева // Общество и право. 2014. № 4. С. 97–103.

³ Криминология. Учебник / под ред. Г.А. Аванесова. 4-е изд. М., 2006. С. 408.

вторичной преступной деятельности ее реальным социальным и криминологическим характеристикам тоже нельзя. Вопросы квалификации и назначения мер уголовно-правового характера должны разрабатываться не просто с учетом, а исходя из предельно четкого понимания того, что из себя представляет то или иное явление, требующее уголовно-правовой реакции. Закон же, как представляется, исходит из иных оснований и целей, связанных с мнимой гуманизацией наказаний и формальным «облегчением» структуры преступности в формах статистической отчетности.

Наблюдаемое сегодня отвлеченно искусственное отражение преступной деятельности ранее судимых лиц в тексте уголовного закона сопровождается аналогичным по своей сути подходом к оценке совокупности преступлений. Закон сугубо формально предписывает процедуру и основания назначения наказания, исходя их количества и категории совершенных преступлений. Суть этих преступлений, их социальная и криминологическая характеристика, особенности личности виновного закон в данном случае не интересуют.

Вероятно, в силу этого организация статистического наблюдения за совокупностью преступлений не позволяет выяснить об этой форме множественности практически ничего. Показатель «число лиц, впервые совершивших два и более преступления» в Ф. 11 статистической отчетности судов не включает в себя данные о лицах, уже имеющих судимость и совершивших несколько преступлений, за которые они привлекаются к ответственности; отчетность не позволяет выяснить, какие именно преступления входили в совокупность, не предоставляет данных об особенностях лиц, совершающих несколько преступлений; сведения о лицах, которым по совокупности преступлений или приговоров назначено наказание выше верхнего предела санкции также малоинформативны, и т.д.¹.

---

¹ В порядке предложений по оптимизации статистического наблюдения полагаем, что для большей информативности было бы целесообразным, во-первых, переименовать данный показатель в более точный—«лица, осужденные за совокупность преступлений», во-вторых, учитывать в соответствующем столбце данные о лицах, для которых то или иное

Такое положение дел, как представляется, связано с нерешенностью современным уголовным законодательством и уголовно-правовой доктриной сущностного, методологического вопроса о том, что же именно—множество преступлений или лицо, совершившее это множество, выступает основанием для усиления уголовной ответственности и наказания. Этот вопрос, как показало предшествовавшее историко-правовое исследование, всегда был в центре внимания при обсуждении проблем множественности преступлений.

Сегодня он тоже относится к числу острых и значимых. При этом его острота, возможно, не вполне отчетливо проявляется при обсуждении проблем совокупности преступлений, поскольку здесь основная задача состоит в сложении уже назначенных наказаний, итоговая сумма которых должна определяться с учетом представлений о разумности и достаточности уголовного наказания. Но со всей силой значимость вопроса об основаниях усиления ответственности являет себя при обсуждении рецидива преступлений. Здесь нет единого подхода. К примеру, А.И. Чучаев и Г.К. Буранов утверждают, что «именно повторный криминальный поступок определяет причину ухудшения уголовно-правового статуса преступника, хотя при назначении наказания, безусловно, должна учитываться и его личность»¹. В нашем исследовании этот тезис был поддержан 56% опрошенных специалистов. В тоже время В.Ф. Шевченко замечает, что «необходимость усиления ответственности при рецидиве всегда связывалась с особенной закоренелостью, нравственной испорченностью лица, его неисправимостью»². Эта мысль, в свою очередь, находит поддержку у 44% респондентов.

входящее в совокупность преступление является наиболее тяжким, в-третьих, ввести в Разделы 1 и 2 Формы 11 дополнительную строку (83) «лица, осужденные за совокупность преступлений» с тем, чтобы собирать и обобщать информацию о демографических признаках таких лиц и иных социальных особенностях совершенных ими преступлений.

¹ Чучаев А.И., Буранов Г.К. Рецидив преступления и наказание // Журнал Российского права. 2000. №. 12. С. 33.

² Шевченко В.Ф. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика рецидивной преступности (на материалах Санкт-Петербурга). Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 11.

Нерешенность рассматриваемого вопроса в теории уголовного права и его неоднозначное восприятие профессиональным сознанием, тем не менее, имеет место на фоне вполне определенного отношения к нему со стороны законодателя. Как показал предшествующий анализ, к настоящему времени отечественный Уголовный кодекс формально не признает особенности личности виновного основанием или хотя бы элементом в построении системы множественности преступлений (вероятно в силу этого организация статистического наблюдения построена таким образом, что не позволяет выявить личностные особенности тех, кто осужден по совокупности преступлений или совокупности приговоров). Закону важнее количество совершенных преступлений и степень их тяжести. Это подход, выдержанный, по преимуществу, в рамках классической уголовно-правовой школы.

Между тем, его ограниченность была признана уже достаточно давно (хотя надо признать, что сбалансированной системы учета постулатов классической и социологической школ достичь так и не удалось). Она в известной мере подтверждается и результатами проведенного социально-криминологического исследования, которое с достаточной степенью убедительности свидетельствует о том, что сколько-нибудь существенных и специфических криминологических оснований под современными конструкциями рецидива преступлений и совокупности преступлений нет: рецидив по основным социальным и криминологическим параметрам не отличается от вторичной преступности, а совокупность преступлений включает настолько разнородные с криминологической точки зрения сочетания преступлений, что определить социальные основания этой нормативной конструкции просто не представляется возможным.

На наш взгляд, сложившаяся ситуация не может быть признана удовлетворительной. Она свидетельствует о глубоком разрыве в основаниях и целях контроля над множественной преступной деятельностью со стороны уголовного права и криминологии. Если уголовному праву, действительно,

важны лишь вопросы квалификации и назначения наказания, то криминологию интересует более широкая социальная перспектива, связанная с профилактикой преступлений. Пересечение этих двух стратегий происходит лишь в точке, именуемой «уголовное наказание» (или шире – меры уголовно-правового характера), поскольку наказание признается средством предупреждения преступления и с этих позиций тяготеет к предмету криминологии, а проблемы квалификации не выходят за пределы ответственности уголовного права и не имеют к криминологической науке и практике никакого отношения.

Уголовное право и криминология, таким образом, и могут, и должны совместными усилиями воздействовать на феномен множественности преступлений. При этом следует признать само собой разумеющимся, что разрабатывать профилактические и наказательные стратегии без учета личностных свойств преступника бесперспективно. Ведь все меры индивидуальной профилактики, включая наказание, по определению предполагают воздействие непосредственно на личность виновного.

Когда же речь заходит о личности преступника, совершающего множество преступлений, вопросы, связанные с количеством совершенных преступлений, их формально закрепленной категориальной принадлежностью, наличием или отсутствием судимости, то есть всем тем, что составляет нормативный каркас множественности преступлений, во многом отходят на второй план, уступая место совершенно иным признакам и показателям множественной преступной деятельности, а именно тем, которые связаны с характеристикой субъективных устремлений виновного, мотивов его деятельности, объектом и механизмом совершения преступлений, наличием взаимосвязей между ними. Не случайно, обсуждение проблем множественной преступной деятельности в криминологии мало связано с анализом данных о распространенности отдельных легальных форм множественности преступлений, но зато непосредственно сопряжено с проблематикой злостного, привычного или

профессионального преступника. Важнейшими характеристиками этого типа личности признаются неоднократность совершения преступлений, профессионализация преступной деятельности, обращение ее в привычку и в средство обеспечения материального благополучия, криминальная специализация на отдельных преступлениях или преступных операциях, особая конфигурация ценностных ориентаций и специфический социальный статус. При этом профессиональный (привычный) преступник с точки зрения уголовно-правовой характеристики не обязательно является многократно судимым или рецидивистом; среди них достаточно много лиц, чьи действия в уголовно-правовой квалификации и статистике отражаются как совокупность преступлений, а в некоторых ситуациях и вовсе—как единичное преступление¹.

Не станем на страницах настоящей работы вступать в обсуждение проблемы давно поставленной и относительно неплохо разработанной правовой наукой – проблемы, которая связана с характеристикой типов личности преступника, в том числе привычного или профессионального. Отметим лишь одно, что с необходимостью следует из проведенного социально-криминологического анализа: игнорирование специфических особенностей личности преступника, совершающего несколько преступлений, в построении правового института множественности с неизбежностью влечет за собой возникновение неоправданного разрыва между его криминологической и уголовно-правовой оценкой; делает уголовно-правовой контроль множественности искусственно-отвлеченным и сугубо формализованным.

В таких условиях ожидать эффективности уголовно-правового воздействия на множественную преступную деятельность не приходится. Представляется, что настало время хотя бы на уровне множественности преступлений как отдельно взятого правового института решить

---

¹ См. об этом: Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 135.

фундаментальный вопрос уголовной политики – подлинно и полноценно обеспечить социально-криминологическую адекватность уголовного законодательства реалиям множественной преступной деятельности и актуальным потребностям противодействия ей.

Логика научного анализа в данном случае закономерно подсказывает, что исходной точкой в оценке состояния и определении перспектив развития уголовно-правового института должны лежать знания о том феномене, на который собственно этот институт должен воздействовать. Более того, как верно указывал В.М. Коган, выяснение обусловленности уголовного права с необходимостью предполагает анализ противоречий общественного развития, лежащих в основе преступного поведения¹. Представляется, что именно в причинах множественной преступности и следует искать нечто, что должно определить оптимальную конфигурацию уголовно-правового института множественности.

Вопрос этот в полномасштабном виде еще не исследован наукой, при том, что детальному анализу здесь подвергнуты причины и условия рецидивной (повторной, пенитенциарной, профессиональной) преступности. Не имея возможности представить в настоящей работе глубокий и всесторонний взгляд на проблемы детерминации множественной преступной деятельности (этот вопрос все-таки далеко выходит за пределы предмета исследования), отметим, что в методологическом отношении из анализа детерминант множественной преступности следует исключить те, которые предметно связаны с совершаемым преступлением, и сконцентрировать внимание на тех факторах, которые обуславливают именно повторение преступления. А они, как представляется, сводятся к трем основным: а) специфические особенности личности виновного; б) просчеты и недостатки в работе правоохранительных, пенитенциарных органов по выявлению преступлений, назначению и исполнению мер уголовно-правового характера, в) недостатки в работе социальных органов по социальной и

---

¹ Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. С. 11.

психологической реабилитации и поддержке отбывших наказание лиц. Именно они были отмечены в качестве ведущих большинством из опрошенных в процессе социологического исследования респондентов (54%, 67%, 69% – соответственно).

Очевидно, что уголовное право предоставляет возможности и содержит резервы оптимизации воздействия на обе эти группы причин и условий. Но предписаниями, образующими собственно институт множественности преступлений, вторая группа факторов объективно не уязвима. Они могут (и должны!) оказывать воздействие лишь на первую группу факторов, связанных с личностью виновного. Отсюда еще одно доказательство того немаловажного факта, что личность виновного не может быть проигнорирована законодателем при конструировании форм множественности и должна быть вписана в структуру предписаний соответствующего института.

Это требует кардинального пересмотра сформированной в УК РФ системы нормативных положений. Однако, на наш взгляд, именно в этом направлении следует двигаться в рамках разработки основных направлений совершенствования российской уголовной политики и уголовного права, поскольку именно здесь можно достичь оптимального согласования социологических, криминологических и правовых параметров множественной преступной деятельности в интересах обеспечения эффективности законодательства и предупреждения преступности.

§2. Понятие, признаки и социально-криминологические основания множественности преступлений как уголовно-правового феномена

Множественная преступная деятельность одного лица, как показало социально-криминологическое исследование, представляет собой весьма распространенное явление, занимающее весомую долю в структуре преступности. В ситуации, когда почти каждый второй из лиц, представших

перед судом, совершил несколько преступлений, от законодателя требуется особый, максимально взвешенный подход к отбору и нормативной фиксации тех или иных сочетаний преступных деяний в качестве проявления легально признаваемых форм множественности, требующих специфической, как правило, более жесткой, уголовно-правовой реакции. Разработка таких законодательных конструкций должна осуществляться на основе универсального понятия множественности преступлений, позволяющего отразить основные признаки данного явления, значимые для решения задач уголовно-правового регулирования соответствующей группы общественных отношений.

Надо признать, что при всей теоретической и прикладной значимости этого вопроса, отечественная наука к сегодняшнему дню не располагает общепризнанным и в полной мере убедительным его решением. Более того, некоторые специалисты вообще отказываются от формулировки общего понятия множественности преступлений. Так, согласно суждениям А.М. Яковлева, «понятие множественности преступных деяний находит свое конкретное воплощение в понятиях повторности, рецидива и совокупности преступлений»¹. Здесь без раскрытия существенных признаков множественности, перечисляются лишь предусмотренные в законе формы ее проявления. Теоретическая несостоятельность такого подхода неоднократно подвергались критике в науке, и это в известной степени избавляет нас от необходимости повторять известные оценки. Отметим лишь, что, несмотря на обоснованную критику, он все еще находит воплощение в некоторых современных учебниках по уголовному праву².

Гораздо более представительной и по своему убедительной является группа авторских учений о множественности преступлений, предлагающих формулировку искомого общего понятия. Здесь у специалистов нет единства мнений. Имеющиеся разногласия связаны по преимуществу с тем,

---

¹Яковлев А.М. Совокупность преступлений. М., 1960. С. 5.

² См., например: Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб, 2006. С. 618–621.

что исследователи акцентируют внимание на тех или иных отдельных признаках множественности, при этом зачастую игнорируя значимость других.

Так, Г.Т. Ткешелиадзе, Н.Б. Алиев берут за основу определения лишь количественный показатель множественности и определяют ее как совершение одним лицом двух или более преступлений¹. Очевидно, что это крайне широкая трактовка множественности, охватывающая собой все потенциально возможные сочетания нескольких преступлений в биографии лица. Уже в силу этого она не может быть признана в полной мере удачной. Однако несомненным достоинством такого подхода служит подчеркнутое внимание к тому, что каждое из входящих в множественность деяний должно быть именно преступлением, а не каким иным правонарушением².

Этот нюанс определения выдвинут на первый план еще в работах Е.А. Фролова, Р.Р. Галиакбарова и Ю.А. Красикова, которые при формулировке исследуемой дефиниции обращаются к категории состава преступления и указывают, что множественность преступлений есть

---

¹ Ткешелиадзе Г.Т. Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному праву. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Тбилиси, 1961. С. 10; Алиев Н.Б. Множественность преступлений // Социалистическая законность. 1981. № 6. С. 27.

² В силу этого не могут быть рассматриваемы с позиций учения о множественности преступлений деяния, предусмотренные сегодня ст. 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции», ст. 154 «Незаконное усыновление», ст. 180 «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)», ст. 212.1 «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования», ст. 314.1 «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений» УК РФ, где одним из альтернативно-обязательных признаков состава выступает неоднократность, поскольку согласно разъяснениям самого УК, в данных случаях имеет место неоднократность именно административных правонарушений, которая оценивается законодателем в качестве преступления. Эта ситуация есть проявление административной преюдиции в уголовном законе, но не множественности преступлений. Равным образом нет оснований для постановки вопроса о множественности в ситуации совершения преступлений, предусмотренных ст. 241 «Организация занятия проституцией», ст. 151 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий», поскольку каждое взятое в отдельности действие по предоставлению помещения для занятия проституцией или по склонению подростка в тому или иному антиобщественному действию еще не образует преступления; систематичность в данном случае – характеристика действия в рамках единичного преступного посягательства.

совершение виновным одного или нескольких деяний, содержащих признаки нескольких составов преступлений¹. Близка к изложенной и позиция В.Н. Кудрявцева, по мнению которого множественность преступлений характеризуется тем, что все совершенное не охватывается одной нормой Особенной части, предусматривающей единичное преступление². Аналогичную позицию занимает Е.Н. Швец, когда пишет, что «необходимым условием определения множественности является установление признаков состава преступления в каждом отдельном из входящих в нее деяний»³.

Приведенные суждения крайне важны в понимании самостоятельного характера каждого из входящих множественность преступлений, требующих самостоятельной же оценки. Они вполне могли бы стать прочной основой для теоретического и законодательного конструирования множественности и ее форм. Однако законодатель ни ранее, ни сейчас не придерживается этого правила строго. С.П. Бузынова применительно к условиям уголовного закона советской поры писала, что требование применения двух уголовно-правовых норм для оценки множественности преступлений не является универсальным, поскольку ответственность за некоторые случаи множественности преступлений (неоднократность, систематичность, промысел) предусматривается одной нормой⁴. В действующем УК РФ после реформы института множественности в 2003 году сложилась ситуация, когда Особенная часть не знала предписаний о множественности. Все, что касалось правовой оценки нескольких преступлений, было сосредоточено в статьях 16–18 и 68–70 УК РФ. В наши дни, после некоторого перерыва, длившегося с

---

¹ Фролов Е.А., Галиакбаров Р.Р. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права. Свердловск, 1967. С. 3; Красиков Ю.А. Множественность преступлений: социальная сущность и проблемы уголовной ответственности. Диссертация ... д-ра юрид. наук в форме научн. докл., выполняющего также функции автореферата. М., 1989. С. 8.

² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 284.

³ Швец Е.Н. Совокупность преступлений: понятие, виды, наказуемость. Диссертация ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 6.

⁴ Бузынова С.П. Множественность преступлений и ее виды (уголовно-правовое исследование). М., 1988. С. 5; см. также: Панько К.А. Вопросы общей теории рецидива в советском уголовном праве. Воронеж, 1988. С. 8.

2003 по 2012 годы, законодательство вернулось к прежней традиции. Введенный в статьи 131, 132, 134, 135 УК РФ квалифицирующий признак «совершение преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего» как раз отражает ситуацию, когда сочетание двух преступлений в биографии лица, за одно из которых оно было ранее осуждено, получает оценку по одной статье уголовного закона. Ситуацию, когда множественное совершение тождественных преступлений без осуждения за них, составляет согласно закону единичное преступление, демонстрирует ст. 117 УК РФ «Истязание» (в части ответственности за причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев)¹.

Рассматриваемый вопрос крайне важен, принципиален. Он восходит к теоретической проблеме строения института множественности—может ли он включать в себя предписания Особенной части уголовного закона или же всецело относится к области институтов Общей части? Представляется, что современный уровень развития законодательных технологий позволяет всецело «вынести за скобки» Особенной части уголовного закона предписания о содержании и правовых последствиях множественной преступной деятельности². Если предназначение институтов Особенной части—урегулировать отношения, возникающие в связи с совершением отдельных преступлений, то будет вполне логичным и закономерным, что

---

¹ В этом ряду нельзя рассматривать положения ст. 264.1 УК РФ об ответственности за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию. Совершение административного проступка лицом, имеющим судимость за ранее совершенные деяния, предусмотренные ч. 2, 4 или ч. 6 ст. 264 УК РФ, являет собой яркий пример того, когда основанием уголовной ответственности признаются свойства личности человека, совершающего административный проступок, что входит в откровенное противоречие с требованиями ст. 8 УК РФ.

² Более того, последовательная дифференциация институтов Общей и Особенной части уголовного закона справедливо признается одним из приоритетных направлений развития уголовного права России на современном этапе (см., например: Жук М.С. Теоретические основы построения системы институтов Российского уголовного права. Краснодар, 2011. С. 86–87).

регулирование отношений, возникающих в связи с множеством преступлений—не есть задача этих институтов. Наличие же положений, отражающих множественность в предписаниях Особенной части об отдельных преступлениях порождает нонсенс, когда одно и то же явление одновременно образует и единичное преступление (поскольку квалифицируется по одной статье закона), и множественность (поскольку по одной статье предлагается квалифицировать два преступления).

Если строго соблюдать тезис о том, что множественность требует наличия двух или более самостоятельных преступлений, а каждое преступление требует самостоятельной оценки по отдельной статье (части статьи) УК РФ, то вполне закономерно, что множественность преступлений не может быть предусмотрена в рамках одного состава преступления. Деяние не может быть одновременно и единичным преступлением, и множественностью преступных деяний. Помимо теоретических и логических противоречий, это порождает крайне сложную практическую проблему конкуренции положений Общей и Особенной части УК РФ. К примеру, совершение полового преступления против несовершеннолетнего лицом, ранее судимым, не только содержит в себе признаки квалифицированного состава преступления, но одновременно может содержать в себе и признаки рецидива как формы множественности.

Наше право ранее сталкивалось с подобной ситуацией. Как известно, она разрешалась по правилам конкуренции общей и специальной нормы. Исследователи правильно констатировали: если судимость лица является квалифицирующим признаком преступления, то факт рецидива уже учтен законодателем при конструировании санкции статьи, следовательно, содеянное хотя и подпадает формально под признаки множественности преступлений, тем не менее, не влечет за собой последствий, установленных для рецидива, а квалифицируется и оценивается как единичное преступление

в пределах санкции статьи уголовного закона¹. Хотя надо признать, что такое решение разделялось не всеми специалистами. Теоретические сложности и практические проблемы в конечном итоге сподвигли законодателя на исключение признака предшествующей судимости из числа квалифицирующих в составах единичных преступлений. Это, на наш взгляд, было правильное решение. Проведенный в процессе подготовки настоящей работы опрос практикующих юристов показал, что 89% из них также поддерживали это нормотворческое решение.

Современное возвращение к отторгнутой идее не может приветствоваться. Его в известной степени можно рассматривать как реакцию законодателя на действия самого же законодателя по «облегчению» конструкции рецидива преступлений и смягчению правил назначения наказания за рецидив. Уменьшив репрессивный потенциал общих норм, законодатель встал на путь усиления ответственности в отдельных, частных случаях. Это недальновидная и непродуктивная политика, состоящая в попытке решить некоторые частные проблемы без обращения к общим предписаниям, к тому же связанная с противоречивым и разнонаправленным реформированием общих и специальных норм.

С учетом сказанного, полагаем, что в составах половых преступлений против несовершеннолетних следует исключить квалифицирующий признак «совершение преступления лицом ранее судимым» (при этом мы утверждаем о необходимости, но пока не обсуждаем вопроса о содержании корреспондирующей коррекции норм о рецидиве преступлений). Что же касается состава истязания (ст. 117 УК РФ), где альтернативным признаком выступает систематическое совершение побоев (ст. 116 УК РФ), то здесь, мы полагаем, будет достаточной редакционная правка законодательного текста. Очевидно, что в составе истязания ключевую роль играет не факт наличия нескольких преступлений в поведении субъекта, а то обстоятельство, что

---

¹ Курс уголовного права. В 5 т. Общая часть. Т. 2. Учение о наказании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 138.

виновный систематически применяет насилие в отношении потерпевшего. Именно этот признак и следует отразить в составе истязания, сформулировав диспозицию ч. 1 ст. 117 УК РФ следующим образом: «причинение физических или психических страданий путем систематического применения насилия либо иными насильственными действиями, если это не повлекло за собой последствий, указанных в статьях 111 и 112 настоящего Кодекса».

Такие корректирующие решения будут способствовать «очищению» Особенной части УК РФ от описания проявлений множественной преступной деятельности, обеспечат последовательное соблюдение правила о закреплении в составе преступления признаков лишь единичного посягательства. Тем самым они будут подкреплять тезис о том, что множественность преступлений образуют самостоятельные преступные деяния, каждое из которых содержит отдельный состав преступления, предусмотренный самостоятельной уголовно-правовой нормой.

Наличие двух преступлений – важный, но далеко не единственный признак множественности¹. Требования принципа гуманизма и правовой определенности предполагают, что уголовно-правовой оценке в качестве множественности может подлежать лишь такое стечение отдельных преступлений, в котором каждое преступление (или хотя бы как минимум два) подлежит официальной уголовно-правовой оценке или сохраняет ее последствия. Это требование давно признано наукой. В частности, В.П. Малков подчеркнуто определял множественность преступлений как «случаи совершения лицом двух или более преступлений..., если при этом хотя бы по двум из них не погашены юридические последствия либо не имеется процессуальных препятствий к уголовному преследованию»². Такой подход разделяется сегодня в подавляющем большинстве научных

---

¹ Досаева Г.С. Совершение двух и более преступлений как признак множественности // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: материалы Третьей Всерос. науч.-практ. конф., 26 ноября 2015 г. / под ред. А.В. Бриллиантова, Ю.Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2016. С. 214–222.

² Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 12.

публикаций¹. В силу данного требования совершение двух преступлений не будет образовывать множественности, если по одному из них: истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности; погашена или снята судимость; имел факт освобождения от уголовной ответственности или от уголовного наказания (в том числе актом амнистии или помилования); имеются уголовно-процессуальные препятствия к возбуждению уголовного дела (например, по делу частного обвинения отсутствует жалоба потерпевшего).

Смысл включения указанных обстоятельств в теоретическую конструкцию множественности состоит в том, чтобы подчеркнуть наличие в исследуемой ситуации двух параллельно развивающихся уголовно-правовых отношений, вызванных соответственно двумя преступлениями. Если какое-либо из этих отношений не началось или по каким-либо предусмотренным законом обстоятельствам прекратилось, то это означает, что связанные с этими отношениями преступные деяния не получили или утратили свойство юридического факта, а следовательно они не могут подлежать уголовно-правовой оценке ни сами по себе, ни в совокупности с иными фактическими обстоятельствами; они исключаются из числа деяний, способных образовать множественность преступлений.

Эти рассуждения могут быть взяты за основу при определении множественности в качестве некоего общего требования. Однако ситуация не столь однозначна, как представляется на первый взгляд. Здесь необходим дифференцированный анализ, поскольку даже при сохранении правовых последствий за двумя преступлениями они не всегда составляют

---

¹ См.: Криволапов Г.Г. Множественность преступлений (неоднократность, совокупность, рецидив). М., 1997. С. 9; Петухов Р.Б. Множественность преступлений по Уголовному кодексу РФ. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 10; Бражник Ф. Множественность преступлений – отражение их совокупной общественной опасности // Уголовное право. 2000. № 3. С. 6; Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2001. С. 242; Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. Диссертация ... д-ра юрид. наук. Кемерово, 2001. С. 55; Рогова Н.Н. Совокупность преступлений: вопрос теории и практики. Диссертация ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 19; Сорокин А.И. Множественность преступлений и ее уголовно-правовая оценка. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 20.

множественность, равно как отсутствие правовых последствий не всегда однозначно свидетельствует в пользу отсутствия множественности.

Так, в целом ряде случаев сохранение уголовно-правовых последствий за преступлениями не дает оснований для оценки их в качестве проявления множественности. По общему правилу, когда государство освобождает лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности, оно аннулирует правовое значение совершенного преступления (последнее признается как бы несуществовавшим) и, что немаловажно, отказывается от официального порицания лица, совершившего преступления (оно не признается преступником и не остается «под подозрением»). Возобновление правовых отношений в этом случае и повторное привлечение к уголовной ответственности невозможно в силу принципиальных требований определенности правового статуса личности: человек должен быть уверен в том, что отказавшись от реализации права уголовного наказания, государство в какой-то момент не изменит своего решения. Следовательно, преступление, совершенное лицом, ранее освобожденным от уголовной ответственности, не может образовывать множественности с деянием, по которому состоялось освобождение от ответственности. Законодатель создает надежные гарантии такого развития событий. Однако здесь есть исключение, предусмотренное в ст. 90 УК РФ, которая конструирует условное основание освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия. Уголовно-правовое отношение в данном случае не прекращается полностью, оно приостанавливается, поскольку ч. 4 ст. 90 УК РФ предусматривает возможность отмены принудительной меры воспитательного воздействия и направления материалов для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Не углубляясь в анализ вопросов собственно ответственности несовершеннолетних, отметим в разрезе исследуемой темы, что преступление, совершенное подростком, освобожденным от ответственности на основании ст. 90 УК РФ, не образует с первым

преступлением множественности, несмотря на то, что по первому преступлению сохраняются уголовно-правовые последствия¹.

Можно привести еще ряд примеров, когда сохранение правовых последствий по первому преступлению не дает оснований констатировать множественность в поведении лица: совершение преступления лицом, отбывшим наказание и имеющим судимость за ранее совершенное неосторожное преступление; совершение умышленного преступления лицом, отбывшим наказание за преступление, совершенное в несовершеннолетнем возрасте; совершение неосторожного преступления лицом, отбывшим наказание и имеющим судимость за какое-либо преступление. Все эти ситуации убеждают, что рассматриваемый признак (наличие правовых последствий за каждым преступлением, входящим в совокупность) не является универсальным.

В тоже время в некоторых ситуациях аннулирование правовых последствий совершения первого преступления не дает оснований однозначно и категорично утверждать об исключении правовых последствий предшествующих преступлений. Речь, в частности, идет о правовом значении снятой или погашенной судимости. Как известно, согласно ч. 6 ст. 86 УК РФ, погашение или снятие судимости аннулирует все ее правовые последствия, предусмотренные уголовным законом. Подчеркнем, после изменений, внесенных в эту часть кодекса летом 2015 года, существовавшая ранее фикция об устранении всех без исключения правовых последствий была ликвидирована. Аннулирование судимости сегодня формально

---

¹ Параллельно заметим, что согласно буквальному толкованию закона, совершение нового преступления несовершеннолетним, освобожденным от уголовной ответственности в силу ст. 90 УК РФ, не может рассматриваться в качестве основания отмены решения об освобождении от ответственности. В итоге, параллельно существующие уголовно-правовые отношения, в рамках которых лицо освобождено от ответственности за первое преступление и привлечено к ответственности за второе преступление, также не дают оснований для констатации множественности преступлений. Полагаем, что это не вполне обоснованное законодательное решение. На наш взгляд, есть все основания к тому, чтобы в рассматриваемой ситуации установить правила, аналогичные предписаниям об отмене условного осуждения.

ликвидирует лишь ее уголовно-правовые последствия¹, допуская сохранение при этом последствий, предусмотренных в законодательстве иной отраслевой принадлежности. Более того, судимость, даже снятая или погашенная, составляет важную часть характеристики личности виновного, всесторонний учет данных о которой составляет неременное требование закона при назначении уголовного наказания или выборе иной меры уголовно-правового характера.

Вопрос о возможности учета снятой или погашенной судимости при оценке данных о личности является весьма спорным. С одной стороны, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 20 от 29.10.2009 г. «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» вполне определенно провозгласил: «суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих личность подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей». Но в тоже время практике самого Верховного Суда известны случаи, когда он признавал правомерным учет предшествующей снятой судимости в качестве элемента характеристики личности виновного. В частности, в постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 23.11.2005 г. № 785-П05 по делу Глебова было признано правомерным решение суда Челябинского областного суда о применении к подсудимому ст. 62 УК РФ, чем было подтверждено отсутствие в деле отягчающих наказание обстоятельств, хотя в приговоре и было зафиксировано, что Глебов неоднократно привлекался к уголовной ответственности за совершение преступлений, но с учетом того, что судимости у него погашены в установленном законом порядке, они рассмотрены судом лишь как сведения, характеризующие его личность².

Проведенный нами опрос практикующих судей также показал неоднозначность ситуации: 35% из них не допускают возможности учета

---

¹ См. об этом: Шаутаева Г.Х. Судимость в уголовном праве и ее правовое значение. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2000. С. 17–18.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 7. С. 19–20.

снятой или погашенной судимости в качестве характеристики личности, 15% отметили, что такой учет формально возможен, остальные 50% признали, что данные о предшествующих судимостях влияют на их позицию относительно выбора меры воздействия, хотя и не фиксируются непосредственно в мотивировочной части процессуальных документов.

Представляется, что противоречивость и неоднозначность ситуации с учетом аннулированной судимости непосредственно связана с нерешенностью основного вопроса множественности об основании усиления ответственности, выступает ли в качестве такового количество совершенных преступлений или особые свойства личности виновного. Тот факт, что судебная практика и ряд теоретиков права¹ отчасти поддерживают идею учета такой судимости в качестве элемента социально-правовой характеристики личности виновного, отражает потенциальную возможность конструирования института множественности на основании учета снятой или погашенной судимости.

Мы еще вернемся к обсуждению вопроса о социальных основаниях института множественности. Здесь же представляется достаточным констатировать, что признак сохранения правовых последствий за каждым преступлением, входящим в множественность, не является универсальным и при всей своей значимости может быть скорректирован либо соображениями уголовной политики, либо предписаниями самого уголовного закона.

Нормативные положения УК РФ относительно свободно определяют и конфигурацию преступлений в структуре множественности, и их социально-правовые характеристики, и правовые последствия. Учитывая это обстоятельство, некоторые специалисты утверждают, что отправной точкой в определении множественности преступлений должны стать именно нормы действующего уголовного законодательства.

---

¹ См., например: Дагель П.С. Институт снятия судимости и борьба с рецидивом // Проблемы государства и права на современном этапе. Владивосток, 1963. С. 46; Становский М.Н. Назначение наказания. СПб., 1999. С. 166–167; Непомнящая Т.В., Степашин В.М. Проблемы назначения наказания. Омск, 2011. С. 71.

Соответствующее, весьма формализованное, определение множественности предложено в современной науке Р.А. Санинским¹. Автор рассматривает множественность дифференцированно: как социальное явление (вся совокупность преступных действий индивидов, имеющих в наличии два или более совершенных преступлений, вне зависимости от того, как эта совокупность оценивается уголовным законом), и как явление юридическое (с учетом тех ограничений, которые заданы Общей и Особенной частями уголовного закона). Исходя из этого, понятие множественности преступлений определяется им как правовой институт, имеющий своим предметом наличие двух или более преступлений, совершенных субъектом уголовного права при отсутствии обстоятельств, исключающих множественность по закону.

Аналогичные суждения высказывались и ранее. Противопоставление социальных и юридических характеристик множественности в свое время приводило Ю.Н. Юшкова к мысли о том, что в реальности существуют легальные формы множественности и так называемая «фактическая множественность преступлений, включающая случаи неоднократного совершения лицом преступлений, которые, несмотря на очевидно более высокую степень общественной опасности по сравнению с единичным преступлением, в квалификации содеянного отражения не находят»².

Признавая несомненную ценность этих замечаний и значимость акцента на нормативной стороне множественности (который сродни признаку противоправности в дефиниции преступления), нельзя не отметить одного методологически важного обстоятельства. Оно связано с решением ставшего традиционным для уголовного права вопроса о соотношении материального и формального признаков преступления. Не вступая в большую дискуссию по этому поводу, позволим себе без развернутой

---

¹ Санинский Р.А. Теоретико-законодательные и правоприменительные аспекты множественности преступлений. Диссертация ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 33

² Юшков Ю.Н. Назначение наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров. М., 1975. С. 87.

аргументации присоединиться к мнению большинства авторитетов отечественной науки, которые трактуют противоправность как вторичный признак преступления, зависимый от общественной опасности и социальной значимости того или иного вредоносного феномена. На этой основе полагаем крайне недостаточной дефиницию множественности лишь посредством ссылки на предусмотренность того или иного сочетания преступлений в законе. Здесь крайне необходимо определить материально-правовое основание, в силу которого законодатель считает необходимым закрепить сочетание преступлений в качестве проявления множественности.

В отечественной науке этой проблеме, как представляется, уделено явно недостаточное внимание. Одно из немногочисленных суждений на этот счет состоит в том, что определение множественности должно базироваться на нормах закона, регламентирующих усиление уголовной ответственности за совершение нескольких преступлений одним лицом. В этой связи множественностью предлагается считать только те сочетания преступлений, которые в соответствии с уголовным законом влекут усиление уголовной ответственности¹.

Это, на первый взгляд, логичное дополнение рассмотренных выше признаков множественности преступлений. Однако в полной мере согласиться с ним сложно. Приведенная цитата заставляет обсудить один из наиболее значимых, по сути, методологических вопросов в рамках заявленной темы: требует ли множественность преступлений всегда усиления ответственности и является ли это требование необходимым, атрибутивным, позволяющим признать то или иное сочетание преступлений множественностью?

Внимательный анализ показывает, что законодатель не рассматривает

---

¹ См., например: Ображиев К.В. Понятие множественности преступлений // Сборник научных трудов. Ставрополь, 2003. С. 96–97; Васильева Е.Г. Формы множественности преступлений по действующему уголовному законодательству. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. С. 13, 15; Калинина Т.А. Формы и виды единичного преступления и их отграничение от множественности преступлений. Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 61.

усиление репрессии в качестве необходимого следствия совершения лицом нескольких преступлений: при рецидиве усиление репрессии может быть блокировано данными о личности виновного, совершенном преступлении, смягчающими обстоятельствами; при совокупности преступлений допускается поглощение наказаний и их частичное сложение (что в реальности может означать, напротив, смягчение ответственности и наказания по сравнению с ситуациями разрозненного и последовательного совершения преступлений). Пожалуй, единственная ситуация, где усиление репрессии более или менее очевидно, – это назначение наказания по совокупности приговоров. Однако следует иметь в виду, что и в случае совокупности преступлений, и при совокупности приговоров как такового усиления репрессии именно в силу факта множественности преступлений не происходит. Законодатель устанавливает правила сложения наказаний, которые назначаются за каждое преступление в отдельности без учета факта множественности. Усиление репрессии здесь сугубо «механическое», если будет допустимо так выразиться, обусловленное практическими соображениями определения итогового наказания и представлениями о справедливости.

Ранее, при обсуждении вопросов о структуре института множественности преступлений, мы отмечали, что он базируется, среди прочего, на принципе не обязательного, а возможного усиления уголовной репрессии. Полагаем, что этот принцип не только выдержан в действующем законодательстве, но способен составить основу его дальнейшего развития. Он вполне объективен.

Сказанное еще более обостряет проблему выбора критерия, исходя из которого следует фиксировать то или иное сочетание преступлений в качестве проявления множественности. Не претендуя на бесспорность теории, представим свои соображения на этот счет.

Представляется, что исходной точкой анализа в данном случае должно стать понимание различных социально-правовых характеристик поведения,

связанного с однократным или многократным совершением общественно опасных деяний. В.Л. Чубарев совершенно прав, когда пишет, что приступая к рассмотрению вопроса о том, что является объектом законодательного регулирования, необходимо четко различать в человеческом поведении две основные разновидности: одноразовая и многократная преступная деятельность¹. Об этом фактически рассуждает и Ю.А. Красиков, когда указывает, что «основанием выделения форм множественности следует признать структуру общественно опасных и противоправных деяний, которая характеризуется либо единым актом человеческого поведения с разнородными или несколькими последствиями, обуславливающими наличие двух преступлений (идеальная совокупность), либо многократностью таких актов, в каждом из которых содержатся признаки самостоятельного состава преступления (повторность)»². Соглашаясь по существу с этими суждениями, полагаем вместе с тем, что структуре деяний следует придать более весомое значение—одного из оснований решения вопроса о допустимости и целесообразности конструирования множественности в законе.

Когда одно деяние лица выражается более чем в одном действии, влечет за собой более чем одно последствие, характеризуется более чем одной формой вины, причиняет вред более чем одному объекту и (или) потерпевшему, перед законодателем всегда возникает проблема оценки такого деяния с точки зрения возможности конструирования состава преступления и достаточности этого состава для всестороннего отражения опасности поведения субъекта.

Это поведение субъекта (назовем его «сложным») включает в себя несколько элементов (составляющих), которые взятые в отдельности могут представлять различную общественную опасность и, как следствие, влечь

---

¹ Чубарев В.Л. Многократная преступная деятельность и уголовный закон // Государство и право. 1992. № 12. С. 72.

² Красиков Ю.А. Множественность преступлений: социальная сущность и проблемы уголовной ответственности. Диссертация ... д-ра юрид. наук в форме научн. докл., выполняющего также функции автореферата. М., 1989. С. 21.

различную ответственность¹.

Если эти элементы по характеру и степени общественной опасности не соответствуют уровню преступления и находятся, к примеру, на уровне опасности административного проступка, у законодателя есть потенциальная возможность оценивать их либо как множественность административных проступков, либо интегрировать эти несколько деяний в один состав преступления (надо признать, что в действующем уголовном законе такого рода конструкций не встречается).

Аналогичная схема действует и в ситуации, когда элементы сложного поведения, взятые в отдельности, обладают опасностью, позволяющей рассматривать их в качестве преступных. Законодатель может либо интегрировать эти элементы в рамки единого сложного, точнее—составного, преступления, либо установить необходимость оценки этих деяний в качестве множественности (согласно нашей традиции—в качестве идеальной совокупности преступлений).

Ситуаций подобного рода в УК РФ достаточно много, в связи с чем проблема квалификации единичного составного преступления по справедливости рассматривается в качестве одной из значимых и сложных в теории и практике правоприменения. Ей посвящен значительный массив литературы². Однако на периферии исследовательских интересов по-прежнему остается вопрос о том, в каких именно случаях законодатель делает выбор в пользу конструкции составного преступления, а в каких

---

¹ Лесников Г.Ю. Проблемы соотношения уголовной и административной политики // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 172–174.

² См., например: Зинченко И.А. Составные преступления в советском уголовном праве (понятие, виды, некоторые проблемы квалификации и построения санкций). Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1990; Хлупина Г.Н., Шишка И.В. Квалификация составных преступлений в практике Верховного Суда РФ // Современные проблемы уголовного права и уголовного процесса. В 2-х томах: Материалы междунард. науч.-практ. конф. Т. 1. Красноярск, 2003; Гулиева Н.Б. Составные преступления в российском уголовном праве. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006; Питецкий В.В. Квалификация преступлений при наличии составных норм. Красноярск, 2009; Ораздурдыев А.М. Идеальное и реальное составное преступление // Вестник Саратовской государственной академии права. 2012. № 1 (83).

случаях—в пользу множественности; а также вопрос о том, какая из этих конструкций должна признаваться (если таковое возможно) общим правилом, а какая—исключением.

Немногочисленные исследования отражают лишь отдельные признаки, дающие основание для объединения нескольких преступных деяний в рамки единого состава преступления. Так, Ю.Е. Пудовочкин обращает внимание на специфику развития причинной связи в составных преступлениях¹. В.П. Малков признаком единого составного преступления называет единство намерений действующего субъекта². Д.С. Чикин, в некоторой степени совмещая эти позиции, указывает на функциональную и причинно-следственную взаимосвязь между несколькими образующими составное преступление деяниями, а также на единство вины, общность мотива и цели³.

Но, пожалуй, наиболее полно и точно к характеристике составного преступления подошел В.Н. Кудрявцев. Он указывал: «В основе признания того или иного поступка или группы человеческих поступков единичным преступлением... лежат социальные свойства этих поступков. Ими являются, в частности, распространенность, повторяемость, типичность, повышенная общественная опасность именно такого комплекса действий и вредных последствий... Состав преступления всегда отражает типичное явление независимо от того, состоит оно из одного или нескольких действий и последствий, совершается кратковременно или в течение длительного времени»⁴.

Соглашаясь с этой позицией (и признавая самостоятельный характер проблемы отбора признаков деяния и самих деяний для фиксации в составе преступления), в свете исследуемой в настоящей диссертации проблематики

---

¹ Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Лекции. М., 2009. С. 168–170.

² Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 18.

³ Чикин Д.С. Сложные единичные преступления (уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования). Диссертация .. канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 132.

⁴ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2- изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 240.

добавим, что выбор конструкции одного состава преступления для описания подобного связанного множества человеческих поступков является общим правилом. Лишь невозможность описать все поступки в рамках одного состава преступления служит основанием для оценки содеянного через призму идей и норм о множественности преступлений.

Множественность преступлений, таким образом, при одновременном совершении нескольких поведенческих актов, может иметь место в случаях, когда соответствующее сочетание преступных деяний:

- не связано функциональной или причинной связью;
- не отражает единых намерений (субъективно не связано);
- не является типичным, устойчивым и распространенным;
- не сопровождается увеличением общественной опасности всего содеянного.

Последнее особенно важно. Образно выражаясь, суммирование общественной опасности двух преступлений в данном случае не создает «прибавочной» общественной опасности суммы; два не взаимодействующих компонента при их смешении друг с другом не дают какой-либо особой реакции. Общественная опасность идеальной совокупности полностью воплощена, растворена в опасности образующих ее деяний. В силу этого крайне сложно в этой ситуации говорить об увеличении, росте, накоплении и т.д. общественной опасности личности преступника. Имеющийся «заряд» опасности выражается в одновременном совершении нескольких опасных деяний, оценка которых в качестве множества самостоятельных преступлений в определенной (а чаще – в большей) степени зависит от того, решился или же не решился законодатель для соответствующих ситуаций сконструировать состав единичного преступления¹.

В итоге, можно констатировать, что одновременное совершение двух преступлений не создает некоего особенного социального феномена,

---

¹ Досаева Г.С. К вопросу о множественности преступлений // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 18–21.

требующего в силу особого уровня общественной опасности специальной, усиленной уголовно-правовой реакции.

С этих позиций становится отчасти объяснимым высказанное в отечественной науке мнение, согласно которому идеальная совокупность должна быть исключена из проявлений множественности преступлений. Об этом, в частности, пишет Д.М. Молчанов. Он указывает, что идеальная совокупность не является видом множественности, хотя и подлежит квалификации по всем статьям, признаки которых включает. По мнению автора, она сконструирована законодателем как своего рода юридическая фикция: реальное совершение одного преступления рассматривается как множественность преступлений; законодатель признает не в действительности, а в идее наличие нескольких преступлений, поскольку одно деяние содержит их признаки. В итоге, резюмирует Д.М. Молчанов, идеальная совокупность в том виде, как она сформулирована сейчас, должна занять промежуточное место в классификации, не относясь ни к множественности, ни к единичным преступлениям, а образуя своего рода юридический феномен. «По природе своей идеальная совокупность близка к единичному преступлению вследствие единства места, времени и деяния. Общим с множественностью преступлений является особенность квалификации, когда одно деяние мысленно «в идее» представляется как несколько преступлений»¹. Напомним, что близкие по содержанию суждения были высказаны и специалистами XIX столетия (Л.С. Белогриц-Котляревским, Н.С. Таганцевым и др.)

Признавая, что идеальная совокупность преступлений обладает особыми свойствами, роднящими ее с единичным преступлением, и соглашаясь с тем, что она заслуживает совершенно особого подхода в плане определения юридических последствий осуждения по двум статьям уголовного закона и исчисления итогового наказания, позволим себе

---

¹ Молчанов Д.М. Совокупность преступлений. Автореферат дис. ...канд. юрид. наук. М., 2000. С. 8, 23–24.

категорически возразить Д.М. Молчанову в том, что идеальная совокупность не вписывается в общую логику множественности преступлений и должна быть выведена за рамки данного правового института. Такое решение способно неоправданно усложнить и структуру закона, и его понимание, учитывая, что некоторое сочетание деяний, квалифицируемое по нескольким статьям УК РФ, будет позиционироваться как самостоятельный феномен, наравне с множественностью и в этой части фактически дублировать его. При том, что идеальная совокупность, как мы установили, не создает эффекта аккумуляции общественной опасности деяния и личности виновного, она требует специальных правил квалификации, отграничения от единичного составного преступления, определения итогового наказания.

Представляется, что необходимость решения этих задач и обуславливает, в конечном итоге, официальное признание идеальной совокупности множественностью преступлений и установление на этот счет специальных правил в законе.

Несколько иная ситуация складывается, когда два самостоятельных преступления совершаются лицом двумя самостоятельными деяниями, что объективно может иметь место при наличии определенного временного разрыва между ними. Здесь, на наш взгляд, многое зависит от характеристики самих преступлений: являются ли они только умышленными, только неосторожными или же совершаются с различной формой вины, а также являются ли они тождественными (однородными) или разнородными. Кроме того, большое значение для оценки любого сочетания преступлений имеет место факт наличия или отсутствия официальной реакции на первое из совершенных преступлений в виде приговора суда, назначенного наказания и судимости.

Возможные с учетом заданных параметров сочетания преступлений могут быть различными, обладающими, как представляется, неодинаковой степенью общественной опасности, а следовательно, и требующими несовпадающих законодательных конструкций для описания и оценки (см.

табл. 2).

**Таблица 2. Законодательная оценка одновременного
совершения преступлений**

Известные законодательные оценки	Характеристика преступлений		
	Форма вины (первое/второе)	Тождественность преступлений	Судимость за первое
Неоднократность, рецидив, совокупность приговоров	умысел/умысел	+	+
Неоднократность, совокупность преступлений	умысел/умысел	+	-
Рецидив, совокупность приговоров	умысел/умысел	-	+
Неоднократность, совокупность приговоров	неосторожность/неосторожность	+	+
Неоднократность	неосторожность/неосторожность	+	-
Совокупность приговоров	неосторожность/неосторожность	-	+
Совокупность приговоров	умысел/неосторожность	+	+
Совокупность преступлений	умысел/неосторожность	+	-
Совокупность приговоров	умысел/неосторожность	-	+

В связи с таким многообразием ситуаций возникает необходимость поиска более или менее универсального критерия, исходя из которого можно было бы последовательно и непротиворечиво решать вопросы законодательного отбора и конструирования форм множественности. В науке предложены различные подходы к решению этого вопроса. Так, В.П. Малков полагает, что юридические признаки (квалификация совершенного деяния одной или несколькими статьями УК, судимость или несудимость лица и т.д.) не могут служить убедительным основанием для выделения форм множественности в законе¹. Иного взгляда на эту проблему придерживается Т.Г. Черненко, согласно мнению которой основанием для выделения и

¹Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 44–45; Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение // Малков В.П. Избранные труды. В 3 т. Т. 3. Казань, 2011. С. 217–219.

разграничения форм множественности преступлений должно служить наличие или отсутствие факта судимости¹.

На наш взгляд, выбор в качестве критерия отбора множественности какого-либо одного из предложенных выше признаков будет в известной степени произвольным и не позволит в полной мере оценить уникальность и специфику каждого из возможных сочетаний преступлений. Учитывая это, полагаем целесообразным в процессе оценки многократной преступной деятельности использовать комплекс критериев, позволяющих типологизировать ситуации, принимая во внимание несколько значимых в криминологическом и правовом отношениях признаков.

В частности, можно предложить для анализа и оценки следующие ситуации последовательного совершения преступных деяний одним лицом:

а) лицо совершает два тождественных (не важно, умышленных или неосторожных) преступления (не важно, имея или не имея судимость за первое из них);

б) лицо совершает два умышленных преступления (не важно, тождественных или разнородных), имея судимость за первое из них;

в) лицо совершает два неосторожных не тождественных преступления (не важно, имея или не имея судимость за первое из них);

г) лицо совершает умышленное и неосторожное преступление (не важно, в какой последовательности и не важно, имея ли судимость за первое из них).

Эти теоретические конструкции исчерпывают собой все возможные сочетания преступлений². Они являются исходными, первичными, базовыми конфигурациями и в этом отношении должны быть оценены законодателем на предмет необходимости их закрепления в качестве формы множественности.

---

¹Черненко Т.Г. Назначение наказания при множественности преступлений. Учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. Кемерово, 2005. С. 24–25.

² В данном случае мы не берем в расчет то обстоятельство, что они могут следовать друг за другом в биографии лица или образовывать иные сочетания между собой.

Приступая к такой оценке необходимо сделать еще одну оговорку. Указывая на факт судимости, надо понимать, что лицо считается судимым не только во время отбывания (исполнения) наказания, но и в течение определенного времени после него. В этой связи наказание за второе преступление судимого лица может «накладываться» на наказание за первое преступление (в связи с чем всегда возникает необходимость определения порядка их исполнения – подлежат ли наказания сложению или должны исполняться самостоятельно), а может и не «накладываться» (и тогда возникает иная проблема – усиление наказания за второе преступление).

Это крайне важное обстоятельство. Представляется, что всегда, когда возникает необходимость определения порядка исполнения наказаний, назначенных за два одновременно совершенных преступления, законодатель обязан предусмотреть некую конструкцию множественности. Таковы потребности практики уголовно-правового противодействия преступности и соображения здравого смысла. Не станем сейчас обсуждать порядок такого исполнения – поглощение, сложение, самостоятельное исполнение (он зависит от множества факторов). Ограничимся лишь общей констатацией того, что одной из форм множественности преступлений всегда должно рассматривать ситуацию, при которой лицо совершает второе преступление (не важно, при какой форме вины и соотношении с первым деянием), имея неисполненное (или не полностью исполненное) наказание за первое преступление.

Если эти ситуации исключить из описанных выше четырех конструкций, остается необходимым оценить сочетания, не включающие в себя случаи наличия двух «параллельных» наказаний. Они возможны в двух основных вариантах: а) лицо совершает второе преступление, имея неснятую или непогашенную судимость за первое преступление; б) лицо совершает второе преступление, не имея судимости за первое. Каждая из них заслуживает особого рассмотрения.

В первом случае (при наличии у лица судимости за ранее совершенное

преступление) возникает серьезная дилемма, связанная с учетом этой судимости при оценке второго преступления. В решении этого вопроса нет единства мнений. Но, как показал историко-правовой анализ, отечественное право в действующем уголовном законе предельно четко закрепило правило о том, что судимость за первое умышленное преступление повышает опасность второго умышленного преступления. Оставим в стороне вопрос об ограничениях, связанных с признанием преступления рецидивным, акцентируем внимание на главном – формально более опасным признается именно преступление, а не лицо, его совершившее. Конституционный Суд РФ несколько скорректировал и смягчил такое решение, указав в своем Постановлении от 19.03.2003 г. № 3-П, что имеющаяся у лица непогашенная или неснятая судимость служит основанием для оценки не только совершенных лицом преступлений, но и его личности, как обладающих повышенной общественной опасностью¹. Но принципиально позиция не изменилась: по мнению законодателя наличие предшествующей судимости за умышленное преступление повышает опасность повторного умышленного преступления и два этих преступления составляют специфический вид множественности (рецидив).

Представляется, что это, как минимум, спорная и противоречивая позиция. Во-первых, сам законодатель после реформы 2003 года признал, что повышение опасности и наказуемости рецидивного преступления, а следовательно, и констатация самого факта наличия множественности преступлений, происходит факультативно, в зависимости от многих обстоятельств дела, в первую очередь связанных с характеристикой личности виновного. Во-вторых, если признать, что судимость повышает опасность второго и последующих преступлений, то логично было бы предположить,

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления государственной думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием победы в Великой отечественной войне 1941 - 1945 годов» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 3.

чтобы это правило распространялось на все случаи, тогда как закон содержит значительный массив ограничений для признания второго преступления рецидивным (умысел, возраст, отбытие наказания, тяжесть преступления), связанных опять же с характеристикой личности виновного. Наконец, в-третьих, если исходить из классического тезиса о том, что уголовное наказание гасит собой опасность, связанную с преступлением, то нет никаких оснований переносить часть опасности первого преступления, «погашенного» наказанием, на второе и последующие преступления¹.

Полагаем, что здесь законодатель неверно оценил ситуацию, признав наличие множественности в сочетании преступлений, которое само по себе не требует какой-либо особой реакции со стороны закона и правоприменителя. Здесь нет необходимости менять квалификацию содеянного и отграничивать сочетание преступлений от иных общественно опасных деяний, нет надобности определять порядок исполнения (отбывания) нескольких уголовных наказаний, нет потребности и в обязательном усилении наказания за второе преступление с учетом первого. Единственное с чем сталкивается в данном случае законодатель и правоприменитель, – некоторые специфические свойства личности виновного, которые отражают его повышенную опасность, а потому должны быть учтены при разрешении уголовно-правового конфликта.

Надо признать, что отечественная наука всегда признавала повышенный уровень опасности личности, совершающей несколько преступлений, особенно после официальной реакции на первое из них в виду судимости. Так, В.П. Малков писал, что «при совершении лицом нескольких преступлений, как правило, причиняется больший моральный, физический или материальный вред обществу либо отдельным гражданам, а виновный

---

¹ В этом отношении показательна оценка судимости, высказанная в особом мнении судьи Конституционного суда РФ Н.В. Витрука по упомянутому выше постановлению, согласно которой судимость как качественная уголовно-правовая характеристика «состояния личности», повышая степень общественной опасности ее поведения противоречит принципам права, справедливости и гуманизма и представляет собой рудимент прошлого, тоталитарного режима.

обнаруживает устойчивое отрицательное отношение к интересам государства, общества и отдельных граждан, глубокое укоренение в его сознании антиобщественных взглядов и привычек»¹. Ему вторил К.А. Панько: «Совершение одним и тем же лицом нескольких преступлений— весьма нередкое явление в судебной практике, что свидетельствует о наличии у виновного устойчивого отрицательного отношения к интересам государства, общества и отдельных граждан, о глубоком укоренении в его сознании антиобщественных взглядов и привычек»². К этому же мнению склоняется и профессиональное сообщество судей. Опрос показал, что по мнению 84% из них совершение преступления, лицом, имеющим судимость, свидетельствует о повышенной опасности личности виновного и не отражается на показателях опасности второго из совершенных преступлений.

В этой связи представляется не вполне обоснованной позиция законодателя, который перенес центр тяжести в оценке рассматриваемых ситуаций с личности виновного на второе из совершенных им преступлений. Полагаем, что совершение преступления лицом, имеющим судимость, требует особого подхода в уголовно-правовой оценке. И если судимость (как некое правовое состояние, связанное с отбытием уголовного наказания) будет сохраняться в законодательстве (а как известно, ряд юристов выступает за исключение ее из закона), то оценка поведения судимых лиц должна быть пересмотрена. В цитированном выше Постановлении Конституционного Суда на этот счет содержится, как представляется, справедливое утверждение: судимость влияет на признание личности, неоднократно совершающей преступления, более общественно опасной. В этом, на наш взгляд, и состоит ключ к построению адекватной и эффективной уголовно-правовой концепции учета предшествующей судимости. Она должна учитываться через призму уголовно-правового

---

¹ Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 6.

² Панько К.А. Вопросы общей теории рецидива в советском уголовном праве. Воронеж, 1988. С. 6.

учения о личности виновного, а не посредством института множественности. А это означает, что при определении правового значения предшествующей судимости следует учитывать не только сам по себе факт ее наличия, но и иные обстоятельства, в том числе форму вины, тождественность совершенных преступлений, возраст и иные личностные особенности преступника и т.д.

Следующая из выделенных нами ранее конфигураций последовательного совершения двух преступлений предполагает отсутствие судимости за первое преступление и, что естественно, отсутствие необходимости определения порядка исполнения (отбывания) двух одновременно назначенных наказаний.

В науке было высказано мнение, что вновь совершенное преступление (до осуждения за первое) становится частью нового, более опасного преступления. «Происходящее изменение социального содержания в преступном поведении, выражающееся в увеличении степени общественной опасности, вызывает изменение и его соотношения с законом. Между двумя обособленными деяниями возникает социальная связь и всякий разрыв их между собой, разделение на самостоятельные преступления противоречило бы смыслу закона»,—пишут Л. Захожий и И. Гонтарь¹.

С этим тезисом можно согласиться, но при одном существенном уточнении. Два преступления могут рассматриваться в качестве единого целого лишь при условии, что речь идет о тождественных или однородных умышленных деяниях, отражающих некую общую линию поведения субъекта, его склонность к преступной деятельности, «преступную привычку», профессионализм. Именно на этой основе законодатель конструировал до 2003 года понятие неоднократности преступлений. Повышая ответственность за неоднократное совершение преступлений, закон исходил из объективных характеристик самого деяния, в первую очередь,

---

¹Захожий Л., Гонтарь И. Понятие единого преступления и уголовный закон // Советская юстиция. 1985. № 15. С. 15.

схожести, одинаковости видовых объектов, приемов и способов совершения преступлений, аналогичности причиняемого ущерба. Это позволяло рассматривать два преступления как сочетание, требующее усиления уголовной репрессии. Подчеркнем: усиления репрессии требовало не второе, и не каждое из совершенных преступлений, а именно сочетание двух тождественных преступлений. Но законодатель это сочетание преступлений описывал в квалифицирующем признаке состава, то есть предусматривал в одной уголовно-правовой норме, что противоречило самой идее множественности как сочетания нескольких преступлений, получающих самостоятельную оценку.

В итоге, как известно, неоднократность как форма множественности была исключена из УК РФ¹. Отказ от нее неоднозначно воспринят отечественной наукой. Существует мнение, согласно которому «признак неоднократности возник в уголовном законодательстве как дополнительный рычаг в процессе более точной дифференциации и индивидуализации ответственности виновных лиц, и нужно было не отказываться от этого рычага, а совершенствовать его, устранять противоречия, возникшие в связи с неоднократностью преступлений в следственно-судебной практике»². Показательно, что 16% опрошенных нами в процессе проведения исследования судей также полагают, что отказ от неоднократности как формы множественности был не обоснованным, а еще 62% утверждают, что он был не в полной мере обоснованным.

Представляется, что с такой оценкой стоит согласиться. Реформирование неоднократности следовало проводить в направлении последовательного и полного «переноса» предписаний о ней в общую часть уголовного закона с тем, чтобы, с одной стороны, сохранить неизменным

---

¹ Одним из первых эту идею обосновал Б.В. Волженкин, см.: Волженкин Б. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. 1998. № 12. С. 2–7.

² Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.А. Чекалин; науч. ред. В.Т. Томин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.

правило самостоятельной квалификации каждого из совершенных тождественных или однородных деяний, а с другой стороны, установить возможность справедливой оценки наличия системных и иных связей между этими отдельными деяниями, а также личности, специализирующейся на совершении той или иной группы преступлений.

Именно наличие системного взаимодействия между элементами и особые свойства личности отличают неоднократность от последовательного совершения лицом двух совершенно разнородных преступлений. В последнем случае каждое из совершенных деяний всегда квалифицировалось по самостоятельной статье уголовного закона, в связи с чем возникала потребность в определении итогового наказания, которое следует отбывать преступнику, которая и решалась посредством конструкций, составляющих часть института множественности преступлений (в частности, совокупности).

Проведенный таким образом анализ показывает, что подходы к оценке и сама оценка того или иного сочетания нескольких преступлений в биографии одного лица могут (и должны) существенно различаться в зависимости от вида совершенных преступлений, специфики отражения в уголовном законе и содержания задач, возникающих перед правоприменителем в сфере противодействия множественной преступной деятельности. С учетом этих параметров, можно констатировать, что потребность в специальных уголовно-правовых предписаниях относительно преступного множества возникает, если:

а) лицо совершило два и более самостоятельных преступных деяния, каждое из которых содержит отдельный состав преступления, предусмотренный самостоятельной уголовно-правовой нормой;

б) сохраняется наличие, как минимум, двух параллельно развивающихся уголовно-правовых отношений, вызванных соответственно двумя преступлениями;

в) при одновременном совершении нескольких поведенческих актов

эти деяния не связаны функциональной или причинной связью, не отражают единых намерений, не являются типичным, устойчивым и распространенным сочетанием, не сопровождаются увеличением общественной опасности всего содеянного;

г) лицо совершает второе преступление (не важно, при какой форме вины и соотношении с первым деянием), имея неисполненное (или не полностью исполненное) наказание за первое преступление;

д) лицо совершает до осуждения несколько преступлений, что порождает потребность в определении итогового наказания, которое следует отбывать преступнику.

Как видим, ключевой признак, предопределяющий уголовно-правовые предписания относительно множественности, состоит в необходимости определения итогового наказания, его размера и порядка исполнения (он вполне закономерен, учитывая истоки и генезис института множественности преступлений)¹. В соответствии с ним, законодатель отбирает для отражения в институте множественности ситуации, которые именуются сегодня идеальной совокупностью преступлений, реальной совокупностью преступлений и совокупностью приговоров.

Этими конфигурациями не исчерпывается объективно возможное сочетание нескольких преступлений в биографии одного лица. Однако иные ситуации (в частности, совершение преступления лицом, имеющим судимость) требуют решения иных задач, не связанных с определением размера итогового наказания, назначенного за несколько преступлений. Здесь возникает потребность в оценке личности виновного, склонного к совершению нескольких преступных деяний, а следовательно, сами эти ситуации не должны рассматриваться сквозь призму института множественности преступлений.

Различение этих ситуаций, требующих специфического уголовно-

---

¹ См.: Досаева Г.С. Социально-криминологические и теоретико-правовые основания института множественности преступлений. М.: Илекса, 2013.

правового регулирования, является, на наш взгляд, основным, исходным пунктом в построении непротиворечивой нормативной концепции множественности преступлений, которая позволит органично вписать ее в систему уголовного законодательства, обеспечив его системный, взвешенный и беспробельный характер.

В завершение данного параграфа, как представляется, целесообразно представить авторское видение дефиниции множественности преступлений, как одновременно результирующей предшествующего анализа и исходной теоретической опоры последующих рассуждений. Ранее нами указывались некоторые из предложенных в науке определений. В дополнение к ним приведем еще некоторые.

Основной массив представленных в литературе определений является собой в той или иной степени редакционно уточненное суждение о том, что множественность преступлений – это совершение лицом двух или более преступлений, каждое из которых сохраняет свое юридическое значение¹.

При всей внешней простоте и распространенности такого определения, оно не может быть признано в полной мере удовлетворительным, поскольку не отражает всех существенных признаков описываемого явления. В нем сделан акцент только на одной его стороне – поведении субъекта множественности, притом что за рамками определения остался принципиальный вопрос о правовом значении множественности.

Это обстоятельство компенсируется в иных научных дефинициях. Так, В.П. Малков пишет, что множественность преступлений представляет собой такие влекущие за собой юридические последствия случаи, когда лицо

---

¹ См., например: Пинчук В.И. Множественность преступлений. Учебное пособие. СПб., 1999. С. 3; Черненко Т.Г. Множественность преступлений по Российскому уголовному праву. Кемерово, 1997. С. 36; Российское уголовное право. В 2 т. Т. 1 Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М., 2008. С. 279; Сабитов Р.А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации. Научно-практическое пособие. М., 2013. С. 380; Шкредова Э.Г. Множественность преступлений в современной доктрине: понятие и признаки // Журнал Российского права. 2014. № 10. С. 81; Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 85–87.

совершает одновременно или последовательно несколько преступлений до привлечения к уголовной ответственности, либо вновь совершает преступление после осуждения за предыдущее, если при этом хотя бы по двум из учиненных преступных деяний не погашены (не сняты, не истекли) уголовно-правовые последствия, а также не имеется процессуальных препятствий к возбуждению уголовного дела¹. Н.Н. Коротких предлагает в порядке *de lege ferenda* закрепить в законе следующую норму о множественности преступлений: множественностью преступлений признается совершение одним и тем же лицом двух или более преступлений, влекущих усиление меры уголовной ответственности².

Заметные отличия между этими дефинициями не только в их объеме и количестве описываемых признаков. Хотя и то, и другое определение содержит указание на юридическое значение множественности, они различаются в описании этого значения. Если В.П. Малков предпочитает не конкретизировать юридическое значение множественности, то Н.Н. Коротких категорично пишет о том, что она влечет за собой усиление уголовной ответственности. Полагаем, что и в том, и в другом случае есть повод для критики. Значение множественности стоит детализировать, но оно, как было показано выше не сводится к неременному усилению репрессии. Единственное, чего требует множественность от правоприменителя – определить итоговое наказание за несколько совершенных преступлений (вопросы квалификации в данном случае – не в счет, поскольку это вопросы установления множественности и отграничения ее от сложных преступлений, но не вопросы правового значения множественности).

Таким образом, в качестве определения множественности преступлений можно предложить следующую дефиницию: это такая предусмотренная уголовным законом ситуация совершения одним лицом

---

¹ Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву // Малков В.П. Избранные труды. В 3 т. Т. 3. Казань 2011. С. 17.

² Коротких Н.Н. Критерии деления множественности преступлений на виды // Академический юридический журнал. 2014. № 2 (56). С. 32.

двух или более самостоятельных преступлений, при которой правоприменителю необходимо определить этому лицу итоговое наказание.

Глава IV. РОЛЬ И ВОЗМОЖНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§1. Перспективы совершенствования уголовного закона в части противодействия множественности преступлений

Теоретическое исследование института множественности преступлений, предпринятое в предыдущих разделах настоящей работы, выявило некоторые значимые проблемы, которые, как представляется, служат препятствием в создании и реализации взвешенной, максимально отвечающей криминологическим реалиям и уголовно-правовой теории нормативной концепции правового регулирования ответственности за совершение нескольких преступлений. Ключевой из них выступает смешение оснований для отбора и закрепления в структуре исследуемого правового института различных сочетаний преступных деяний. В этой связи, как уже отмечалось, целесообразно дифференцировать две основные ситуации: а) совершение лицом, имеющим неснятую и непогашенную судимость, нового преступления, когда не возникает необходимости сложения нескольких наказаний; б) совершение нескольких преступлений, когда возникает необходимость определить итоговое наказание. Каждая из них нуждается в самостоятельном анализе. Кроме того, стоит учесть, что эти ситуации могут «накладываться» друг друга, пересекаться, что также требует специального внимания исследователя. Рассмотрим проблемы перспективной оценки каждой из обозначенных правовых ситуаций.

Рецидив. В самом общем виде он может быть определен как совершение второго преступления лицом, ранее уже совершавшим какое-либо преступление и осужденным за него. Мы не видим своей задачей исследование законодательной конкретики в конструкции рецидива: какие преступления, в каком возрасте, в каком порядке должны быть (или могут быть) совершены для признания в действиях лица данного правового

института. Этому посвящен внушительный массив специальной литературы¹ и дополнительная детализация частных случаев вряд ли необходима. Позволим себе остановиться лишь на двух принципиальных моментах: о правовом значении судимости и о месте нормативных предписаний о рецидиве в системе уголовного законодательства.

Наличие у лица неснятой или непогашенной судимости является сегодня общим местом практически всех рассуждений о рецидиве преступлений. При этом в науке отчетливо позиционируются два подхода, обосновывающих соответственно необходимость судимости и ее рудиментарность. Последний, как уже отмечалось, ярко представлен в суждениях Н.В. Витрука по известному Постановлению Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 г. № 3-П. Между тем, мы не склонны усматривать в судимости наследие тоталитарного прошлого. При адекватном понимании данного феномена он нисколько не противоречит демократическим принципам взаимоотношений государства и личности. Ссылки некоторых специалистов на отсутствие норм о судимости в законодательстве зарубежных стран в данном случае не могут быть приняты во внимание. И речь в данном случае не идет о некорректном отождествлении демократических идеалов исключительно с западными странами. Речь идет исключительно об уголовно-правовых аспектах вопроса. Дело в том, что отсутствие норм о судимости в уголовном законодательстве зарубежных стран не исключает наличия здесь механизмов и конструкций, позволяющих учитывать факт совершения лицом преступления в прошлом при оценке

---

¹ См., например: Феокистов М.В. Ответственность особо опасных рецидивистов по уголовному законодательству Российской Федерации. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1996; Панько К.А. Рецидив преступлений и механизм правового регулирования ответственности рецидивистов. Диссертация ... д-ра юрид. наук. Томск, 1989; Попов В.И. Рецидив преступлений: состояние, тенденции, предупреждение. Диссертация ... д-ра юрид. наук. М., 1998; Коломытцев Н.А. Борьба с особо опасным рецидивом преступлений: теория и практика. Диссертация ... д-ра юрид. наук. М., 2000; Бытко Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве: история и современность. Диссертация ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 1998; Асланян М.М. Рецидив преступлений как легальная форма профессиональной преступности. Диссертация ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.

каждого последующего совершенного им преступления и постпреступного поведения в целом. Достаточно указать на Национальный публичный реестр лиц, совершивших сексуальное преступление (National Sex Offender Public Registry), который с 2006 года ведет и координирует Министерство юстиции США¹, федеральный и региональный (на уровне штатов) «Закон Меган» (США), предусматривающий создание базы данных обо всех половых преступниках и их обязательную регистрацию по месту жительства², публичный регистр наказаний, который координирует Министерство юстиции Эстонии, и который ведется на основании Закона «О регистре наказаний» (2002 г.)³, «превентивное заключение» для лиц, «склонных к совершению преступлений» в ФРГ и «привычных преступников» в Швейцарии⁴ и др.

Таким образом, ссылки на антидемократическую и тоталитарную природу или сущность судимости не могут быть приняты во внимание. Сама по себе судимость нейтральна по отношению к правам человека и идеалам демократии, а необходимость в ней (или в иной форме контроля за лицами, отбывшими уголовное наказание) определяется, прежде всего, объективными потребностями в обеспечении социального контроля над специфической категорией населения и предупреждении преступлений (в данном случае при оценке судимости мы не берем в расчет возможные злоупотребления, в том числе и нормативные, при определении ее правовых последствий).

Гораздо важнее понять, что же собственно есть судимость. В правовой науке, при всех существующих различиях в деталях, можно выделить два основных подхода к пониманию судимости.

Первый и наиболее распространенный (при проведении экспертного опроса в рамках подготовки диссертации поддержанный 92% опрошенных

---

¹ <http://www.nsopw.gov>

² См.: Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007. С. 296

³ <http://www.politsei.ee/ru/teenused/karistusregister.dot>

⁴ См.: Кибальник А.Г. Основные положения Общей части уголовного права зарубежных государств. М., 2008. С. 37, 46.

практикующих юристов) состоит в признании судимости особым правовым состоянием лица, совершившего преступление и осужденного за него. Об этом пишут А.И. Рарог, Н.И. Ветров, А.В. Бриллиантов, А.Я. Гришко¹ и другие специалисты. Именно так трактует судимость и Конституционный Суд в упомянутом постановлении.

Второй подход менее распространен (его признали лишь 8% опрошенных правоприменителей), но заслуживает самого пристального внимания. Ярким его представителем выступает В.П. Малков. Он пишет: «По своей правовой природе судимость—не официально удостоверенный факт осуждения, не форма (или вид) реализации уголовной ответственности, а мера безопасности, существо которой заключается в установлении и осуществлении социально-правового контроля за поведением осужденного, который обнаружил свою общественную опасность фактом совершения преступления»². С использованием категории «мера» определяют судимость и иные специалисты, в частности, С.Г. Келина, В.С. Егоров, Н.Э. Мартыненко, понимая под судимостью меру уголовно-правового характера³.

В нашу задачу не входит детальный анализ собственно самих этих подходов. Однако в свете решаемых в диссертации проблем и с учетом отмеченного выше представления о множественности, как о ситуации, в которой возникает необходимость определить объем и порядок исполнения нескольких наказаний, понимание судимости как меры уголовно-правового характера может существенным образом скорректировать разрабатываемую

---

¹ См.: Уголовное право России. Учебник для вузов. В 2 т. Т. 1 Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 2000. С. 512; Ветров Н.И. Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов. М., 1999. С. 363–364; Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2008. С. 91; Гришко А.Я., Потапов А.М. Амнистия. Помилование. Судимость. М., 2009. С. 182.

² Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение // Малков В.П. Избранные труды. В 3 т. Т. 1. Казань, 2011. С. 274.

³ Келина С. Г. «Иные меры уголовно-правового характера» как институт уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы Четвертой Международ. научн.-практ. конф. М., 2007. С. 287; Егоров В.С. Вопросы правового регулирования мер уголовного принуждения. М.- Воронеж, 2006. С. 179–232; Мартыненко Н.Э. Судимость как «иная мера уголовно-правового характера» // Правовые проблемы в теории и практике. Сб. научн. ст. М., 2007. Вып. 12.

нами теорию.

Ведь если исходить из того, что судимость – есть мера уголовно-правового характера (наказание, очевидно, тоже является одной из таких мер), то в ситуации рецидива закономерным будет поставить вопрос о том, что при совершении второго преступления возникает потребность в определении размера (объема) итогового государственного принуждения, определяемого сложением двух различных мер уголовно-правового характера: наказания и судимости. Именно это может позволить с определенной долей уверенности относить рецидив именно к формам множественности преступлений.

Между тем, при некоторой внешней привлекательности у такого подхода есть достаточно «минусов»: а) упускается из вида, что судимость и наказание, если и являются мерами уголовно-правового характера, по принципиально различными, сложение которых в принципе невозможно, и которые могут исполняться (отбываться) только самостоятельно; б) судимость возникает и за первое, и за второе преступление, в связи с чем если и говорить о сложении мер, то складывать следует судимость за первое преступление, наказание и судимость за второе преступление; в) если судимость самостоятельная мера уголовно-правового характера, то она в принципе не может влиять на размер наказания лицу, имеющему судимость за ранее совершенное преступление (такое влияние могло бы иметь место при допущении того, что судимость как мера уголовно-правового характера за первое преступление полностью поглощается наказанием за второе преступление и такое поглощение влечет за собой увеличение размера наказания за второе преступление; но такое развитие событий в уголовном праве не предусмотрено и вряд ли возможно в принципе).

Можно резюмировать, что подход к определению судимости как меры уголовно-правового характера не представляет особых перспектив для понимания и совершенствования конструкции рецидива преступлений. Очевидно, что он ошибочен в исходной своей посылке: судимость не может

рассматриваться в качестве меры уголовно-правового характера (хотя бы потому, что она возникает при осуждении за любое преступление «автоматически», а не возлагается судом на осужденного, к тому же судимость, в отличие от иных мер уголовно-правового характера, не подлежит индивидуализации).

Судимость есть особое правовое состояние, статус лица, совершившего преступление, и признанного виновным по приговору суда. Этот статус, согласно предписаниям ч. 1 ст. 86 УК РФ, «учитывается при рецидиве преступлений, назначении наказания и влечет за собой иные правовые последствия в случаях и в порядке, которые установлены федеральными законами».

Итак, обладая специфическим правовым статусом, лицо совершает новое преступление. Традиционный взгляд на ситуацию состоит в том, что это второе преступление признается более опасным, нежели преступление, совершенное лицом, не обладающим этим статусом. Это признает, прежде всего, сам законодатель, устанавливая для суда правила выбора наиболее сурового вида наказания и повышения его размера за рецидивное преступление (это правило, как известно, было обязательным до 2003 года, после чего фактически перешло в разряд альтернативных).

Однако этот тезис является весьма уязвимым. Он не подтверждается ни реалиями судебной практики, ни, по существу, теоретическими изысканиями. Анализ статистических данных Верховного Суда РФ позволяет установить, что в структуре общей преступности и структуре преступности рецидивной нет принципиальных различий (см. табл. 3).

Таблица 3. Структура преступности (исходя из числа осужденных)

	Виды преступлений							Итого
	Кражи (ст. 158)	Преступления, связанные с наркотиками (ст. 228–234)	Уклонение от уплаты алиментов (ст. 157)	Грабежи (ст. 161)	Тяжкий вред здоровью (ст. 111)	Разбои (ст. 162)	Убийства (ст. 105)	
Преступность (в целом)	30,4	13,2	6,9	6,7	4,1	2,0	1,4	64,7
Рецидивная преступность	45,0	14,6	1,7	10,2	3,8	3,0	1,5	79,8
Категории преступлений								

	Небольшой тяжести	Средней тяжести	Тяжкие	Особо тяжкие
Преступность (в целом)	36,6	33,5	24,0	5,9
Рецидивная преступность	24,8	40,6	27,9	6,7

Существует некоторая группа индексных преступлений, которые определяют количественные параметры и преступности в целом, и ее рецидивной части. В степени их распространенности, безусловно, прослеживаются различия, но считать их критическими, принципиальными вряд ли возможно. Это подтверждается и анализом структуры преступности, рассчитанной исходя из категориальной принадлежности совершенных преступлений. А потому, представляется, что утверждения о чрезвычайно высокой степени общественной опасности рецидивной преступности не подтверждаются документально (по крайней мере, при современном нормативном подходе к оценке рецидивных преступлений).

Надо заметить, что в характеристике общественной опасности рецидивной преступности (да и множественности преступлений в целом) отечественная наука демонстрирует два основных подхода.

Согласно первому, опасность рецидива определяется как спецификой совершенных преступлений, так и особенностями личности преступника. Известный русский юрист Н.С. Таганцев по этому поводу писал: «В каждом преступном деянии мы различаем два существенных элемента: видоизменение, производимое во внешнем мире, и отдельную преступную волю, выразившуюся в этом деянии со всеми ее характеристическими признаками. Но факт совершения виновным еще прежде такого же или какого-либо другого преступления вносит особенные черты в тот и другой из указанных выше элементов: видоизменение мира будет уже не то, потому что повторение особенно сильно возбуждает беспокойство в обществе, усиливает соблазн дурного примера; еще сильнее изменения, вносимые в элемент субъективный: в нем мы встретим и усиление закономерности, и привычку...»¹

¹Таганцев Н.С. О повторности преступлений. СПб., 1867. С. 47.

О том же пишет современные авторы, в частности, Н.Н. Рогова: «Лицо совершившее несколько преступлений, характеризуется довольно устойчивыми антиобщественными взглядами и установками. Причиненный в результате совершения нескольких преступлений физический, материальный или иной ущерб правоохраняемым интересам оказывается, как правило, более значительным, нежели при прочих равных условиях вред, причиненный в результате совершения одного преступления»¹.

Однако в полной мере сложно согласиться с этими суждениями, прежде всего, в силу методологических установок. Представляется, что рецидивная преступность – это преступность, слагаемая из рецидивных (исключительно!) преступлений. В объем и структуру рецидивной преступности не входят первичные преступления, за которые лицо (рецидивист) имеет судимость. В силу этого связывать опасность рецидивной преступности с параметрами первичных преступлений вряд ли возможно. Опасность этих первичных преступлений «погашена» наказанием и не может учитываться повторно.

Гораздо более точным представляется второй подход к оценке опасности рецидивной преступности и рецидива преступлений. Здесь она описывается в весьма специфичных словах и выражениях. Так, М.В. Королева указывает: «Повышенная общественная опасность рецидивной преступности заключается в том, что она выражает такое качество преступности, как ее устойчивость, свидетельствуя об упорном нежелании ряда лиц вести себя соответственно принятым в обществе нормам, о предпочтении криминальных вариантов решения своих проблем, несмотря на принятые к ним меры»². Аналогичны по сути слова других

---

¹ Рогова Н.Н. Совокупность преступлений: вопрос теории и практики. Диссертация ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 15–16. См. также: Санинский Р.А. Теоретико-законодательные и правоприменительные аспекты множественности преступлений. Диссертация ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 17; Петухов Р.Б. Множественность преступлений по Уголовному кодексу РФ. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 3.

² Криминология. Учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 1999. С. 727.

авторов: «Особая общественная опасность рецидивной преступности заключается в том, что рецидив оказывается первым шагом к преступному образу жизни. Значительная часть рецидивной преступности трансформируется в профессиональную, а та в свою очередь, - в организованную»¹.

Можно смело утверждать, что в криминологии опасность рецидивной преступности не связывается с повышенной опасностью каждого отдельного рецидивного преступления. Гораздо больше оснований усматривать опасность рецидивной преступности в особых свойствах и качествах личности преступника, не поддающегося социально-правовой коррекции и потенциально способного (готового) к повторению преступных актов. Об этом прямо пишет В.П. Малков (экстраполируя свой вывод не только на рецидив, но и на все формы множественности преступлений в целом): «Социальная сущность множественности преступлений заключается в том, что она является свидетельством, как правило, большей общественной опасности личности преступника, его устойчивой антиобщественной жизненной позиции, а нередко и сформировании у него преступного профессионализма»². На это указывают и результаты проведенного опроса экспертов: 66% из числа практикующих юристов указали, что рецидив в большей степени характеризует личность преступника, нежели само совершенное им преступление; 20% отметили, что при рецидиве увеличивается опасность именно преступления; еще 14% признали, что рецидив свидетельствует об одновременном увеличении общественной опасности и личности преступника, и совершенного им преступления.

Таким образом, есть достаточно аргументов в пользу тезиса о том, что рецидив не увеличивает опасность совершенного преступления, но является убедительным свидетельством возрастания общественной опасности лица, совершающего несколько преступлений.

---

¹ Криминология. Учебник для вузов / под ред. Г.А. Аванесова. 5-е изд. М., 2010. С. 465.

² Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение // Малков В.П. Избранные труды. В 3 т. Т. 3. Казань, 2011. С. 214.

На этом фоне факт признания рецидива формой множественности преступлений выглядит, по меньшей мере, не вполне логичным¹. До реформы 2003 года концепция «рецидив – форма множественности» была выдержана в законе достаточно последовательно. Но с 2003 года она де-факто была отвергнута: повышение наказания при рецидиве стало определяться не законом, а усмотрением суда; вида рецидива утратили значение обстоятельств, дифференцирующих наказание; в основе оценки содеянного при рецидиве гораздо большее значение стало уделяться данным о личности виновного, нежели собственно рецидивному преступлению. Такое положение вещей с большой степенью убедительности позволяет говорить о том, что законодатель (может быть, сам того не желая и не замечая, и в любом случае без широких теоретических дискуссий) вернулся (хотя и не в полной мере) к официально отвергнутой им теории «рецидив–свойство личности преступника».

Эта теория, по нашему убеждению, в лучшей степени позволяет оценить опасность рецидива и выстроить в соответствии с этой оценкой систему средств уголовно-правового воздействия на рецидивистов. Однако очевидно, что многими компонентами своего содержания она восходит к известной еще советскому уголовному праву конструкции особо опасного рецидивиста. И этот факт закономерно актуализирует те критические соображения, которые в свое время были высказаны в адрес этой конструкции.

Вместе с тем, справедливость некоторых из них сложно признать. Так, Ю.И. Бытко пишет, что институт особо опасного рецидивиста содержал элементы дискриминации преступников по признаку особых качеств их личности и представлял собой официальное утверждение концепции особо опасного состояния личности². Полагаем, что с этим суждением невозможно

---

¹ Досаева Г.С. Перспективы совершенствования норм о рецидиве преступлений // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 2. С. 48–57.

² Бытко Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в Российском уголовном праве. История и современность. Саратов, 1998. С. 49, 75.

полностью согласиться. Разница между понятием «дискриминация» и «дифференциация», по сути, состоит лишь в оценке проводимых различий. На наш взгляд, установление особого правового статуса рецидивиста ориентировано не на ущемление его прав и свобод (дискриминация), а на создание механизмов различения объемов ответственности и наказания для лиц, совершающих разное количество преступлений (дифференциация). Эту идею в основном подтвердил и Конституционный Суд РФ в ранее цитированном постановлении. Что же касается близости концепции рецидивиста к концепции опасного состояния личности, то и здесь упрек представляется необоснованным. Опасное состояние личности позволяло применять меры правового воздействия к человеку вне зависимости от того, совершил он преступное деяние или нет («по связям с антиобщественной средой»). В отличие от «опасной личности» рецидивист—это лицо, совершившее конкретное преступление (к тому же, согласно действовавшим нормам, суд мог и не признать за лицом, совершившим преступление, статуса рецидивиста). Если и искать в современном праве черты теории опасного состояния личности, то его, скорее, следует видеть в самой судимости, а не в рецидиве. Вместе с тем, судимость, за редким исключением, не подвергается масштабной критике в науке.

Таким образом, можно заключить, что в оценке ситуации совершения нового преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление (при условии, что не здесь возникает необходимость определения размера или порядка отбывания итогового наказания), наибольшим познавательным, объясняющим и регулирующим потенциалом обладает теория, признающая рецидив не формой множественности преступлений, а специфическим свойством личности виновного.

Перенос «центра тяжести» в конструкции рецидива с деяния на личность и признание рецидива признаком, характеризующим личность виновного, требует дополнительного освещения некоторых криминологических и уголовно-правовых проблем. Учитывая

ограниченность настоящего исследования, позволим наметить некоторые из них:

1) В законодательной характеристике рецидивиста целесообразно сохранить некоторые признаки, присущие современному пониманию рецидива как формы множественности, а именно: совершеннолетие лица на момент совершения преступления, умышленный характер преступлений, дающих основание для признания лица рецидивистом, отнесение этих преступлений к категории не ниже средней тяжести, наличие неснятой или непогашенной судимости.

2) Поскольку рецидив характеризует именно личность виновного, особое значение приобретает исследование совершаемых этой личностью преступлений, их «рецидивоопасность». Представляется, что были правы отечественные специалисты, которые видели признаки рецидива только в случае повторения тождественных или однородных преступлений. В частности, И.Я. Фойницкий склонялся «к сообщению рецидиву крупного значения только по тем преступным деяниям, которые представляют опасность превратиться в привычку, где, следовательно, он служит доказательством усиленного состояния преступности»¹. На наш взгляд, одним из обязательных условий признания лица рецидивистом следует установить тождественный характер совершаемых их преступлений (с этим мнением высказали свою солидарность 45% опрошенных сотрудников правоохранительных органов). Совершение нетождественного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление, не свидетельствует о его криминальной специализации и повышенной опасности. В данных случаях, на наш взгляд, возникающая ситуация должна разрешаться на основании законодательно установленных правил назначения наказания по совокупности приговоров² либо посредством предписаний ст. 63 УК РФ (в этом случае необходимо скорректировать положения п. «а» ч. 1

---

¹ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. М., 2000. С. 95.

² См. об этом также: Урчуков В.М. Совокупность приговоров по Российскому уголовному праву. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008.

ст. 63 УК РФ с тем, чтобы позволять правоприменителю признавать в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, не только рецидив, но и наличие неснятой или непогашенной судимости в целом).

3) Рецидивист–уголовно-правовой признак не субъекта преступления, а именно личности виновного. Он не должен включаться в систему признаков состава преступления и не может влечь за собой изменение квалификации содеянного. Его предназначение – служить возможным основанием ужесточения назначаемого лицу наказания. Статус рецидивиста должен возлагаться на лицо в обвинительном приговоре суда и сниматься одновременно с погашением (снятием) судимости. При этом стоит прислушаться к мнению о необходимости введения в практику неких процессуальных форм, ставящих обвиняемого в известность о том, что он может быть признан рецидивистом; а также включение в предмет доказывания по уголовным делам обстоятельств, связанных с предшествующим осуждением обвиняемого¹. Полагаем также, что возможность признания лица рецидивистом должна рассматриваться, как это имело место в советском уголовном праве, в качестве права, а не обязанности суда. Реализация судом этого права будет определять необходимость принятия всех иных мер, которые могут быть применены к рецидивисту.

4) Учитывая, что признание лица рецидивистом должно пониматься как право суда, то логично, что реализовав это право, суд должен быть поставлен перед фактом обязательного ужесточения наказания рецидивисту. В этой связи следует отметить, что реализация концепции потребует изменения редакции ст. 68 УК РФ о правилах назначения наказания при рецидиве (рецидивисту). В частности, из нее следует изъять положения о допустимости неприменения правил о повышенном нижнем пределе наказания и о возможности наказания рецидивисту наказания ниже низшего предела. Логика в данном случае проста: суд может признать либо не

---

¹ Феоктистов М.В. Ответственность особо опасных рецидивистов по уголовному законодательству Российской Федерации. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1996. С. 19–20.

признать лицо рецидивистом, но признав человека рецидивистом, суд не вправе не ужесточить ему наказание.

5) Последовательность в реализации политики, направленной на дифференциацию наказания рецидивистов, требует уточнения законодательной позиции в отношении определения последствий отнесения рецидива к тому или иному виду. Сегодня классификация рецидива учитывается только при определении вида исправительного учреждения, в которой осужденный рецидивист должен отбывать уголовное наказание в виде лишения свободы. На сам же объем наказания (его минимальный размер) вид рецидива не влияет. Это, как представляется, неверная позиция (такого вывода придерживается 68% опрошенных правоприменителей). У законодателя есть два варианта исправления ситуации. Во-первых, можно прислушаться к высказанным еще в 60-70-е годы прошлого столетия предложениям о том, что наряду с понятием «особо опасный рецидивист» в законе должны существовать понятия «опасный рецидивист» и «рецидивист»¹. В этом случае следует вернуться к дифференцированному определению минимального размера наказания при различных видах рецидива и сохранить неизменной редакцию ст. 58 УК РФ (естественно, с учетом терминологических уточнений). Второй вариант может состоять в исключении самой классификации рецидива (рецидивистов) из УК РФ, сохранении единого предела минимального размера наказания при рецидиве (рецидивисту). Классификация рецидивистов при этом в принципе не исключается, однако она должна иметь только уголовно-исполнительное значение. Это решение в большей степени будет соответствовать рекомендациям Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятых Конгрессом ООН 30 августа 1955 года, в

---

¹ См.: Гальперин И.М. Об уголовной ответственности рецидивистов в свете некоторых криминологических показателей эффективности борьбы с рецидивной преступностью // Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. М., 1968. С. 245; Гришанин П.Ф. Ответственность преступников-рецидивистов по советскому уголовному праву. М., 1974. С. 47 и др.

соответствии с которыми прошлая судимость лица может учитываться при исполнении наказания в виде лишения свободы с единственной целью - группировки заключенных по категориям для их раздельного содержания¹.

Подводя итог анализу вопросов, связанных с оценкой рецидива, считаем возможным в качестве перспектив развития уголовного законодательства сформулировать следующие направления: вернуться к концепции рецидивиста, поскольку рецидив свидетельствует об увеличении уровня общественной опасности личности преступника, а не совершенного им преступления; признавать рецидивистом лицо, которое совершает умышленное преступление, кроме преступления небольшой тяжести, имея судимость за ранее совершенное им в возрасте старше восемнадцати лет умышленное преступление, при условии если совершаемые преступления предусмотрены одной статьей или частью статьи Особенной части УК РФ; предоставить суду право признания (непризнания) лица рецидивистом; провести классификацию рецидивистов в уголовно-исполнительном законодательстве в зависимости от степени их общественной опасности, которая должна определяться опасностью и количеством совершаемых преступлений; установить единый подход к определению минимального срока наказания для рецидивистов различных групп; установить правило, согласно которому статус рецидивиста является составной частью состояния судимости лица, признанного рецидивистом и аннулируется одновременно с погашением (снятием) судимости. Реализация этих предложений способна, на наш взгляд, с одной стороны, усилить, а потому оптимизировать борьбу с профессиональной преступностью; а с другой – избежать неоправданного ужесточения репрессии в ситуациях, когда преступление лишь формально содержит признаки рецидива преступлений, но не свидетельствует об увеличении общественной опасности лица, его совершившего.

Совокупность преступлений. Как известно, действующий УК РФ (ст. 17) определяет совокупность преступлений как совершение двух или более

---

¹ Международные акты о правах человека. Сб. документов. М., 2000. С. 191.

преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Оставим пока в стороне вопрос об обстоятельствах, исключающих совокупность преступлений, и обратимся к анализу ключевых параметров данной формы множественности.

Одним из важнейших признаков совокупности, predetermined требованиями принципов уголовного права, является то обстоятельство, что лицо привлекается единожды к ответственности за все совершенные им преступления. Исходной точкой здесь выступает принцип справедливости, одним из значимых проявлений которого в сфере уголовного права выступает запрет на повторное привлечение лица к уголовной ответственности за преступление и обеспечение гарантий его права быть судимым за одно преступление лишь один раз¹. Это право имеет международно-правовой базис. Так, пункт 7 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. провозглашает: «Никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление соответствия, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны». Статья 4 Протокола № 7 к Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод от 22 ноября 1984 г. также гарантирует право каждого не быть судимым или наказанным дважды. Согласно Протоколу, никто не должен быть повторно судим или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое уже был оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства. Эти положения не препятствуют повторному рассмотрению дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами, если имеются сведения о

---

¹ Лесников Г.Ю., Александров А.И. Толкование принципа законности (по материалам Европейского суда по правам человека) // Юридическая наука. 2015. № 1. С. 92–96.

новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела. В толковании и понимании данного права большую роль играют решения Европейского Суда по правам человека, которые наполняют «реальным содержанием» ключевые термины в тексте статьи 4 Протокола № 7: «то же преступление» и «дважды». Значимым в данном случае представляется Постановление ЕСПЧ от 10.02.2009 г. по делу «Сергей Золотухин (Sergey Zolotukhin) против Российской Федерации» (жалоба № 14939/03), в котором представлено развернутое их содержание.

На основании анализа текста этого Постановления можно заключить, что:

- Суд допускает принципиальную возможность того, что один поведенческий акт лица может составлять несколько правонарушений;

- гарантии защиты от повторного осуждения распространяются не только на случаи обвинения в совершении двух или более преступлений, они имеют равное значение вне зависимости от правовой квалификации содеянного лицом как преступления или иного правонарушения;

- для того, чтобы исключить осуждение дважды за одно и то же деяние, необходимо сопоставить существенные элементы двух правонарушений; в случае их совпадения по лицу, времени, месту, правоохраняемому благу, последствиям, вине и иным значимым элементам, наличие двух отдельных правонарушений установить не представляется возможно;

- совершение одного правонарушения не препятствует одновременному применению за него различных правовых мер, различающихся характером и целью;

- гарантии запрета на повторное осуждение распространяются не только собственно на уголовно-процессуальную сферу, но и на иные виды разбирательств, тяготеющих к уголовной процедуре;

- «осуждение» для целей защиты прав человека должно толковаться широко, как термин, объемлющий собой привлечение к ответственности,

осуждение и наказание, причем как собственно уголовное (в строгом смысле этого слова), так и иное, тяготеющее к нему по своей правовой природе;

- международное право устанавливает строгий запрет на повторное осуждение после того, как в отношении лица по тем же самым фактам уже было вынесено окончательное решение; если же власти допустили повторное или параллельно развивающееся разбирательство, они могут признать нарушение, прекратить разбирательство и предложить жертве нарушения адекватную компенсацию.

Очевидно, предусмотренная УК РФ формула совокупности «ни за одно из которых лицо не было осуждено» не в полной мере отвечает тому объему деяний, которые реально признаются законом совокупностью преступлений, и является неточной. В ч. 5 ст. 69 УК РФ предусмотрено правило, согласно которому совокупностью преступлений признается и такая ситуация, при которой уже после вынесения судом приговора становится известно еще об одном преступлении, совершенном до вынесения приговора по первому делу (то есть фактически совершено два преступления, за одно из которых лицо осуждено). Уже в силу этого, правильней говорить о совокупности как о ситуациях, когда два или более преступления совершены до осуждения по одному из них либо как о случаях, когда «субъектом совершено несколько преступлений, ... ни за одно из которых не отбыто наказание»¹.

При том, что эти формулы более точны, нежели законодательная, нельзя не заметить существенной разницы между ними. В них определяются два важных и вместе с тем принципиально различных момента (признака) совокупности преступлений: момент осуждения и момент отбытия наказания.

В первом случае закономерным продолжением теоретического и нормативного конструирования множественности является выделение наряду

---

¹ Познышев С.В. Уголовное право. Дополнение ко 2-м выпускам Общей части. Вып. 1. М., 1909. С. 160.

с совокупностью преступлений такой формы сочетания нескольких преступлений, как совокупность приговоров¹.

Во втором случае совокупность приговоров теряет статус и значение самостоятельной формы множественности и фактически рассматривается как особая разновидность совокупности преступлений².

Нам представляется, что с учетом ранее установленных в настоящем исследовании признаков множественности преступлений и характеристики социальных оснований ее выделения в законе, именно вторая из изложенных позиций, акцентирующая внимание на моменте отбытия наказания, выглядит более убедительной, теоретически и практически оправданной (к подтверждению этой мысли еще вернемся).

Исходя из этого, совокупность преступлений следует усматривать в трех основных ситуациях:

- а) лицо совершает несколько преступлений и привлекается к ответственности сразу за все эти деяния;
- б) после вынесения приговора становится известным о том, что до этого лицо совершило еще одно или несколько преступлений;
- в) после вынесения приговора лицо совершает одно или несколько новых преступлений¹.

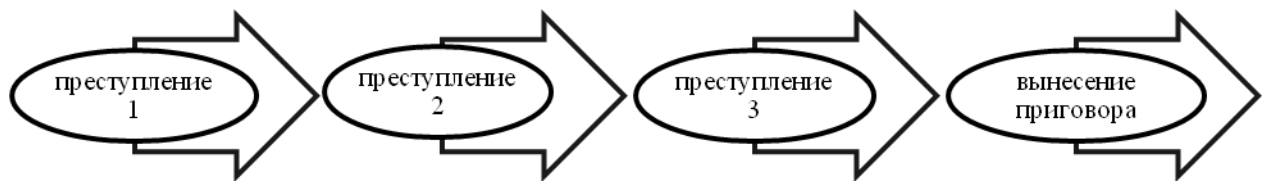
---

¹ Как известно, такое сочетание предусмотрено сегодня в ст. 70 УК РФ и признается рядом специалистов самостоятельной формой множественности преступлений. См.: Становский М.Н. Назначение наказания. СПб, 1999. С. 303; Чернова Т.Г., Малков В.П. Назначение наказания по совокупности приговоров // Российская юстиция. 2001. №8. С. 69; Ображиев К.В. Проблемы совокупности приговоров в уголовном праве. Ставрополь, 2003. С. 9; Спивак С.Г. Назначение наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9; Урчуков В.М. Совокупность приговоров по Российскому уголовному праву. Диссертация ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008. С. 22.

² Такая позиция была в свое время широко распространена в отечественной науке, см.: Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Части Общая и Особенная. Киев, 1903. С. 317; Познышев С.В. Уголовное право. Дополнение ко 2-м выпускам Общей части. Вып. 1. М., 1909. С. 163; Соловьев А.Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 159; Советское уголовное право. Часть общая. М., 1964. С. 273–274; Уголовное право России. Общая часть. Т. 1. / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 1998. С. 455.

Первые две ситуации относительно просты для понимания. Условно их можно обозначить как совершение лицом, не имеющим судимости, впервые нескольких преступлений. Тот факт, что какие-то из преступлений были выявлены и расследованы ранее других не меняет правовой и социальной оценки ситуации. Дифференциация этих случаев оправдана лишь соображениями практики применения закона и целями максимальной конкретизации юридических фактов. Представим эти ситуации графически (см. рис. 6).

Рисунок 6. Совокупность преступлений без осуждения

Совокупность преступлений будет иметь место, если:

- после совершения преступления №3 лицо привлекается к ответственности сразу за все совершенные им деяния (№1, №2, №3); в данном случае при определении итогового наказания применяются правила, предусмотренные ч. 1, ч. 2 и (или) ч. 3 ст. 69 УК РФ;

- лицо привлекается к ответственности за преступления №2 и №3, выносится приговор (причем, он может и вступить в законную силу, и более того, наказание по нему может быть отбыто виновным), но после этого становится известным о совершении лицом преступления №1 (здесь возможны различные варианты последовательности привлечения к уголовной ответственности); в этом случае к правилам назначения наказания «присоединяется» ч. 5 ст. 69 УК РФ.

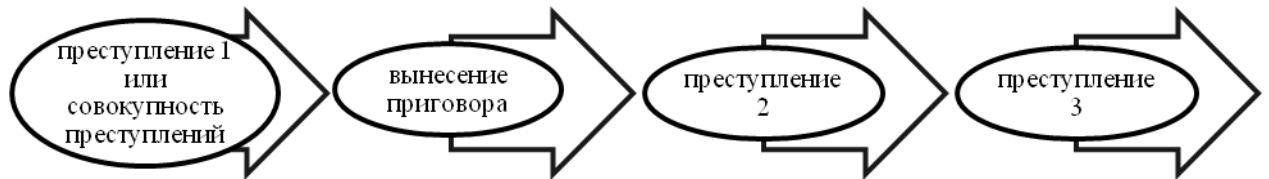
Совершенно иной и весьма специфичный вид совокупности имеет место в случаях, когда лицо совершает одно или несколько новых

---

¹ Досаева Г.С. Перспективы совершенствования теории и нормативной регламентации совокупности преступлений // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 28. С. 8–13.

преступлений после вынесения приговора за ранее совершенное преступление или преступления (см. рис. 7).

Рисунок 7. Совокупность преступлений с осуждением

На сегодняшний день, согласно предписаниям действующего уголовного закона, преступление №2 и преступление №1 могут образовывать либо рецидив (если соблюдаются соответствующие условия: приговор вступил в законную силу, оба преступления умышленные и т.д.), либо совокупность приговоров, либо и то, и другое вместе (преступление №2 может оцениваться как рецидивное и приговор по нему может образовывать совокупность с приговором по преступлению №1).

Если же следовать логике признания рецидива не формой множественности преступлений, а особым свойством личности виновного, то преступление №2 (равно как и преступление №3) может быть признано судом совершенным рецидивистом с вытекающими отсюда правилами назначения наказания за каждое из них, а может быть и не признано таковым.

В этом случае факт вступления или невступления приговора за преступление №1 в законную силу не имеет решающего значения для совокупной оценки преступлений №1, №2 и №3. Вступление приговора за преступление №1 в силу имеет значение лишь для признания преступлений №2 и №3 рецидивными.

И если опасность личности виновного, совершающего преступления после осуждения, не учтена при признании преступления (например, № 2 или

№3) рецидивным, а личности преступника—соответственно рецидивистом, возникает вопрос, обладает ли совокупность преступлений с осуждением качественно или количественно иными показателями общественной опасности по сравнению с совокупностью преступлений без осуждения, и заслуживает ли она иных, особых правил назначения наказания.

Этот вопрос различным образом решался в истории отечественной правовой доктрины. С.В. Познышев полагал, к примеру, что «выделение рассматриваемых случаев из общего понятия совокупности и создание для них особых правил лишено всяких оснований»¹. Аналогичного мнения придерживался Л.С. Белогриц-Котляревский². Н.С. Таганцев и Н.Д. Сергеевский прямо не определяли своего отношения к этой разновидности сочетания нескольких преступлений, но и не выступали открыто с критикой законов, которые относили ее к совокупности преступлений³.

Тем не менее, с XIX столетия законодатель был последователен в создании специальных правил совокупности приговоров. Представляется, что единственное возможное теоретическое объяснение этому можно усматривать в следующем. При совокупности преступлений возникает необходимость сложения наказаний, ни одно из которых не отбыто, а следовательно и не оказало на виновного исправительного воздействия (хотя бы частично); суд здесь изначально определяет окончательную меру воздействия на преступника за все преступления сразу. А потому он обладает большей свободой в выборе оптимального вида и размера наказания, ему доступны и поглощение, и полное, и частичное сложение наказаний. Что касается совокупности приговоров, то здесь суд находится в более стесненных рамках. Он, во-первых, не вправе корректировать приговор по

---

¹ Познышев С.В. Уголовное право. Дополнение ко 2-м выпускам Общей части. Вып. 1. М., 1909. С. 163.

² Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Части Общая и Особенная. Киев, 1903. С. 316.

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. Изд. 2-е., пересмотр. и доп. СПб., 1902. С. 1344; Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Изд. 3-е. СПб., 1896. С. 367

первому преступлению в части его сроков и размеров¹; во-вторых, обязан учесть уровень исправительного воздействия первого приговора на преступника; в-третьих, не может, просто в силу законов разума и гуманизма, ограничиться простым и полным сложением назначенных наказаний.

Однако реальность такова, что все эти различия на практике не имеют равным счетом никакого значения. И при совокупности преступлений, и при совокупности приговоров реально применяются два принципа определения итогового наказания: поглощения и сложения (полного или частичного). В первом случае различий в объемах наказания быть в принципе не может. Различия, согласно закону, имеются в определении порогового (максимального) размера наказания при сложении наказаний; причем они существуют только для одного вида наказания—лишения свободы. Представляется, что этого явно недостаточно для того, чтобы создавать два различных порядка определения наказания и тем более для того, чтобы, исходя из этого, усматривать в совокупности приговоров самостоятельную форму множественности.

На наш взгляд, можно констатировать целесообразность исключения положений о совокупности приговоров из действующего законодательства и рассматривать это сочетание преступлений в одном ряду с совокупностью преступлений (реальной совокупностью). В процессе проведения социологического исследования с этим тезисом высказали солидарность 45% опрошенных специалистов. Такое решение, кроме прочего, будет способствовать «снятию» проблемы определения правового значения приговора, который вынесен (провозглашен), но не вступил в законную силу. Полагаем, что этой стадии придается сегодня неоправданно большое

---

¹ Т.Г. Чернова и К.В. Ображиев верно замечают, что в целом ряде случаев при частичном сложении наказаний по совокупности приговоров складывается ситуация, когда совершение нового преступления в период отбытия наказания, по сути, становится обстоятельством, освобождающим от части наказания, назначенного за ранее совершенное преступление. См.: Чернова Т.Г. Назначение наказания по совокупности приговоров по уголовному праву России: Дисс. ... канд. юрид. наук. - Йошкар-Ола, 2001. С. 70; Ображиев К.В. Проблемы совокупности приговоров в уголовном праве.— Ставрополь, 2003.—С. 36.

значение. С точки зрения доктрины прав человека приговор либо есть, либо нет. Если он не вступил в законную силу, его фактически не существует, он не меняет уголовно-правового статуса лица; если вступил – иное дело. Установление особых правил сложения наказаний при совокупности приговоров фактически уравнивает статус лиц, в отношении которых приговор вступил в силу, и лиц, в отношении которых приговор в силу не вступил, что вряд ли оправданно.

Исходя из сказанного, представляется возможным определить перспективы развития теоретических и нормативных положений о совокупности преступлений. В частности, закономерно выстраивается следующий алгоритм:

- если лицо совершило несколько преступлений до осуждения хотя бы за одно из них, содеянное рассматривается как ординарная совокупность преступлений с применением стандартных процедур назначения наказания;

- если лицо совершило второе преступление после провозглашения, но до вступления в силу приговора за первое преступления, содеянное следует также рассматривать как совокупность преступлений; назначать в обычном порядке наказание за второе преступление, а затем, руководствуясь едиными правилами «поглощения – сложения», определять итоговое наказание;

- если лицо совершило второе преступление после вступления в силу приговора за первое преступление, то признав или не признав лицо рецидивистом и соответственно применив или не применив к назначению наказания за второе преступление специальные правила, все совершенные деяния (первое и рецидивное) следует рассматривать как совокупность преступлений и применять единые стандартные правила определения итогового наказания.

Гораздо большее значение, нежели факт вынесения или вступления в силу приговора суда, для познания и оценки совокупности преступлений имеет характеристика совершаемых лицом деяний. Отечественная наука XIX столетия (Познышев С.В., Таганцев Н.С. и др.) последовательно различала

совокупность простую (когда лицо совершает несколько, как правило, различных преступлений) и квалифицированную (когда совершение нескольких, как правило, тождественных или однородных преступлений отражает привычку лица к преступной деятельности). В советском праве эти оттенки совокупности были воплощены в конструировании неоднократности как самостоятельной формы множественности, которая, как известно, была изъята из закона в процессе реформы 2003 года.

В настоящее время уголовный закон не содержит специальных предписаний, позволяющих учитывать вид совершаемых по совокупности преступлений. Такое решение оценивается в науке критически. Ряд специалистов (Э.Ф. Побегайло, А.Н. Игнатов, Р.Р. Галиакбаров¹) активно выступает за возвращение в уголовный закон неоднократности. А.Ф. Зелинский предлагает для нормативного закрепления понятие преступной деятельности, определяя ее как волевое целенаправленное поведение, систему предусмотренных уголовным законом общественно опасных действий, внутренне детерминированных общим мотивом, реализация которого планируется субъектом посредством постановки и достижения частных промежуточных целей². В.П. Малков самостоятельной формой множественности признает преступный промысел, определяя его как систематическую преступную деятельность с целью извлечения наживы, которая является для виновного основным или дополнительным, но существенным источником существования либо является источником систематического обогащения³.

---

¹ Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 39; Игнатов А.Н. Некоторые аспекты реформирования уголовного законодательства // Журнал Российского права. 2003. № 9. С. 25; Галиакбаров Р.Р., Соболев В.В. Уголовный кодекс РФ: поправки с пробелами // Уголовное право. 2004. № 2. С. 15.

² Зелинский А.Ф. Повторение преступлений как преступная деятельность // Государство и право. 1995. № 12. С. 57–58.

³ Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 73.

Указанные предложения имеют целью усиление ответственности за многократно повторяемое совершение тождественных или однородных преступлений – преступную деятельность, отражающую тенденцию профессионализации преступности. В силу этого они вполне заслуживают законодательного внимания. Вопрос только в том, как отразить этот феномен в законе.

Одна из основных проблем, которая возникает в связи с оценкой ситуации, состоит в том, чтобы решить извечный вопрос: свидетельствует ли многократное совершение преступления тождественных или однородных преступлений о повышении общественной опасности преступлений или же оно отражает увеличение опасности лица, совершающего такие преступления. И неоднократность, и промысел, и преступная деятельность, как они предлагаются специалистами, - конструируются по преимуществу именно как формы множественности преступлений. Нам представляется, что специализация лица на совершении однотипных деяний в большей степени отражает перепады в оценке опасности личности, свидетельствует о его криминальной профессионализации.

С учетом сказанного, классификация совокупности преступлений на тождественную (однородную) и разнородную должна быть положена в основу дифференциации оценки личности виновного. Нормативным техническим приемом, позволяющим отразить этот факт непосредственно в законе, может стать соответствующее отягчающее уголовное наказание обстоятельство («специализация лица на совершении тождественных или однородных преступлений»).

Подводя итог анализу проблем, связанных с определением перспектив развития института множественности преступлений в отечественном уголовном праве, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы:

- исходной посылкой для развития теории и практики уголовно-правового противодействия множественности преступлений должно стать

предельно четкое позиционирование социальных оснований этого института, различение понятий общественная опасность преступления и общественная опасность личности преступника. Совершение нескольких преступлений всегда свидетельствует о возрастании опасности личности, оно приводит также к аккумуляции опасности этих нескольких преступлений, но оно не может свидетельствовать о возрастании общественной опасности каждого отдельно взятого последующего преступления;

- рецидив преступлений, с учетом существующей практики нормативной регламентации, исторического опыта признания таковым лишь тождественных и однородных преступлений, а также социально-криминологических показателей этого сочетания преступлений, целесообразно исключить из числа форм множественности и сконструировать предписания, позволяющие признавать его, по усмотрению суда, признаком, характеризующим личность виновного;

- повторение лицом однотипных преступлений, отражая возрастание уровня общественной опасности личности, вызванное криминальной специализацией и профессионализацией деятельности, может стать основой для признания этого лица рецидивистом (с установлением фиксированных правил повышения наказания) либо признания его специализирующимся на совершении тождественных или однородных преступлений (с предоставлением суду возможности самостоятельно определить степень влияния этого обстоятельства на наказание); различие между ситуациями проводится с учетом признаков наличия судимости, возраста, формы вины совершаемых деяний;

- множественностью преступлений следует считать лишь такие ситуации совершения нескольких преступлений, когда возникает необходимость определить размер и порядок отбывания наказаний, назначенных за каждое из них. В силу этого не может считаться множественностью рецидив, не отягощенный совокупностью приговоров. Рецидив, отягощенный совокупностью приговоров, собственно совокупность

приговоров и совокупность преступлений, в том виде, как они сегодня понимаются законом, порождают единую проблемы определения итогового наказания виновного. Вместе с тем, предусмотренные законом различия в порядке, процедуре и итоге ее решения представляются неоправданными, в силу чего можно утверждать о том, что все эти сочетания деяний могут быть объединены в рамки единой конструкции совокупности преступлений.

§2. Актуальные проблемы квалификации множественности преступлений

Множественность преступлений – один из наиболее сложных институтов уголовного права не только в плане его теоретической интерпретации, но и с позиций практики правоприменения. Проведенное исследование показывает, что примерно каждый десятый отмененный или измененный в кассационном или апелляционном порядке приговор так или иначе связан с неправильным применением уголовно-правовых норм, составляющих институт множественности преступлений. Опрос практикующих юристов показал, что не менее 76% из них испытывают затруднения при квалификации множественности преступлений. Учитывая эти обстоятельства, анализ актуальных вопросов применения института множественности преступлений на уровне самостоятельного раздела диссертации представляется целесообразным и оправданным. Вместе с тем, учитывая объективно ограниченные рамки настоящей работы и ее по преимуществу теоретическую направленность, позволим себе ограничиться здесь исследованием лишь некоторых, как представляется, наиболее значимых проблем, вызванных, прежде всего, несовершенством и противоречивостью нормативной основы регулирования вопросов ответственности за множественность преступлений.

Одной из таких проблем, при всей парадоксальности ситуации, стоит признать наличие серьезных затруднений, связанных с установлением

количества совершенных лицом преступлений и отграничением множественности от сложного единичного преступления.

Совершение лицом двух или более самостоятельных преступлений – общепризнанный признак множественности преступлений. Между тем, известно, что законодатель волен до определенных пределов свободно конструировать составы преступлений и тем самым проводить грань, отделяющую множественность от сложного единичного преступления. Следовательно, решение вопроса о том, имеется ли в действиях лица множественность, во многом зависит от конструкции состава преступления. В самом уголовном законе это положение (хотя и не в полной мере) отражено в ч. 1 ст. 17 УК РФ, согласно которой *«совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание»* (курсив наш – Г.Д.).

Акцент на «более строгое» в этой законодательной формуле ориентирует исследователей в поиске «исключительных случаев» по преимуществу на конструкции квалифицированных составов преступлений¹. Вместе с тем, некоторые специалисты в качестве примеров «обстоятельств, влекущих более строгое наказание», приводят основные составы преступлений, в частности, предписания ст. 154 «Незаконное усыновление (удочерение)», ст. 180 «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)» УК РФ². Этот ряд, очевидно, можно продолжить положениями ст. 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции». В данных статьях, как

---

¹ См., например: Савельева В.С. Основы квалификации преступлений. Учеб. пособие. М., 2006. С. 46; Пудовочкин Ю.Е. Признаки совокупности преступлений в современной судебной практике // Уголовное право. 2009. № 4. С. 54–59.

² Дуюнов В.К., Хлебушкин А.Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика. М., 2012. С. 111.

известно, установлена ответственность за неоднократное совершение той или иной разновидности действий, причем в некоторых случаях для признания деяния неоднократным требуется наличие административной преюдиции, в других – нет).

Такая ситуация высвечивает нескольких теоретических проблем, требующих отдельного анализа.

Во-первых, согласимся с В.К. Дуюновым и А.Г. Хлебушкиным в том, что поиск «случаев совершения лицом двух или более преступлений» не может быть ограничен рамками исключительно квалифицированных составов преступлений. Так называемые сложные составы преступлений (в частности, составные) вполне могут быть основными (без квалифицирующих и привилегирующих признаков). В данном случае предусмотренное в качестве признака одного состава совершение двух или более преступлений выступает обстоятельством, влекущим более строгое наказание по сравнению с наказанием, которое возможно в ситуации совершения и квалификации этих двух преступлений порознь. Пожалуй, самым ярким и едва ли не единственным примером здесь может служить состав разбоя (ч. 1 ст. 162 УК РФ), который охватывает собой и факт открытого хищения чужого имущества (ч. 1 ст. 161 УК РФ), и факт причинения легкого или средней тяжести вреда здоровью (ст. 112, ст. 115 УК РФ). Столь ограниченное поле составных преступлений, предусмотренных в основном составе, конечно, заставляет задуматься над целесообразностью и теоретической состоятельностью конструкции. Однако это проблема требует отдельного исследования и не входит в круг наших интересов. Нам гораздо важнее подчеркнуть, что в принципе, конструкция основного состава составного преступления не исключена. И уже в связи с этим вышеупомянутая формула ст. 17 УК РФ представляется, как минимум, не точной. Совокупность преступлений (и множественность в целом) должна исключаться в любой ситуации, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено Особенной частью УК РФ в качестве

самостоятельного преступления, а не только в случаях, когда это обстоятельство влечет более строгое наказание.

Второй момент, на который следует обратить внимание, анализируя вопросы отграничения множественности от единичного преступления, состоит в необходимости предельно четкого и однозначного понимания такого, на первый взгляд, простого обстоятельства, что множественность в уголовном праве образуют только и исключительно преступления. Приведенные ранее рассуждения В.К. Дуюнова и А.Г. Хлебушкина, как представляется, не учитывают этого требования. Между тем, еще Б.А. Куринов предельно четко сформулировал мысль о том, что «преступление не может быть признано повторным, если виновный в первый раз совершил такие действия, которые формально и подпадают под признаки статьи Особенной части УК, но в силу явной малозначительности относятся к категории административных, дисциплинарных или иных антиобщественных проступков. Для наличия повторности необходимо, чтобы, по крайней мере, два деяния были признаны преступлениями»¹.

В этой связи обратим внимание, что в ситуациях, описанных в статьях 116.1, 151.1, 154, 157, 158.1, 180, 212.1, 215.4, 264.1, 284.1, 314 УК РФ, мы встречаем не множественность преступлений и не случаи, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено в статье Особенной части в качестве обстоятельства, влекущее более строгое наказание. Это образцы преступлений с явной или неявной административной преюдицией.

Их появление в действующем уголовном законе сложно признать оправданным². Убеждены, что признание некоторых проступков

---

¹ Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1976. С. 161.

² В последнее время вопрос об административной преюдиции в уголовном праве вновь встал в центре внимания специалистов. Он был определен предметом специально организованной широкой дискуссии на VI международном теоретическом семинаре в Академии Генеральной Прокуратуры РФ (Вестник Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 58–71), а также стал одной из центральных тем в дискуссии, организованной журналом «Библиотека криминалиста» (2012. № 2). Из работ, опубликованных в последние годы см. также: Зуев В.Л. О состоятельности административной преюдиции // Юридический мир. 2002. № 2. С. 40–46; Бойко А.И.

преступными и уголовно наказуемыми деяниями в силу повторности противоречит принципу уголовного права, согласно которому преступлением считается только такое общественно опасное деяние, которое само по себе содержит все признаки состава преступления, независимо от иных обстоятельств, в частности от того, было ли лицо подвергнуто мерам административного воздействия за совершенный ранее проступок; и уж совсем неверным видится включение в признак общественной опасности преступления количественного признака, отражающего число совершенных административных проступков.

По сути, введение административной преюдиции в УК РФ нарушает принцип недопустимости «двойной ответственности» за одно и то же деяние, а также принцип равенства граждан перед законом, поскольку в идентичных ситуациях лицо, которое ранее не привлекалось к административной ответственности, в случае совершения административного проступка, закономерно не будет подлежать уголовной ответственности.

Установление в УК РФ административной преюдиции, таким образом, влечет за собой повторную кару за административное правонарушение, наказание за которое уже было отбыто или отбывается.

Посредством приемов формальной логики можно доказать возможность существования в российском праве административной преюдиции, однако толкование сути этого правового явления не позволяет

Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Юристъ-Правоведъ. 2004. № 3. С. 27–32; Овечкина Е.В. Возвращение к административной преюдиции: «за» или «против»? // Закон и право. 2008. № 2. С. 52–53; Бавсун М.В., Бавсун И.Г., Тихон И.А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6–9; Овечкина Е.В. Административная преюдиция как средство криминализации и декриминализации в уголовном праве России // Закон и право. 2009. № 5. С. 50–53; Ямашева Е.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 69–79; Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48–53; Чикин Д.С. Преступление с административной преюдицией как вид сложного единичного преступления // Российский следователь. 2012. № 23. С. 17–18; Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в российском уголовном праве: проблемы квалификации // Мировой судья. 2016. № 3. С. 28–34.

заявить о том, что она не нарушает принципа *nonbisinidem* (нельзя дважды за одно и то же).

Кроме того, как верно обращается внимание в научных публикациях, в прецедентной практике ЕСПЧ, принцип *nonbisinidem* - в соответствие с п. 3 ст. 34 Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г. (Никто не должен дважды нести уголовную или иную ответственность за одно и то же правонарушение) – имеет более широкое содержание, чем в отечественном праве¹, предполагая запрет не только на повторное привлечение к уголовной ответственности, но и на повторное осуждение за одно и то же правонарушение².

Не повторяя известных аргументов в известной дискуссии, отметим также, что конструкция составов с административной преюдицией сегодня не может рассматриваться вне контекста анализа проблем объема, границ уголовного права и соотношения уголовного права с административно-деликтным.

Поводом к обсуждению этого вопроса стало формирование в практике Европейского Суда по правам человека концепции «уголовно-правовой сферы», которая охватывает собой и собственно уголовно противоправные поступки, и иные виды правонарушений, если в процессе государственного реагирования на них требуется соблюдение гарантий прав человека, свойственных уголовному процессу³. Последовательная прецедентная практика Европейского суда установила три критерия, известные как

---

¹ «...заявитель был привлечен к ответственности... в рамках производства по делам об административных правонарушениях, которое можно сравнить с «уголовной процедурой» в пределах автономного определения Конвенцией данного понятия» // Постановление ЕСПЧ от 12.12.2013 «Дело «Хмель (Khmel) против Российской Федерации»» // Российская хроника Европейского суда. Специальный выпуск. –2014.–№ 2.

² См. подробно об этом: Косевич Н.Р. Административный надзор за осужденным и ответственность за нарушение его мер // Библиотека криминалиста. Научный журнал.–2016.–№ 4. –С. 287–294.

³ В отечественной литературе об этом первым стал писать И.А. Клепицкий, см.: Клепицкий И.А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской конвенции о правах человека // Государство и право. 2000. № 3. С. 65–74.

критерии Энгеля, которые должны применяться при определении, попадает ли то или иное правонарушение или санкция в «уголовно-правовую сферу»

Первый критерий—правовая квалификация нарушения с точки зрения национального законодательства, второй—сама природа правонарушения, третий—степень суровости наказания, которому рисковало подвергнуться заинтересованное лицо (см. § 82 Постановления ЕСПЧ от 08.06.1976 г. по делу «Энгель (Engel) и другие против Нидерландов»). Отталкиваясь от этой идеи, некоторые специалисты стали активно выступать за отождествление правовой природы административных правонарушений и преступлений и формирование концепции уголовного права «в широком смысле»¹, в то время как другие вполне закономерно встали на защиту «отраслевой чистоты» и самостоятельности уголовного права, исходя, прежде всего, из несводимости административных правонарушений к преступлениям².

Этот спор имеет прямое отношение к рассматриваемой нами проблематике множественности. Ведь если признавать самостоятельность и принципиальные различия в правовой природе административных правонарушений и преступлений, то должно быть очевидным, что количество совершенных проступков не может привести к изменению их качества и перерастанию двух или более административных правонарушений в преступление. Об этом убедительно писал еще М.И. Ковалев³.

Если же допустить наличие единой правовой природы административных правонарушений и преступлений, административной и

---

¹ См., например: Есаков Г.А. Уголовное право в «широком» смысле: концептуальный подход // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы X Международ. науч.-практ. конф. М., 2013. С. 35–38; Головкин Л.В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 77–90.

² См., например: Крылова Н.Е. Существует ли уголовное право «в широком смысле слова»? // Научные основы уголовного права и процессы глобализации. Материалы V Российского конгресса уголовного права. М., 2010. С. 721–727; Малиновский А.А. Критические размышления о концепции уголовного права в «широком» смысле // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 173–178.

³ Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями. Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1982. С. 11, 12.

уголовной ответственности, то проблема административной преюдиции трансформируется в проблему нормативной регламентации ответственности за множественность правонарушений. В этом случае феномен, именуемый сегодня «преступлением с административной преюдицией» (иными словами – единичное сложное преступление), трансформируется в преступление, совершенное неоднократно (то есть, в множественность преступлений). Причем, учитывая различия в предписаниях статей 116.1, 151.1, 157.1, 158.1, 212.1, 215.4, 264.1, 284.1, 314 УК РФ, с одной стороны, и статей 154, 180 УК РФ, - с другой, такая неоднократность представляется в двух разновидностях – соединенная с предшествующим административным наказанием и не соединенная с ним.

Сказанное очень созвучно проблемам неоднократности преступлений в их трактовке уголовным законом до реформы 2003 года. Дискуссия по этому поводу известна и нет смысла ее повторять. Однако учитывая, что законодатель отказался от конструкции неоднократности, возникает вопрос о целесообразности возврата к ней в новых условиях.

Представляется, что уголовно-политическое решение, принятое в 2003 году, не стоит пересматривать. Неоднократность, как было показано в предшествующем изложении, должна стать основой для адекватной оценки личности виновного. Но такая оценка должна проводиться в рамках соответствующей отрасли права; и в данном случае не важно, будет ли это административное право или уголовное право в «широком смысле».

К сказанному следует добавить также критические замечания в адрес наметившейся тенденции использования в качестве квалифицирующего признака состава преступления факта наличия предшествующей судимости у лица, совершившего преступление (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135 УК РФ). Представляется, что при решении принципиального вопроса о наличии множественности преступлений (правонарушений) характеристики личности виновного (было ли лицо наказано в административном или в уголовном порядке) не имеют значения, поскольку,

как было показано ранее, наказанием в этом случае облагается лишь одно преступление. Не случайно, при назначении наказания за преступления, квалифицированные с учетом признака предшествующей судимости субъекта, правила ст. 68 УК РФ (о назначении наказания при рецидиве преступлений) не могут быть применены.

Таким образом, множественность в уголовном праве образуют только и исключительно преступления – деяния, криминализация которых не зависит от качеств и свойств лица, их совершающего (вменяемость и возраст в данном случае не учитываем). Административной преюдиции и дифференциации уголовной ответственности на основании признака судимости лица, совершившего преступление, не должно быть места в уголовном праве. Соответствующие обстоятельства, отражающие перепады в общественной опасности личности и ее специализацию на совершении однотипных правонарушений, должны быть учтены в рамках нормативной концепции оценки личности виновного.

В связи с рассматриваемыми проблемами следует обсудить и еще один вопрос, связанный с конструированием составов преступлений, определением понятия «деяние» как признака объективной стороны и разграничением единичного преступления и множественности. В ситуации наличия административной преюдиции и квалифицирующего признака «судимость» мы встречаем примеры, в которых отдельные элементы сложного единичного преступления могут быть охарактеризованы с точки зрения права (административного или уголовного) как правонарушение¹. Однако в целом ряде случаев объективная сторона состава преступления «собирается» законодателем из нескольких (множества) деяний, которые сами по себе не являются правонарушением. Об этом свидетельствуют, прежде всего, используемые законодателем грамматические конструкции. Например, с. 145.1 УК РФ устанавливает ответственность за невыплату

---

¹ Сидоренко Э.Л. Особенности квалификации преступлений преюдиционного характера // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 60–66.

заработной платы в течение трех или более месяцев; ст. 127.1 УК РФ говорит во множественном числе о «сделках» с человеком, ст. 174 и ст. 174.1 УК РФ о «финансовых операциях и других сделках», ст. 205 УК РФ – о «публичных призывах», ст. 241 УК РФ – о «деяниях, направленных на организацию занятия проституцией» и т.д. Подобные конструкции в теории уголовного права рассматриваются как разновидность сложных единичных преступлений (преступление с двумя действиями, с неоднократными или с систематическими действиями).

Между тем, в судебной практике для квалификации содеянного как преступления подобного множества актов поведения не требуется. Так, Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 32 от 7 июля 2015 г. «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»¹ отмечает, что по смыслу закона ответственность по статье 174 УК РФ или по статье 174.1 УК РФ наступает и в тех случаях, когда виновным лицом совершена лишь одна финансовая операция или одна сделка с приобретенными преступным путем денежными средствами или имуществом (п. 7). Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 9 февраля 2012 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»² аналогичным образом утверждает, что публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (часть 1 статьи 205.2 УК РФ) следует считать оконченным преступлением с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению террористической деятельности или нет.

Подобная ситуация, как известно, получает неоднозначную оценку в научной литературе. Однако оставляя в стороне частные вопросы

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

квалификации конкретных преступлений, обратим внимание на общую проблему: допустимо ли признавать множество отдельных актов поведения единым деянием (основанием уголовной ответственности) и допустимо ли признавать единичные акты поведения достаточным основанием ответственности при описании деяния в уголовно-правовой норме с использованием грамматических конструкций множественного числа.

По поводу первого вопроса стоит заметить: и в реальной жизни, и в законодательных конструкциях множество действий может признаваться формой выражения единого общественно опасного деяния при соблюдении одного принципиального условия. Все эти действия должны быть отражением единого умысла (или единой неосторожности) виновного. Судебная практика твердо придерживается этого правила при квалификации преступлений. К примеру, еще в Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР № 4 от 25 сентября 1979 г. «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР»¹ (Постановление признано утратившим силу Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 6 февраля 2007 г.) указывалось, что систематичность истязания предполагает нанесение более двух раз побоев, характер которых свидетельствует об умысле лица на причинение потерпевшему особой мучительной боли или страданий. Представляется, что это разъяснение не утратило своего значения и сегодня, более того, оно вполне может рассматриваться в качестве общей квалификационной и интерпретационной нормы: множественность актов поведения должна признаваться одним преступлением лишь при общности вины действующего субъекта.

Этот тезис в известной мере подтвержден Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 64 от 28 декабря 2006 г. «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые

---

¹ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1997.

преступления»¹. Признавая, что ответственность по ст. 198 УК РФ или по ст. 199 УК РФ наступает в случае уклонения от уплаты как федеральных налогов и сборов, так и налогов субъектов Российской Федерации и местных налогов, Пленум подчеркивает, что уклонение от уплаты налогов и (или) сборов возможно только с прямым умыслом с целью полной или частичной их неуплаты. Отсюда делается вывод, что ответственность за преступление, предусмотренное ст. 198 УК РФ либо ст. 199 УК РФ, может наступить при наличии к тому оснований, если уклонение от уплаты одного или нескольких налогов (сборов) составило крупный или особо крупный размер. Равным образом в качестве одного деяния в смысле ст. 264 УК РФ следует понимать нарушение лицом, управляющим транспортным средством нескольких пунктов Правил дорожного движения, при условии, что все они причинно связаны с последствием в виде причинения тяжкого вреда или смерти потерпевшего (см. п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 9 декабря 2008 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»)².

В этих случаях несколько действий (бездействий) виновных лиц рассматриваются и правоприменителем, и законодателем в качестве единого сложного деяния (признака объективной стороны единичного преступления), поскольку все они связаны «единой виной», отражают единое психическое отношение субъекта к охраняемым уголовным законом ценностям и находятся в причинной связи с наступившими последствиями.

В противном случае, если действие субъекта «выбивается» из этого общего субъективного и причинного ряда, оно не может рассматриваться в качестве элемента деяния (в цитированном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 9 декабря 2008 г. на этот счет указано: «Если в

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2.

обвинительное заключение (обвинительный акт) включены отдельные пункты правил, нарушения положений которых не соответствуют установленным в судебном заседании фактическим обстоятельствам дела, суд, исходя из положений статьи 237 УПК РФ, по ходатайству стороны или по собственной инициативе вправе возвратит уголовное дело прокурору для предъявления обвинения с указанием конкретных пунктов правил, нарушение которых повлекло указанные в статье 264 УК РФ последствия, если это не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия и при этом не ухудшается положение подсудимого).

Для того чтобы рассмотренное правило стало зримым и приобрело черты нормативности, необходимо, на наш взгляд, последовательно соблюдать некоторые правила законодательной техники. А именно: при описании объективной стороны состава преступления в диспозиции статьи Особенной части УК РФ посредством указания на некоторое множество действий, всегда дополнительно описывать цель и (или) последствие. При таком подходе связь элементов единичного преступления будет выражена более наглядно.

Соблюдение представленного правила позволит правильно ответить и на второй из поставленных выше вопросов о возможности признания преступлением единичного акта поведения в ситуации, когда в уголовно-правовой норме деяние описано с использованием грамматических конструкций множественного числа.

Если состав преступления сконструирован по типу материального и предусматривает в качестве обязательного признака наличие последствий, то вне зависимости от того, одно или несколько деяний выполнено субъектом, содеянное может квалифицироваться в качестве преступления при наличии указанного в законе последствия. Именно поэтому даже одна финансовая операция или сделка с имуществом, добытым преступным путем, может рассматриваться в качестве преступления в смысле ст. 174 и ст. 174.1 УК РФ,

если она связана с легализацией имущества в крупном размере. Размер отмываемых средств в данном случае выступает основным криминообразующим признаком деяния, а потому его наличие в действиях виновного сводит на нет количество совершенных им сделок или финансовых операций.

В ситуации, когда состав преступления сконструирован по типу формального (например, в случае с публичными призывами к осуществлению террористической деятельности), ориентация в правовой оценке деяния на последствия, по очевидным причинам, невозможна. Остается только один признак – субъективный отражающий единство умысла и цель действий виновного. Но в таком случае для возложения ответственности на виновного в обязательном порядке требуется выполнение им нескольких действий. Признание преступлением одного действия (в частности, одного призыва к осуществлению террористической деятельности) не соответствует требованиям УК РФ и правилам квалификации преступлений. Такое единичное действие не обладает по прямому указанию закона общественной опасностью, достаточной для объявления его преступлением, корректировка же законодательной воли в правоприменительной практике недопустима¹.

Продолжая далее анализ проблем квалификации множественности преступлений и отграничения множественности от единичного преступления, обратим внимание еще на некоторые сложные вопросы, обусловленные спецификой законодательных конструкций. Выше отмечалось, что основной массив случаев, когда «совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание», связан с квалифицированными составами преступлений. В числе таких составов, наиболее сложных для квалификации, стоит упомянуть о составе совершения

---

¹ Досаева Г.С. Актуальные проблемы квалификации множественности преступлений // Российское правосудие. 2015. № 1. С. 69–85.

преступления в отношении двух или более лиц. Рассмотрим его на классическом примере убийства двух или более лиц.

Согласно действующей редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»¹ убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по пункту «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам части 2 данной статьи, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден. Как известно, в связи с изменением уголовного законодательства, связанного с исключением положений о неоднократности, Пленум отошел от ранее занимаемой позиции, требовавшей установления единства умысла и намерений виновного для квалификации убийства двух или более лиц как одного преступления².

Это решение весьма неоднозначно воспринято отечественной наукой. Критикуя его, Е.В. Благов отмечает, что «отказ от неоднократности преступлений повлек изменения в регламентации только совокупности преступлений»; «стало быть, признак совершения преступления в отношении двух или более лиц желательно раскрывать в настоящее время также, как и раньше»³.

Представляется, что это суждение надо признать справедливым. Не станем дополнительно задаваться известными и на сегодняшний день безответными вопросами: о квалификации убийства двух лиц с разными мотивами, имеющими квалифицирующее значение; о порядке исчисления

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

² В первоначальной редакции указанного постановления и в ряде решений по конкретным уголовным делам Верховный Суд неоднократно указывал, что убийство двух или более лиц при отсутствии единого умысла квалифицируется с учетом правил о множественности преступлений. См.: Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по делу Пьянкова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 9; Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ по делу Куликовских // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 6.

³ Благов Е.В. Квалификация при совершении преступления. М., 2009. С. 96, 97.

срока давности при убийстве двух лиц; о квалификации убийства одного лица, совершенного до осуждения виновного за убийство другого потерпевшего, и т.д. Отметим в целом, что высшая судебная инстанция весьма вольно трактует содержание исследуемого квалифицирующего признака. Допуская квалификацию убийства двух лиц в качестве единичного преступления при различии в намерениях и, соответственно, наличии двух самостоятельных умыслов, она тем не менее, как известно, настаивает на квалификации по совокупности преступлений ситуаций, при которых даже единый умысел на убийство двух лиц не был реализован виновным по независящим от него обстоятельствам. При этом в качестве идеальной совокупности оконченного и неоконченного преступления предлагается квалифицировать ситуации совершения преступлений, предусмотренных одной статьей УК РФ, что прямо противоречит предписаниям ч. 2 ст. 17 УК РФ.

Оптимальный вывод из создавшейся ситуации видится, конечно, в корректировке законодательства об ответственности за убийство. Т.А. Плаксина, на наш взгляд, совершенно права, когда пишет: «Состав убийства двух или более лиц сконструирован законодателем как характеризующийся тождественной многообъектностью сложный состав, объединяющий неопределенное множество тождественных преступлений. Однако социальная потребность в уголовно-правовой охране совокупности основных объектов убийства, каждому из которых причиняется вред, материализующийся в виде смерти потерпевшего, в силу ряда причин не способна получить юридическое выражение в квалифицирующем убийство обстоятельстве, а может быть реализована лишь через институт совокупности преступлений»¹.

В чем сложно согласиться с Т.А. Плаксиной, так это с ее предложением об исключении квалифицирующего признака «совершение преступления в

---

¹ Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. Автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. С. 8–9.

отношении двух или более лиц». Полагаем, что грань между единичным преступлением, совершенным в отношении двух или более лиц, и множественностью тождественных преступлений, совершенных в отношении нескольких различных потерпевших, должна по-прежнему определяться в рамках анализа субъективных признаков преступлений.

Обстоятельством, исключающим совокупность, следует признавать не сам по себе факт наличия нескольких потерпевших и квалифицирующего признака «совершение преступления в отношении двух или более лиц», а характеристику субъективной стороны совершенного деяния: единство умысла и единство мотива на совершение преступлений в отношении двух или более лиц. Отчасти подтверждается сказанное и позицией самого Верховного Суда РФ, высказанной по делу Останина, в соответствии с которой вовлечение нескольких несовершеннолетних в совершение одного преступления не образует совокупности преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ, несмотря на то, что данный состав преступления не содержит квалифицирующего признака «вовлечение двух или более несовершеннолетних в совершение преступления»¹. Равным образом, в Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 18 июня 2008 г. № 163-П08 по делу С. указано, что действия виновного, связанные с посягательством на жизнь нескольких сотрудников милиции, совершенные с одной целью, в одном месте и без разрыва во времени, образуют единое преступление и подлежат квалификации по одной статье (ст. 317 УК РФ)². Единство преступных намерений является в данном случае признаком, отграничивающим совокупность от единого преступления. Таким образом, следует признать, что, во-первых, в некоторых случаях даже при наличии соответствующего квалифицирующего признака совершение преступления в отношении двух или более лиц может образовывать множественность; а во-

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 11.

вторых, совокупность может отсутствовать и в ситуации, когда состав преступления не содержит данного квалифицирующего признака.

Еще одна группа теоретико-прикладных проблем при квалификации множественности преступлений связана с рассмотрением преступной деятельности виновного лица как некоего процесса, имеющего протяжение во времени и в пространстве¹.

Динамика криминальной деятельности в приложении к проблеме множественности преступлений обуславливает необходимость правовой оценки нескольких ситуаций:

а) *В процессе подготовки к «основному» преступлению лицо совершает преступления «дополнительные».*

Разрешение такой ситуации непосредственно не предусмотрено в законе, но однозначно следует из сложившейся практики его применения. Здесь теоретически и практически допустимы две ситуации.

Во-первых, преступная деятельность лица может быть разбита на ряд изолированных во времени этапов (стадий). Верховный Суд РФ выработал на этот счет однозначное правило: неоднократные действия в отношении одного и того же объекта преступного посягательства, направленные на достижение единого результата, совершенные тем же субъектом в небольшой промежуток времени, аналогичным способом, образуют единое преступление и не требуют дополнительной квалификации действий, предшествовавших достижению преступного результата². Таким образом, последовательно сменяемые друг друга стадии приготовления, покушения и

---

¹ Досаева Г.С. Проблемы квалификации преступления с учетом его динамики // Полицейская деятельность. 2014. № 5. С. 432–440.

² См.: Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2 квартал 2007 года (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 771П06 по делу Пожилова, Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 167П07 по делу Жемчугова) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 11; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2 квартал 2004 года (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 361п04пр по делу Кайсина) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1.

оконченного преступления не могут образовывать совокупности. Эта деятельность подлежит квалификации с учетом последней стадии.

Вторая ситуация представляется более сложной и характеризуется тем, что приготовительные действия к совершению «основного» преступления рассматриваются уголовном законом в качестве какого-либо иного самостоятельного оконченного преступления. Например, когда в целях создания условий для совершения какого-либо преступления лицо незаконно приобретает оружие. Важные правила на этот счет разработаны судебной практикой. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 12 марта 2002 г. «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»¹ указывается: «В случаях хищения либо вымогательства огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также их ношения, хранения, приобретения и изготовления с целью совершения другого преступления содеянное должно квалифицироваться как совокупность оконченного хищения либо вымогательства оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, незаконного их ношения, хранения, приобретения или изготовления и приготовления к совершению иного преступления, если ответственность за это предусмотрена законом». Равным образом, Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 9 февраля 2012 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»² установило: «Если в процессе совершения террористического акта были использованы незаконно приобретенные либо хранящиеся ядерные материалы и радиоактивные вещества, а также незаконно приобретенные, хранящиеся либо изготовленные огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства, то действия лица подлежат

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5 .

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьей 205 УК РФ и соответственно статьей 220, 222 или 223 УК РФ».

Более развернутые предписания относительно квалификации случаев, когда этап приготовления к преступлению содержит в себе признаки иного оконченного преступления, содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 27 декабря 2007 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»¹. Приведем некоторые его положения: «Если лицо подделало официальный документ, однако по независящим от него обстоятельствам фактически не воспользовалось этим документом, содеянное следует квалифицировать по ч. 1 ст. 327 УК РФ. Содеянное должно быть квалифицировано в соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ как приготовление к мошенничеству, если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что умыслом лица охватывалось использование подделанного документа для совершения преступлений, предусмотренных ч. 3 или ч. 4 ст. 159 УК РФ... Изготовление в целях сбыта или сбыт поддельных кредитных или расчетных банковских карт квалифицируется по ст. 187 УК РФ. Изготовление лицом поддельных банковских расчетных либо кредитных карт для использования в целях совершения этим же лицом преступлений, предусмотренных ч. 3 или ч. 4 ст. 159 УК РФ, следует квалифицировать как приготовление к мошенничеству».

Системное толкование указанных и некоторых иных положений судебной практики позволяет сформулировать следующие правила квалификации:

- если приготовительные действия к преступлениям небольшой или средней тяжести содержат состав иного самостоятельного преступления любой степени тяжести, содеянное не может оцениваться по правилам совокупности и квалифицируется только по закону, устанавливающему ответственность за оконченное преступление, выполненное виновным;

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

- если приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению содержит состав иного преступления небольшой или средней тяжести, совокупность преступлений также отсутствует, содеянное должно квалифицироваться только как приготовление к преступлению;

- если приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению содержит состав иного тяжкого или особо тяжкого преступления, содеянное образует совокупность неоконченного и этого иного оконченного преступления.

б) В процессе совершения преступления лицо меняет первоначальные параметры умысла и совершает иное преступление.

Эта ситуация широко представлена в судебной практике и, как правило, характеризуется в науке с использованием термина «перерастание» менее тяжкого преступления в более тяжкое. Общий подход к ее разрешению представлен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»¹. Согласно этому документу, «если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или иным владельцем имущества либо другими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, содеянное следует квалифицировать как грабеж, а в случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия— как разбой».

Это правило соблюдается Верховным Судом и при квалификации иных преступлений, например, убийства. Так, в суде было установлено что Свиридов в ходе обоюдной ссоры нанес потерпевшему Ц. несколько ударов кулаком в голову и по телу, набросил на ноги веревочную петлю и протащил около 50 метров, причинив ему вред здоровью средней тяжести в виде закрытой черепно-мозговой травмы легкой степени, а также ссадин на лице. В продолжение ссоры Свиридов ударом кулака сбил потерпевшего с ног, а затем сдавил руками шею потерпевшего, задушив его. Действия Свиридова

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

квалифицированы судом по ч. 1 ст. 112 УК РФ и ч. 1 ст. 105 УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ исключил осуждение Свиридова по ч. 1 ст. 112 УК РФ. Как указано в приговоре, все действия Свиридова были совершены в отношении одного и того же потерпевшего в ходе ссоры, в течение короткого промежутка времени. С учетом указанных обстоятельств содеянное Свиридовым должно быть квалифицировано как одно преступление, совершенное с единым умыслом, и по фактически наступившим более тяжким последствиям, то есть как убийство¹.

Теоретическая интерпретация ситуаций перерастания одного преступления в другое в науке различна. С.Н. Романюк, к примеру, отмечает, что «перерастание одного преступного деяния в другое, более тяжкое преступление, целесообразно выделять в самостоятельный вид сложных единичных преступлений»². Поддерживая его, Д.С. Чикин конкретизирует основные аргументы в пользу такого решения, определяя признаками «перерастающего» преступления единство умысла, тождественный или однородный (по объекту) характер посягательства, единство предмета и (или) потерпевшего³.

В тоже время Е.В. Благов пишет, что «о единстве умысла в точном смысле слова здесь говорить сложно, а действия предусмотрены двумя статьями уголовного закона», в связи с чем сложившаяся практика квалификации «перерастающих» преступлений представляется ему сомнительной. Автор настаивает на квалификации содеянного по совокупности преступлений⁴.

---

¹ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2007 года (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 251-П07 по делу Свиридова) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

² Романюк С.Н. Сложные единичные преступления. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 7, 17–18.

³ Чикин Д.С. Сложные единичные преступления (уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования). Диссертация ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 92 и сл.

⁴ Благов Е.В. Квалификация при совершении преступления. М., 2009. С. 99–101.

Представляется, что верное решение рассматриваемой ситуации возможно лишь на основе развития и адекватного учета научных положений о динамике субъективной стороны преступления. Рассматривая динамику субъективной стороны применительно к умышленным преступлениям, П.С. Дагель писал, что она может выражаться: а) в изменении содержания и направленности умысла, б) в присоединении нового умысла, в) в отпадении умысла¹. Представляется, что именно эти теоретические построения лежат в основе любых современных представлений о «перерастающем» преступлении.

Однако, на наш взгляд, сам по себе этот подход нуждается в корректировке. Дело в том, что он опирается на идею динамики умысла. Между тем, умысел это лишь признак состава преступления, это отраженный в законодательстве «слепок» с многокомпонентной и динамичной психической деятельности лица во время совершения запрещенного уголовным законом деяния, содержание которого образовано отношением субъекта к этому деянию и его последствиям. Будучи признаком состава, умысел не имеет динамики. Динамика присуща лишь реальной психической деятельности субъекта. В этой связи перерастания одного умысла в другой быть не может по определению. Если психическая деятельность лица во время совершения общественно опасного деяния непрерывна, то ее оценка с точки зрения соответствия тому или иному составу преступления (иным словами, умысел), дискретна.

Исходя из этого, в деятельности, которая начата с одного преступления, и затем переросла в другое (как правило, более тяжкое) преступление, следует фиксировать два психических отношения субъекта: отношение к начавшейся деятельности и отношение к завершённой деятельности. Уже только в силу этого, сложно утверждать, что подобная деятельность должна рассматриваться с точки зрения учения о единичном

---

¹ См. об этом подробнее: Дагель П.С. Избранные труды / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева. Владивосток, 2009. С. 47–49.

сложном преступлении. Е.В. Благов прав: единства умысла как важнейшего признака единичного преступления в данном случае не наблюдается.

Однако и утверждение о необходимости квалифицировать исследуемые ситуации по совокупности преступлений также неоправданно категорично.

Фактически в тот момент, когда одно преступление перерастает в другое, первый умысел отпадает и появляется умысел второй; одно преступное деяние завершается и начинается другое. При этом первоначальное преступление не доводится до конца по воле или, в зависимости от обстоятельств, помимо воли действующего субъекта. Именно это обстоятельство – причины недоведения первого преступления до конца – и необходимо учитывать при решении вопроса об уголовно-правовой оценке содеянного.

Если первоначальное преступление прерывается по воле действующего субъекта, то ситуацию необходимо оценивать с учетом положений ст. 31 УК РФ «Добровольный отказ». В этом случае будет иметь место добровольно оставленное первоначальное преступление и совершенное с внезапно возникшим умыслом второе; за первое преступление лицо не будет нести ответственность, тогда как второе будет квалифицировано самостоятельно. Косвенно и отдаленно факт самостоятельности «второго умысла» признает и судебная практика. В одном из решений Верховный Суд РФ указал, что в ситуации, когда умысел на убийство возникает у виновного *непосредственно во время совершения иного преступления* против здоровья потерпевшего и таким образом преступление, начатое как менее тяжкое, перерастает в более тяжкое, все содеянное охватывается составом убийства и не требует дополнительной квалификации по статьям об ответственности за преступления против здоровья¹. Не возражая против итогового варианта квалификации, подчеркнем свою позицию относительно теоретической его

---

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за III квартал 2000 г. (Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ № 1-038/2000 по делу Дударева и др.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 4.

аргументации: первое преступление в данном случае добровольно оставлено, второе – совершено с внезапно возникшим умыслом.

Иной подход к оценке ситуаций, при которых первоначальное преступление не доводится до конца по обстоятельствам, не зависящим от воли субъекта (например, кража была обнаружена собственником имущества), но субъект, не прерывая своей деятельности, переходит к совершению иного преступления (например, грабежа или разбоя). Исходя из общих, а потому и универсальных правил, в данном случае требуется оценка содеянного по совокупности преступлений: как неоконченного первоначального преступления (например, покушения на кражу) и оконченного второго (например, грабежа).

в) Непосредственно совершая «основное» преступление, лицо использует способ, которым оценивается уголовным законом в качестве самостоятельного преступления.

Совершение преступления способом, который образует состав самостоятельного преступления, но в данном конкретном составе предусмотрен в качестве квалифицирующего признака, - весьма распространенная ситуация. Таковы большинство составов составных насильственных преступлений, например, грабеж с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья. Во всех подобных случаях имеет место множественность преступлений, а единое составное преступление. Вместе с тем, в ситуации, когда способ совершения преступления, взятый в качестве самостоятельного преступления, по степени общественной опасности равен или превышает опасность составного преступления, содеянное должно быть квалифицировано по совокупности преступлений¹. Например, ч. 3 ст. 150 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, совершенное с применением насилия. Насилие может содержать признаки различных

---

¹ Сидоренко Э.Л. Квалификация совокупности преступлений, совершаемых с применением оружия // Библиотека криминалиста. научный журнал. 2015. № 4 (21). С. 80–85.

преступлений против жизни и здоровья; а потому составной частью насильственного вовлечения могут быть только такие преступления, которые по степени опасности не превышают опасность деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 150 УК РФ, иными словами, санкция за совершение которых ниже санкции ч. 3 ст. 150 УК. Таковыми преступлениями будут побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью; остальные виды физического насилия при вовлечении требуют самостоятельной правовой оценки по правилам совокупности преступлений. Равным образом, следует рассматривать по правилам совокупности преступлений ситуации, когда преступление-способ вообще не предусмотрено в качестве обязательного признака состава составного преступления. В этой связи Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» определило, что хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенное с использованием подделанного этим лицом официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, квалифицируется как совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 УК РФ и соответствующей частью статьи 159 УК РФ (поскольку состав мошенничества не предусматривает квалифицирующего признака – использование подложного документа).

г) Совершение «основного» преступления влечет за собой наступление последствий, которые оцениваются уголовным законом в качестве самостоятельного преступления.

Хрестоматийным примером здесь может служить умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, которое образует состав единого составного преступления. Однако, как и в предыдущем случае, более опасное преступление-последствие не может быть частью целого преступления. Это правило приобретает особое значение в ситуации, когда последствия описываются

законодателем с использованием оценочных категорий и когда по отношению к последствиям не определена форма вины. Например, ч. 2 ст. 250 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за загрязнение вод, повлекшее причинение вреда здоровью человека. Форма вины по отношению к квалифицированному последствию законом не определена, объем возможного вреда здоровью не конкретизирован, а максимальная санкция составляет два года лишения свободы. Системное толкование норм уголовного закона позволяет констатировать, что не будут образовывать совокупности преступлений только те ситуации, когда загрязнение вод влечет за собой умышленное причинение легкого вреда здоровью или неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью; в остальных случаях содеянное должно квалифицироваться по правилам совокупности.

д) Продолжая преступную деятельность по окончании одного преступления, лицо совершает другое преступление в отношении того же предмета (потерпевшего).

В судебной практике такие ситуации встречаются применительно к различным преступным посягательствам. По ряду из них имеется внятная позиция высшей судебной инстанции.

Так, к примеру, глумление над трупом, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27 декабря 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)», само по себе не может расцениваться в качестве обстоятельства, свидетельствующего о совершении убийства с особой жестокостью. Если не имеется других данных о проявлении виновным особой жестокости перед лишением потерпевшего жизни или в процессе совершения убийства, глумление над трупом по окончании убийства следует квалифицировать по соответствующей части ст. 105 и по ст. 244 УК РФ, предусматривающей ответственность за надругательство над телами умерших.

Утвердилась в практике и мысль о том, что распоряжение похищенным имуществом, даже если оно содержит признаки какого-либо состава

преступления, не требует самостоятельной оценки. В одном из решений Верховный Суд РФ указал: «Действия виновного, связанные с уничтожением или повреждением автомашины, которая была им похищена, представляют собой способ распоряжения похищенным имуществом по своему усмотрению и дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 149 УК РСФСР (ч. 2 ст. 167 УК РФ) не требуют»¹.

Не требует высшая судебная инстанции применения правил квалификации деяний по совокупности в ситуации оставления лица в опасности, если опасное для его жизни состояние вызвано умышленными действиями виновного субъекта. В частности, лицо, умышленно причинившее потерпевшему тяжкий вред здоровью, не может нести ответственность за оставление его в опасности².

Подобная практика неоднозначно воспринимается в науке. Если А.П. Козлов категорично утверждает, что «поведение виновного после окончания преступления не может выступать составной частью данного оконченного преступления»³, то Е.В. Благов пишет, что «продолжение реализации умысла после совершения оконченного преступления не должно считаться самостоятельным преступлением»⁴.

Представляется, что оба эти суждения неоправданно категоричны. Правильному решению ситуации, на наш взгляд, призван служить акцентированный анализ содержания объекта посягательства и четкое понимание состава преступления как застывшего слепка с динамичной действительности. Деятельность лица по причинению вреда объекту посягательства (если речь идет об умышленных преступлениях) начинается с

---

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2006 г. по уголовным делам (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 255-П06 по делу Александрова) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 1.

² Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по делу Жгилева и Щебенкова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 1; Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за III квартал 2006 г. по уголовным делам (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 215-П06пр по делу Бессонова) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 6.

³ Козлов А.П. Единичные преступления: понятие, классификация, квалификация. Красноярск, 2007. С. 210.

⁴ Благов Е.В. Квалификация при совершении преступления. М., 2009. С. 99.

зарождения умысла и заканчивается реализацией всех субъективных намерений. Часть этой деятельности охватывается составом преступления, момент окончания которого определяется законодателем относительно произвольно, хотя и связан всегда со временем причинения или создания угрозы причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны. Законодатель считает выполнения этих действий достаточным основанием для возложения уголовной ответственности, а самой этой ответственности в целом достаточной для охраны того или иного объекта. Последующие действия, направленные на объект, которому уже причинен вред, не требуют дополнительной правовой оценки при условии, если:

а) совершаемые действия не обладают общественной опасностью и не предусмотрены законом в качестве преступления (например, употребление в пищу похищенных продуктов питания);

б) субъект выполняет тождественные действия, приводящие к причинению тождественных последствий (так, если после причинения средней тяжести вреда здоровью потерпевшему наносятся дополнительно повреждения, которые также составляют вред здоровью средней тяжести, содеянное квалифицируется как одно многоэпизодное преступление)¹;

в) совершаемые субъектом действия менее опасны, чем те, которые уже реально выполнены виновным (например, оставление в опасности после причинения тяжкого вреда здоровью или уничтожение имущества после его кражи).

В остальных случаях последующая деятельность требует самостоятельной оценки. В частности, если:

---

¹ Международное право допускает и возможные исключения из общего правила, оставляя их регламентацию на усмотрения национального правоприменителя. Так, международная конвенция о наркотических средствах от 30 марта 1961 года, устанавливая требования к криминализации ряда действия с наркотиками (культивирование, производство, покупка, продажа и др.), вместе с тем указывает (п. 2 ст. 36), что с соблюдением конституционных ограничений сторон Конвенции, их системы права и внутреннего закона, каждое из перечисленных в самой Конвенции преступлений, если они совершены в разных странах, будет рассматриваться как отдельное преступление (см.: Князькина А.К., Чучаев А.И. Конвенциональные преступления в Уголовном кодексе РФ и международных актах. М., 2007. С. 261).

а) действиями субъекта причиняется вред иному объекту посягательства (как в случае с надругательством над трупом убитой жертвы);

б) в отношении того же объекта совершаются нетождественные действия (таковы случаи совершения насильственных действий сексуального характера с жертвой изнасилования);

в) в отношении того же объекта совершаются преступные действия, которые оцениваются законодателем как более опасные, нежели те, которые уже выполнены, при условии, что умысел на их совершение не был изначально и не позволяет рассматривать первоначальное преступление как этап его реализации (например, ситуации легализации имущества, добытого в результате кражи¹).

Таковы в общих чертах проблемы, с которыми сталкивается современная судебная практика в части квалификации множественности преступлений, и которые, по нашему представлению, недостаточно освещены в научной литературе. Изложенное, конечно, не исчерпывает всех сложных ситуаций, но наглядно демонстрирует всю глубину и значимость последующего дополнительного анализа проблемы, с неизбежностью включающего в свою орбиту актуальные вопросы учения о преступлении и об уголовном законе.

---

¹ Но и здесь, надо признать, многое может зависеть от усмотрения законодателя. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года (ст. 6), к примеру, устанавливает, что каждое государство самостоятельно решает вопрос о наличии совокупности преступлений в поведении лица, которое легализует имущество, приобретенное им самим в результате совершения преступления (см.: Князькина А.К., Чучаев А.И. Конвенциональные преступления в Уголовном кодексе РФ и международных актах. М., 2007. С. 145).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет констатировать в качестве главных выводов следующие суждения:

- Множественность преступлений в обычном правовом сознании оценивалась в качестве обстоятельства, которое негативно характеризует личность виновного, свидетельствуя о его повышенной опасности и привычке к преступлениям; в силу этого в первых памятниках отечественного права не отражался и не мог отразиться факт формализованной оценки множественности, основанный на количестве и «качестве» совершенных преступлений, все они были ориентированы по преимуществу на оценку личных свойств преступника.

- Понимание множественности преступлений как объективного фактора непосредственно связано с трансформацией подходов к определению сущности самого преступления; утверждение взгляда на преступление как на нарушение нормы права и государственной воли способствовало становлению идеи общего объекта преступлений, которому причиняется множественный вред множеством преступлений; отсюда, согласно идее равного воздаяния наказанием за преступление, объем наказания и ответственности ставился в прямую зависимость от количества преступных деяний, в то время как свойства личности виновного отходили на второй план.

- Идея множественности преступлений как обстоятельства, характеризующего личность виновного, и идея множественности преступлений как объективного фактора, в предельно абстрактном виде восходящие к постулатам соответственно социологической и классической школ уголовного права, никогда не были представлены в отечественном законодательстве в «чистом» виде; последнее всегда балансировало между ними, циклически склоняясь то в одну, то в другую сторону.

- К настоящему времени баланс между отмеченными идеями в

законодательстве сместился в сторону преимуществ, представляемых классической школой, поскольку опасность множественной преступной деятельности и обусловленные ею правила реализации уголовной ответственности определяются законом, по преимуществу, формальными критериями, характеризующими количество и вид совершаемых лицом преступлений, что закономерно привело к недооценке данных о личности виновного.

- Ни одна из идей о множественности, определенных в истории права, изолированно, сама по себе не в состоянии обеспечить сегодня целостной и непротиворечивой концепции правового регулирования ответственности за множественную преступную деятельность, в связи с чем в современных условиях требуется новый поиск оптимального соотношения между ними, который учитывал бы достоинства каждой из концепций, обеспечивая как начала законности и равенства, так и требования справедливости и лично ориентированного правосудия.

- После длительного эволюционирования множественность преступлений с полным основанием можно рассматривать сегодня в качестве относительно самостоятельного института в системе отрасли уголовного права, имеющего свой весьма специфический участок правового регулирования, своеобразный и неповторимый набор принципов, а также взаимосвязанную совокупность уголовно-правовых предписаний.

- Современное уголовное законодательство России в части нормативного конструирования института множественности преступлений не может быть признано достаточным и нуждается в дополнении целым рядом нормативных предписаний, посвященных регулированию отношений, возникающих в связи с фактом совершения нескольких преступлений. Не обсуждая вопроса об обоснованности и достаточности выделенных сегодня в законе форм множественности, можно констатировать, что УК РФ необходимо дополнить положениями, определяющими общее понятие множественности преступлений, конкретизирующими случаи (основания)

отсутствия множественности и отграничения множественности от сложного единичного преступления, а также устанавливающими конкретные правила квалификации преступлений при наличии множественности. Такой укрупненный набор разнопорядковых нормативных предписаний будет в лучшей степени гарантировать полноту и стабильность структуры исследуемого уголовно-правового института, а вместе с ним качество и эффективность правового регулирования.

- Множественность преступлений как социально-криминологический феномен развивается по своим собственным законам, его основные количественно-качественные показатели мало подвержены изменению со стороны уголовного закона. Ведущей тенденцией в характеристике множественности сегодня выступает объективный рост ее количественных показателей, который искусственно сдерживается посредством таких изменений в УК РФ, согласно которым определенная и даже весьма существенная часть сочетания множества преступлений «выводится» за уголовно-правовые рамки множественности. Это создает иллюзию внешнего, статистического благополучия, а по сути отражает падение профилактического потенциала уголовного закона.

- Далеко не каждое сочетание нескольких преступлений в биографии лица требует особой реакции со стороны уголовного закона. Такое сочетание должно порождать некую социально-правовую проблему, на разрешение которой и должен быть направлен институт множественности преступлений. В сфере уголовно-правового регулирования потребность в специальных уголовно-правовых предписаниях относительно преступного множества возникает, если:

а) при одновременном совершении нескольких поведенческих актов эти деяния не связаны функциональной или причинной связью, не отражают единых намерений, не являются типичным, устойчивым и распространенным сочетанием, не сопровождаются увеличением общественной опасности всего содеянного, которая не позволяет законодателю конструировать на этот счет

особый состав преступления;

б) при одновременном совершении нескольких поведенческих актов, каждое из которых получает самостоятельную уголовно-правовую оценку и отдельное наказание, возникает потребность в определении итогового наказания, которое следует отбывать преступнику.

в) при одновременном совершении нескольких поведенческих актов лицо совершает второе преступление (не важно, при какой форме вины и соотношении с первым деянием), имея неисполненное (или не полностью исполненное) наказание за первое преступление.

- Ключевой признак, предопределяющий уголовно-правовые предписания относительно множественности, состоит в необходимости определения итогового наказания, его размера и порядка исполнения (он вполне закономерен, учитывая истоки и генезис института множественности преступлений). В соответствии с ним, законодатель отбирает для отражения в институте множественности ситуации, которые именуется сегодня идеальной совокупностью преступлений, реальной совокупностью преступлений и совокупностью приговоров. Иные ситуации (в частности, совершение преступления лицом, имеющим судимость) требуют решения иных задач, не связанных с определением размера итогового наказания, назначенного за несколько преступлений. Здесь возникает потребность в оценке личности виновного, склонного к совершению нескольких преступных деяний, а следовательно, сами эти ситуации не должны рассматриваться сквозь призму института множественности преступлений.

- Нормативные предписания относительно множественности преступлений в уголовном законодательстве должны базироваться на следующих принципах: самостоятельности оснований ответственности при любом количестве совершенных преступлений, не обязательного, а лишь возможного усиления репрессивности уголовного закона при совершении нескольких преступлений, дифференциации ответственности за множественность преступлений в зависимости от ее вида, соблюдения

разумного баланса в оценке опасности деяния и личности преступника при дифференциации ответственности за множественную преступную деятельность, приоритета поглощения наказаний при их определении за множественность перед сложением, а также приоритета частичного сложения наказаний перед полным сложением.

- Полноценному нормативному и структурному оформлению уголовно-правового института множественности преступлений в настоящее время препятствует ряд недостатков уголовного закона, связанных с его пробельностью. В связи с этим представляется необходимым дополнить УК РФ положениями, определяющими общее понятие множественности преступлений, конкретизирующими случаи (основания) отсутствия множественности и отграничения множественности от сложного единичного преступления, а также устанавливающими конкретные правила квалификации преступлений при наличии множественности.

- Исходной посылкой для развития теории и практики уголовно-правового противодействия множественности преступлений должно стать предельно четкое позиционирование социальных оснований этого института, различение понятий общественная опасность преступления и общественная опасность личности преступника. Совершение нескольких преступлений всегда свидетельствует о возрастании опасности личности, оно приводит также к аккумуляции опасности этих нескольких преступлений, но оно не может свидетельствовать о возрастании общественной опасности каждого отдельно взятого последующего преступления.

- Рецидив преступлений, с учетом существующей практики нормативной регламентации, исторического опыта признания таковым лишь тождественных и однородных преступлений, а также социально-криминологических показателей этого сочетания преступлений, целесообразно исключить из числа форм множественности и сконструировать предписания, позволяющие признавать его, по усмотрению суда, признаком, характеризующим личность виновного.

- Повторение лицом однотипных преступлений, отражая возрастание уровня общественной опасности личности, вызванное криминальной специализацией и профессионализацией деятельности, может стать основой для признания этого лица рецидивистом (с установлением фиксированных правил повышения наказания) либо признания его специализирующимся на совершении тождественных или однородных преступлений (с предоставлением суду возможности самостоятельно определить степень влияния этого обстоятельства на наказание); различие между ситуациями проводится с учетом признаков наличия судимости, возраста, формы вины совершаемых деяний.

- Множественностью преступлений следует считать лишь такие ситуации совершения нескольких преступлений, когда возникает необходимость определить размер и порядок отбывания наказаний, назначенных за каждое из них. В силу этого не может считаться множественностью преступлений рецидив, не сопряженный одновременно с совокупностью приговоров. Рецидив, отягощенный совокупностью приговоров, собственно совокупность приговоров и совокупность преступлений, в том виде, как они сегодня понимаются законом, порождают единую проблему определения итогового наказания виновного. Вместе с тем, предусмотренные законом различия в порядке, процедуре и итоге ее решения представляются неоправданными, в силу чего можно утверждать о том, что все эти сочетания деяний могут быть объединены в рамки единой конструкции совокупности преступлений.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М., 2010.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 1995 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. № 6.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А.Шевякова») // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2001. № 5.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2001. № 6.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 постановления Государственной Думы «Об объявлении амнистии в

связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 3.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2003 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишника, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 4.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2006 г. № 488-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинградского областного суда о проверке конституционности статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2007. № 2.
8. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Международные акты о правах человека. Сб. документов / Сост. и авт. вступит. ст. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. М., 2000.
9. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Международные акты о правах человека. Сб. документов / сост. и авт. вступит. ст. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. М., 2000.
10. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. // Международные акты о правах человека. Сб. документов / сост. и авт. вступит. ст. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. М., 2000.
11. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Совет Европы и Россия. Сб. документов / сост. Л.И. Барычева, М.В. Виноградов, Д.В. Юзвиков; отв. ред. Ю.Ю. Берестнев. М., 2004.

12. Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г. // Совет Европы и Россия. Сб. документов / Сост. Л.И. Барычева, М.В. Виноградов, Д.В. Юзвиков; отв. ред. Ю.Ю. Берестнев. М., 2004.
13. Модельный Уголовный кодекс государств-участников Содружества Независимых Государств. Принят 17 февраля 1996 г. // Правоведение. 1996. № 1.
14. Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1472.
15. Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 07.10.2002) // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. № 2(41).
16. Резолюция (66) 18 Комитета Министров Совета Европы. Сотрудничество в криминологических исследованиях // Совет Европы и Россия. Сб. документов / сост. Л.И. Барычева, М.В. Виноградов, Д.В. Юзвиков; отв. ред. Ю.Ю. Берестнев. М., 2004.
17. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. М., 2010.
18. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ. М., 2010.
19. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. М., 2010.
20. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31 октября 1995 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.
21. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ). Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27 января 1999 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
22. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных

- устройств. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 12 марта 2002 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.
23. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
24. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.
25. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 23 от 18 ноября 2004 г. (ред. от 07.07.2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1.
26. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 64 от 28 декабря 2006 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3.
27. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 58 от 22 декабря 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
28. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 27 декабря 2007 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.
29. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 9 декабря 2008 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2.
30. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 21 апреля 2009 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 7.

31. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16 октября 2009 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.
32. О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 20 от 29 октября 2009 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 1.
33. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней). Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 12 от 10 июня 2010 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.
34. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28 июня 2011 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.
35. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 9 февраля 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.
36. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.
37. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным

ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29.12.2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 г. «О едином учете преступлений» // Российская газета. 25 января 2006 г. Федеральный выпуск № 3979.

38. Инструкция по ведению судебной статистики. Утверждена Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 декабря 2007 г. № 169. Документ официально не опубликован. Использована СПС «Консультант Плюс».

**Зарубежное и ранее действовавшее российское уголовное
законодательство**

39. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / научн. ред., пред. И.М. Рагимова. Пер. с азерб. Б.Э. Аббасова. СПб.: Изд.-во Юридцентр Пресс, 2001. 325 с.
40. Уголовный кодекс Аргентины / вступ. ст. Ю.А. Голика. СПб.: Изд-во Юридцентр Пресс, 2003. 189 с.
41. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин, пер. с англ. И.В. Мироновой. 2-е изд. СПб.: Изд-во Юридцентр Пресс, 2001. 510 с.
42. Уголовный кодекс Кыргызской Республики / пред. А.П. Стуканова, П.Ю. Константинова. СПб.: Изд-во Юридцентр Пресс, 2002. 386 с.
43. Уголовный кодекс Республики Беларусь/пред.Б.В. Волженкина; обзорная статья А.В. Баркова. СПб.: Изд-во Юридцентр Пресс, 2001. 474 с.
44. Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. А.И. Лукашова. Пер с болг. Д.В. Милушева, А.И. Лукашова; вступ. статья Й.И. Айдарова. СПб.: Изд-во Юридцентр Пресс, 2001. 220 с.

45. Уголовный кодекс Республики Казахстан / пред. И.И. Рогова. СПб.: Изд-во Юридцентр Пресс, 2001. 466 с.
46. Уголовный кодекс Республики Корея / науч. ред. и пред. А.И. Коробеева; пер.с кор. В.В. Верхоляка. СПб.: Изд-во Юридцентр Пресс, 2004. 240 с.
47. Уголовный кодекс Республики Молдова / вступ.я ст. А.И. Лукашова. СПб.: Изд-во Юридцентр Пресс, 2003. 408 с.
48. Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред. А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова; вступ. статья А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой; пер. с польск. Д.А. Барилевич. СПб.: Изд-во Юридцентр Пресс, 2001. 234 с.
49. Уголовный кодекс Российской Федерации. Особенная часть. Постатейный научно-практический комментарий / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. М.: ЗАО «Библиотечка РГ», 2012. 896 с.
50. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
51. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
52. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
53. Уголовный кодекс Турции / предисловие Н. Сафарова , Х. Аджара, научн. ред. и пер. с турецк. Н. Сафарова и Х. Бабаева. СПб.: Изд-во Юридцентр Пресс», 2003. 298 с.
54. Уголовный кодекс Украины / научн. ред. и пред. В.Я. Тация . В.В. Сташиса; пер. с укр. В.Ю. Гиленченко. . СПб.: Изд-во Юридцентр Пресс, 2001. 393 с.
55. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / научн. ред. и вступ. ст. Д.А. Шестакова; пред. Г.-Г. Йешека; перев. с нем. Н.С. Рачковой. СПб.: Изд-во Юридцентр Пресс, 2003. 524 с.
56. Уголовный кодекс Франции / научн. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой; перев. с франц. и пред. Н.Е. Крыловой. СПб.: Изд-во Юридцентр Пресс, 2002. 650 с.

57. Уголовный кодекс Швейцарии / научн. ред., пред. и перев. с немецк. А.В. Серебренниковой. СПб.: Изд-во Юридцентр Пресс, 2002. 350 с.
58. Уголовный кодекс Японии / научн. ред. и пред. А.И. Коробеева. СПб.: Изд-во Юридцентр Пресс, 2002. 226 с.
59. Русская правда (Краткая и Пространная редакции) // Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. Т.1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984.
60. Судебник (1497) // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1985.
61. Судебник (1550) // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1985.
62. Соборное Уложение (1649) // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1987.
63. Артикул Воинский (1715) // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1986.
64. Устав благочиния (1782) // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. СПб., 1830. Т. 21. Ст. 15379.
65. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 15. Законы уголовные. СПб., 1832.
66. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.
67. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 года. С доп. по прод. 1906 и 1908 г., с прилож. мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената. Издано Н.С. Таганцевым. Изд. 18, доп. СПб., 1909.

68. Уголовное Уложение (1903) // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1994.
69. Декрет о суде № 1 (1917) // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953.
70. Декрет о суде № 3 (1918) // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953.
71. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР (1919) // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.
72. УК РСФСР (1922) // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 15.
73. УК РСФСР (1926) // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 80.
74. УК РСФСР (1960) // Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик / Отв. ред. Ф.И. Калинычев. В 2 т. Т. 1. М., 1963.

Монографии, учебные пособия и научные статьи

75. Агаев И.Б. Взаимосвязь уголовно-правового института множественности с множественностью иной отраслевой принадлежности // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1. С.135 –140.
76. Агаев И.Б. Воздействие обстоятельств, исключających уголовно-правовые последствия, на множественность преступлений // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 241 –245.
77. Агаев И.Б. Проблема повторности в уголовном праве. М.: Юристъ, 2004. 157 с.

78. Агаев И.Б. Проблемы назначения наказания при множественности преступлений в уголовном законодательстве Российской Федерации // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. Юридический журнал. 2004. № 1. С.77 –93.
79. Агаев И.Б. Рецидив в системе множественности преступлений. М.: Юристъ, 2002. 108 с.
80. Агаев И.Б. Системные свойства и связи уголовно-правового института множественности // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2009. № 6. С.88 –91.
81. Агаев И.Б. Совокупность преступлений: понятие, виды и наказуемость. М.: Проспект, 2003. 200 с.
82. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. 143 с.
83. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. 264 с.
84. Алешкина Э.Н. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (к 160-летию принятия) // Правовая наука и реформа юридического образования. Сб. научн. тр. Вып. 18. Воронеж, 2005. С. 7 –23.
85. Алиев Н.Б. Множественность преступлений // Социалистическая законность. 1981. № 6. С. 27–28.
86. Антонов Ю.И. О необходимости развития и уточнения положений в теории уголовного права о совокупности преступлений (ст. 17 УК РФ) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. С. 314–317.
87. Антонова Е.Ю. Некоторые аспекты реформирования института множественности преступлений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. С. 318–323.
88. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М.: Логос, 2004. 448 с.

89. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб: Юридцентр Пресс, 2004. 366 с.
90. Бавсун М.В., Бавсун И.Г., Тихон И.А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6–9.
91. Бажанов М.И. Назначение наказания по советскому уголовному праву. Киев: Вища школа, 1980. 216 с.
92. Бажанов М.И. Назначение наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров. Учебное пособие. Харьков: Изд-во Харьковского юридического института, 1977. 49 с.
93. Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48–53.
94. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Части Общая и Особенная. Киев: Южно-рус. кн-во Ф.А. Иогансона, 1903. 628 с.
95. Берман Я. К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства // Пролетарская революция и право. 1919. № 2 (12). С. 43.
96. Бернер А.Ф. Учебник немецкого уголовного права (Часть общая). С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Т. I. СПб: Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. 940 с.
97. Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации. СПб: Юридцентр Пресс, 2006. 234 с.
98. Бикеев И. Актуальные проблемы ответственности за множественность преступлений // Уголовное право. 2001. № 4. С. 13–14.
99. Благов Е.В. Квалификация при совершении преступления. М.: Юрлитинформ, 2009. 192 с.

100. Блум М.И. Понятие и признаки совокупности преступлений // Вопросы уголовного права и процесса. Рига, 1969. С. 5–45.
101. Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М.: Типография Каткова и К°, 1857. 145 с.
102. Бойко А.И. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Юрист-Правоведь. 2004. № 3. С. 27–32.
103. Бойко А.И. Принцип nonbisinidem и множественность преступлений // Северо-кавказский юридический вестник. 2003. № 1. С. 87–97.
104. Борисенко Е., Огородникова Н. Актуальные проблемы назначения наказания при множественности преступлений // Уголовное право. 2004. № 3. С. 59–61.
105. Боровиков В.Б. Особенности квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления по совокупности с другими преступлениями // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. С. 324–328.
106. Бражник Ф. Множественность преступлений–отражение их совокупной общественной опасности // Уголовное право. 2000. № 3. С. 6–10.
107. Бриллиантов А.В. Множественность преступлений в уголовном законе // Российский следователь. 2004. № 2. С. 11–13.
108. Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. 376 с.
109. Бузынова С.П. Множественность преступлений и ее виды (уголовно-правовое исследование). М.: РИО ВЮЗИ, 1988. 56 с.
110. Бытко Ю.И. Понятие рецидива преступлений. Исторический очерк. Саратов, 1978. 75 с.
111. Бытко Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве: история и современность. Саратов, 1998. 220 с.
112. Ветров Н.И. Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 1999. 415 с.

113. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 640 с.
114. Возжанникова И.Г. Рецидив как вид множественности преступлений. М.: Контракт, 2014. 112 с.
115. Волженкин Б. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. 1998. № 12. С. 2–7.
116. Волков К.А. О проекте постановления Пленума Верховного Суда о преступлениях, совершенных с применением насилия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. С. 329–333.
117. Галиакбаров Р.Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск: Хабаровская ВШ МВД, 1987. 96 с.
118. Галиакбаров Р.Р., Ефимов М., Фролов Е.А. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права. Учебное пособие. Свердловск, 1967. 20 с.
119. Галиакбаров Р.Р., Соболев В.В. Уголовный кодекс РФ: поправки с пробелами // Уголовное право. 2004. № 2. С. 15–17.
120. Гальперин И.М. Об уголовной ответственности рецидивистов в свете некоторых криминологических показателей эффективности борьбы с рецидивной преступностью / Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. М.: Просвещение, 1968. 658 с.
121. Гарбатович Д. Отдельные проблемы квалификации множественности преступлений // Уголовное право. 2009. № 5. С. 26–29.
122. Гарбатович Д., Сумский Д. Отграничение совокупности преступлений от единичных сложных преступлений // Уголовное право. 2015. № 1. С. 28–34.
123. Гернет М.Н. Уголовное право. Часть общая. Лекции, читанные в Народном Университете Московского общества народных университетов. Херсон: Издания Н.А. Ходушкина, 1913. 204 с.

124. Герцензон А.А. Уголовное право и социология. М.: Юридическая литература, 1970. 286 с.
125. Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. 1919–1947 гг. М.: Юридическое изд-во МЮ СССР, 1948. 466 с.
126. Головкин Л.В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 77–91.
127. Голубев В.В. Множественность преступлений // Юридический консультант. 2004. № 3. С. 5–8.
128. Горегляд О. Опыт начертания Российского уголовного права. Часть 1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб: Тип. И. Иоаннесова, 1815. 224 с.
129. Гришанин П.Ф. Ответственность преступников-рецидивистов по советскому уголовному праву. М.: РИО Акад. МВД СССР, 1974. 150 с.
130. Гришко А.Я., Потапов А.М. Амнистия. Помилование. Судимость. М.: Логос Место, 2009. 272 с.
131. Гродзинский М. Профессиональная преступность и УК РСФСР // Право и жизнь. 1923. № 7–8. С. 72–73.
132. Гуляев П. Российское уголовное право, составленное из Российских государственных узаконений. М.: Типография П. Кузнецова, 1826. 209 с.
133. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юридическая литература, 1990. 442 с.
134. Дагель П.С. Избранные труды / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд-во ДУ, 2009. 243 с.
135. Дагель П.С. Институт снятия судимости и борьба с рецидивом // Проблемы государства и права на современном этапе. Владивосток, 1963.

136. Дагель П.С. Множественность преступлений. Владивосток: Изд-во ДУ, 1969. 26 с.
137. Досаева Г.С. Актуальные проблемы квалификации множественности преступлений / Г.С. Досаева // Российское правосудие. 2015. № 1. С. 69–85.
138. Досаева Г.С. Институциональное оформление множественности преступлений в Своде законов Российской империи 1832 года / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 1. С. 91–94.
139. Досаева Г.С. К вопросу о множественности преступлений / Г.С. Досаева // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 18–21.
140. Досаева Г.С. К вопросу о нормативной достаточности института множественности преступлений // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 25 сент. 2015 г.: в 2 т. / под ред. А.В. Симоненко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. Т. II. С. 26–30.
141. Досаева Г.С. Категория «особо опасный рецидивист» в уголовном праве России середины XX века / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 4. С. 107–109.
142. Досаева Г.С. Множественность преступлений в уголовном праве России: историко-правовой анализ / Г.С. Досаева.–Ростов-на-Дону: ЗАО «Ростиздат», 2011. 78 с.
143. Досаева Г.С. Множественность преступлений: генезис и перспективы развития уголовно-правового института / Г.С. Досаева. М.: Юрлитинформ, 2015. 248 с.
144. Досаева Г.С. Нормативная и теоретическая оценки множественной преступной деятельности в законодательстве советской России 20-х годов прошлого века / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и

- экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 1 (32). С. 81–89.
145. Досаева Г.С. О некоторых статистических аспектах исследования множественности преступлений //Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции (Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», 22 мая 2015 г.). Краснодар: Издательский Дом–Юг, 2016. С. 156–164.
146. Досаева Г.С. Первые опыты теоретической интерпретации множественности преступлений в русской уголовно-правовой науке / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 9. С. 81–85.
147. Досаева Г.С. Перспективы совершенствования норм о рецидиве преступлений / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 3. С. 99–107.
148. Досаева Г.С. Перспективы совершенствования норм о рецидиве преступлений / Г.С. Досаева // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 2. С. 48–57.
149. Досаева Г.С. Перспективы совершенствования теории и нормативной регламентации совокупности преступлений / Г.С. Досаева // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 28. С. 8–13.
150. Досаева Г.С. Проблемы квалификации множественности преступлений / Г.С. Досаева // Полицейская и следственная деятельность. 2014. № 3. С. 31–47.
151. Досаева Г.С. Проблемы квалификации преступления с учетом его динамики / Г.С. Досаева // Полицейская деятельность. 2014. № 5. С. 432–440.

152. Досаева Г.С. Развитие учения о множественности преступлений в русской уголовно-правовой науке второй половины XIX века / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 12. С. 69–76.
153. Досаева Г.С. Рецидив преступлений: опыт документального исследования / Г.С. Досаева // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: материалы Второй Всерос. науч.-практ. конф., 24 октября 2014 г. / под ред. А.В. Бриллиантова, Ю.Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2014. С. 202–207.
154. Досаева Г.С. Совершение двух и более преступлений как признак множественности // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: материалы Третьей Всерос. науч.-практ. конф., 26 ноября 2015 г. / под ред. А.В. Бриллиантова, Ю.Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2016. С. 214–222.
155. Досаева Г.С. Социально-криминологическая характеристика множественности преступлений / Г.С. Досаева // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 6. С. 188–197.
156. Досаева Г.С. Социально-криминологические и теоретико-правовые основания института множественности преступлений / Г.С. Досаева. М.: Илекса, 2013. 112 с.
157. Досаева Г.С. Социальные и криминологические основания института множественности преступлений / Г.С. Досаева // Общество и право. 2014. № 4. С. 97–103.
158. Досаева Г.С. Становление института множественности преступлений в уголовном праве России / Г.С. Досаева. Ростов-на-Дону: Дониздат, 2014. 147 с.
159. Досаева Г.С. Структура института множественности преступлений: состояние и перспективы / Г.С. Досаева // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 4. С. 54–63.

160. Досаева Г.С. Трансформация концептуальных основ законодательных оценок множественной преступной деятельности в России XV–XVIII столетий / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 11. С. 49–56.
161. Досаева Г.С. Уголовно-правовые предпосылки усиления ответственности за множественную преступную деятельность в России X–XV веков / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 10.–С. 70–77.
162. Дурманов Н.Д. Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному законодательству // Социалистическая законность. 1937. № 8.
163. Дуюнов В.К., Хлебущкин А.Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика. М.: Инфра-М, РИОР, 2012. 384 с.
164. Егоров В.С. Вопросы правового регулирования мер уголовного принуждения. М.-Воронеж: Изд-во МПСИ,МОДЭК 2006. 309 с.
165. Ермаков В., Крюкова Н. Несовершеннолетние преступники в России. М.: Ин-т межд. права и экономики им. А.С. Грибоедова, 1999.
166. Ершов В.В. Международное и внутригосударственное право и неправое: юридическая природа, классификация и дифференциация // Российское правосудие. 2015. № 9 (113). С. 3-17.
167. Ершов В.В. Право и неправое: дискуссионные вопросы теории и практики // Российское правосудие. 2013. № 1 (81). С. 24-31.
168. Ершов В.В. Российское право с позиций легизма и интегративного понимания // Российское правосудие. 2011. № 10. С. 5-22.
169. Ершов В.В. Юридическая природа принципов российского права с позиций легистского и интегративного правопонимания // Российское правосудие. 2010. № 1. С. 12-22.

170. Есаков Г.А. Уголовное право в «широком» смысле: концептуальный подход // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы X Международ. науч.-практ. конф. М., 2013. С. 35–38.
171. Есипов В.В. Преступность и меры воздействия. Варшава: Тип. Варш. учеб. округа, 1900. 272 с.
172. Жалинский А.Э. Избранные труды. Том 2. Уголовное право. Научно-практическое пособие. М.: ВШЭ, 2015. 591 с.
173. Жук М.С. Институты Российского уголовного права: история развития и современное понимание. Краснодар, 2010. 166 с.
174. Жук М.С. Система институтов Общей части уголовного права, раскрывающих категории преступления и уголовной ответственности // Российский криминологический взгляд. 2011. № 1. С. 421–427.
175. Жук М.С. Теоретические основы построения системы институтов Российского уголовного права. Краснодар, 2011. 127 с.
176. Жук М.С. Учение об институтах российского уголовного права: концептуальные основы и перспективы развития: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 304 с.
177. Забрянский Г.И. Теоретические вопросы статистического исследования множественности преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1973. Вып. 19. С. 19–29.
178. Захожий Л., Гонтарь И. Понятие единого преступления и уголовный закон // Советская юстиция. 1985. № 15. С. 14–16.
179. Зелинский А.Ф. Повторение преступлений как преступная деятельность // Государство и право. 1995. № 12. С. 55–58.
180. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / пер. с англ. под общ. ред. Л.М. Карнозовой; коммент. Л.М. Карнозовой и С.А. Пашина. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 328 с.
181. Зуев В.Л. О состоятельности административной преюдиции // Юридический мир. 2002. № 2. С. 40–46.

182. Игнатов А.Н. Некоторые аспекты реформирования уголовного законодательства // Журнал Российского права. 2003. № 9. С. 24–32.
183. Иллюстров И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1885. 753 с.
184. Камышова Е.Г. Институт множественности преступлений в контексте развития науки уголовного права // Экономико-правовой вестник. 2009. № 2. С. 10–13.
185. Камышова Е.Г. Множественность в уголовном праве (попытка философского обоснования) // Доктрина права. 2010. № 1 (5). С. 62–66.
186. Камышова Е.Г., Сулейманов Б.Б. Исторические аспекты развития института множественности в уголовном законодательстве дореволюционной России // Российский следователь. 2009. № 5. С. 37–40.
187. Капинус О.С., Ображиев К.В. Обстоятельства, исключаящие совокупность преступлений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. С. 334–344.
188. Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и судебское усмотрение. М.: Юрлитинформ, 2009. 344 с.
189. Кауфман М.А. Совокупность преступлений: спорные вопросы квалификации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. С. 345–350.
190. Кафаров Т.М. Проблема рецидива преступлений в советском уголовном праве. Баку: Элм, 1972. 256 с.
191. Келина С. Г. «Иные меры уголовно-правового характера» как институт уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы Четвертой Международ. научн.-практ. конф. М., 2007. С. 283–288.
192. Кибальник А.Г. Основные положения Общей части уголовного права зарубежных государств. М.: Илекса, 2008. 128 с.

193. Кизеветтер А.А. Из истории законодательства в России XVII–XIX вв. Ростов-на-Дону: Изд. Н.Е. Парамонова, 1904. 42 с.
194. Кириллов И.А. Криминологическая характеристика и профилактика рецидивной преступности. Учебное пособие. Красноярск: Изд-во СибЮИ, 2004. 40 с.
195. Клебанов Л. Проблемы множественности преступлений против культурных ценностей // Уголовное право. 2012. № 2. С. 51–57.
196. Кленова Т.В. Роль Федерального закона от 21 ноября 2003 г. в противодействии множественности преступлений // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние. Сборник научных трудов. Саратов, 2004. С. 179–184.
197. Кленова Т.В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права. М., 2007.
198. Клепицкий И.А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской конвенции о правах человека // Государство и право. 2000. № 3. С. 65–74.
199. Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями. Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1982.
200. Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М.: Наука, 1983. 184 с.
201. Козлов А.В. Совокупность как разновидность множественности преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2006. № 4. С. 77–81.
202. Козлов А.П. Единичные преступления: понятие, классификация, квалификация. Красноярск: Изд-во СибЮИ, 2007. 280 с.
203. Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. СПб.: Юридцентр Пресс, 2011. 915 с.

204. Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб: Юридцентр Пресс, 2007. 478 с.
205. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Общая и Особенная части / под общ. ред. И.С. Борчашвили. Алматы: РГП на ПХВ РЦПИ МЮРК, 2012.
206. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.А. Чекалин; науч. ред. В.Т. Томин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2004. 1038 с.
207. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб: Юридцентр Пресс, 2002. 348 с.
208. Коробеев А.И., Коротких Н.Н. Учетная совокупность и множественность преступлений: проблемы интерпретации и квалификации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. С. 351–356.
209. Коротких Н.Н. Административная преюдиция и множественность преступлений: точки соприкосновения // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 145–148.
210. Коротких Н.Н. Критерии деления множественности преступлений на виды // Академический юридический журнал. 2014. № 2 (56). С. 29–33.
211. Коротких Н.Н. Некоторые аспекты уголовно-правовой политики в сфере ответственности за множественность преступлений // Правовая политика и правовая жизнь. 2013 № 2. С. 121–125.
212. Коротких Н.Н. Обстоятельства, исключают совокупность преступлений // Юридическая наука. 2013. № 2. С. 52–55.
213. Красиков Ю.А. Множественность преступлений. Понятие, виды, наказуемость: учебное пособие. М.: РИО ВЮЗИ, 1988. 96 с.
214. Криволапов Г.Г. Множественность преступлений (неоднократность, совокупность, рецидив): лекция. М., 1997. 30 с.
215. Криволапов Г.Г. Множественность преступлений по советскому уголовному праву и установление ее признаков органами внутренних

- дел: учебное пособие. М.: Изд-во МССШМ МВД СССР, 1989. 48 с.
216. Кривоченко Л.Н. Борьба с рецидивом по советскому уголовному праву. Харьков, 1973. 32 с.
217. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли. СПб: Питер, 2003. 864 с.
218. Криминология. Учебник для вузов / под ред. Г.А. Аванесова. 5-е изд. М.: Юнити-Дана, 2012. 575 с.
219. Криминология. Учебник для юридических вузов / под ред. А.И. Долговой. М.: Норма, 2013. 1008 с.
220. Кудрявцев В.Н. Лекции по криминологии. М.: Юристъ, 2005. 188 с.
221. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2- изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 304 с.
222. Кузнецова Н.В. Множественность преступлений и обвинительный приговор // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2001. № 8. Вып. 1. С. 36–39.
223. Кузнецова Н.В. Процессуальные проблемы применения уголовного закона о множественности преступлений // Российский судья. 2001. № 4. С. 32–35.
224. Кузнецова Н.В. Судебное рассмотрение уголовных дел о множественности преступлений. Ижевск: Детектив-Информ, 2001. 220 с.
225. Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права // Современное уголовное право и криминология. Сборник научных трудов. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2007. С. 32–35.
226. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М.: Изд-во МГУ, 1976. 182 с.
227. Курс российского уголовного права. Общая часть: учебное пособие / под ред. Н.Г. Иванова, С.И. Никулина, Б.В. Яцеленко. М.: Экономика, 2010. 665 с.
228. Курс уголовного права. В 5 т. Общая часть. Т. 2. Учение о наказании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. 592 с.

229. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении. Учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.:Зерцало, 2002. 624 с.
230. Ларина Л.Ю. Проблемы уголовно-правовой регламентации, назначения наказания и предупреждения совокупности преступлений. М.: Юрлитинформ, 2013. 184 с.
231. Ларина Л.Ю. Совокупность преступлений: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Рязань: Концепция, 2013. 160 с.
232. Лесников Г.Ю. Проблемы соотношения уголовной и административной политики // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 172–174.
233. Лесников Г.Ю. Уголовная политика России: институциональные проблемы // Научный портал МВД России. 2014. № 4 (28). С. 5–8.
234. Лесников Г.Ю., Александров А.И. Толкование принципа законности (по материалам Европейского суда по правам человека) // Юридическая наука. 2015. № 1. С. 92–96.
235. Лесников Г.Ю. Современная уголовно-правовая ситуация и законодательство о противодействии преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 239–242.
236. Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. М.: Тов-во типографии А. И. Мамонтова, 1903. 334 с.
237. Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. М.-Л., 1935. № 3–4. С.47–100.
238. Магомедов А.М. Статистический учет множественности преступлений // Вестник Московского университета. 1979. № 1. С.35–39.
239. Макаров С.Д. Правила квалификации множественности преступлений // Уголовный процесс. 2008. № 7 (43).С. 15–20.

240. Малиновский А.А. Критические размышления о концепции уголовного права в «широком» смысле // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 173–178.
241. Малков В.П. Институт множественности преступлений в доктрине и уголовном законодательстве России // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4 (8). С. 179–182.
242. Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982. 173 с.
243. Малков В.П. Множественность преступлений как институт общей части советского уголовного права // Демократия и право развитого социалистического общества: материалы Всесоюзной научной конференции (21 –23 ноября 1973 года). М.: Изд-во МГУ, 1975. С.382–384.
244. Малков В.П. Подсудность мирового судьи при различных формах множественности преступлений // Российская юстиция. М.: Юрист, 2009, № 12. С. 50–54
245. Малков В.П. Совокупность преступлений. Вопросы квалификации и назначения наказания. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974. 307 с.
246. Малков В.П., Чернова Т.Г. Совокупность приговоров и применение наказания (вопросы законодательного регулирования, теории и практики). Казань: Изд-во «Таглимат» ИЭУиП, 2003. 176 с.
247. Мальцев В.В. Принципы уголовного права. Волгоград, 2001. 266 с.
248. Манна Аммар А.К. Назначение наказания при множественности преступлений по уголовному праву арабских стран. М.: Изд-во РУДН, 2004. 95 с.
249. Мартыненко Н.Э. Судимость как «иная мера уголовно-правового характера» // Правовые проблемы в теории и практике. Сб. научн. ст. М., 2007. Вып. 12. С. 76–78.

250. Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. М.: Изд-во МГУ, 1951. 208 с.
251. Международные акты о правах человека. Сб. документов. М., 1998. 84 с.
252. Момотов В.В. К проблеме исследования русского средневекового права // Современные проблемы правоведения. Сб. науч. тр. Краснодар, 1998. С. 16–19.
253. Назаренко Г.В. Уголовно-правовая квалификация законодательно измененной множественности преступлений // Современное общество и право. 2010. № 1. С. 66–68.
254. Наумов А. Совокупность в составных насильственных преступлениях: когда она есть и когда отсутствует // Уголовное право. 2014. № 5. С. 76–79.
255. Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. Ч. 1. М.: Юрлитинформ, 2014. 752 с.
256. Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. Ч. 2. М.: Юрлитинформ, 2014. 656 с.
257. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. 704 с.
258. Наумов А.В. Уголовное Уложение 1903 года (к 110-летию со дня принятия) // Вестник Российской правовой академии. 2013. № 2. С. 59–63.
259. Нейман И. Начальные основания уголовного права. СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1814.
260. Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб.: Русская книжная торговля, 1875. 200 с.
261. Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Части Общая и Особенная. Одесса: Изд. акционер. Южно-Русского о-ва, 1926. 368 с.
262. Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Части Общая и Особенная. Одесса: Изд. акционер. Южно-Русского о-ва, 1924. 374 с.

263. Немировский Э.Я. Учебник уголовного права. Общая часть. Одесса: Изд. акционер. Южно-Русского о-ва, 1919. 372 с.
264. Непомнящая Т.В., Степашин В.М. Проблемы назначения наказания. Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. 542 с.
265. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. 640 с.
266. Никифоров А.С. Совокупность преступлений. М.: Юридическая литература, 1965. 133 с.
267. Николаева З.А., Новоселов Г.П., Семернева Н.К. Множественность преступлений: квалификация и назначение наказания. Учебное пособие. Свердловск: Изд-во Свердловского юрид. института, 1990. 84 с.
268. Новиков В.А. Ответственность за стечение преступлений по законодательству Российской империи (XV–начало XX в.) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. С. 357–362.
269. Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники Российского уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2010. 216 с.
270. Ображиев К.В. Юридическая природа совокупности приговоров // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Вып. 3. Ставрополь, 2003. С. 174–177.
271. Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 520 с.
272. Овечкина Е.В. Административная преюдиция как средство криминализации и декриминализации в уголовном праве России // Закон и право. 2009. № 5. С. 50–53.
273. Овечкина Е.В. Возвращение к административной преюдиции: «за» или «против»? // Закон и право. 2008. № 2. С. 52–53.
274. Ораздурдыев А.М. Идеальное и реальное составное преступление // Вестник Саратовской государственной академии права. 2012. № 1 (83). С. 113–117.

275. Памятники русского права. Вып. 2. М.: Госюриздат, 1953. 442 с.
276. Памятники русского права. Вып. 7. М.: Госюриздат, 1963. 510 с.
277. Панько К.А. Вопросы общей теории рецидива в советском уголовном праве. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1988. 190 с.
278. Панько К.А. Рецидив в советском уголовном праве. Воронеж, 1983.
279. Пашковская А.В. К 150-летию Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Государство и право. М. 1995. № 11. С. 126–133.
280. Пинчук В.И. Множественность преступлений. Учебное пособие. СПб., 1999. 32 с.
281. Пионтковский А.А. Вопросы Общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов. М.: Госюриздат, 1954. 131 с.
282. Пионтковский А.А. Советское уголовное право. Общая часть. В 2 т. Т. 1. М.-Л., 1929.
283. Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Общая часть. М.: Гос. изд-во, 1925. 235 с.
284. Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М.: Госюриздат, 1961. 665 с.
285. Питецкий В.В. Квалификация преступлений при наличии составных норм. Красноярск: Изд-во СибФУ, 2009. 182 с.
286. Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / сост. и предисл. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М.: Инфра-М, 2015. 301 с.
287. Познышев С.В. Учебник уголовного права: Общая часть. Очерк основных начал общей и особенной части уголовного права. Т. 1. М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 300 с.
288. Познышев С.В. Учение о карательных мерах и мере наказания. М., 1908. 185 с.

289. Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Известия вузов. Правоведение. 1975. № 3. С. 71–79.
290. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. СПб.: Печатано в Типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 892 с.
291. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Т. 8. Отд. 1. СПб., 1834.
292. Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись и суздальская летопись по академическому списку. Воспроизведение текста изд. 1926–1928 годов. М., 1962.
293. Попов А.Н. Квалификация убийств при их множественности // Законодательство. 2002. № 5. С. 80–84.
294. Попов В.И. Возникновение и развитие понятия рецидива преступлений по русскому дореволюционному уголовному праву // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. 1971. Вып. 5. С. 143–158.
295. Правда Русская. Комментарии / под ред. Б.Д. Грекова. Л.: АН СССР, 1947. 862 с.
296. Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 году в Государственный Совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений. СПб., 1871. 875 с.
297. Проекты Уголовного Уложения 1754–1766 годов / под ред. А.А. Востокова; предисл. Н.Д. Сергеевского. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1882. С. 194–198.
298. Пудовочкин Ю.Е. Источники уголовного права Российской Федерации // Журнал Российского права. 2003. № 5.
299. Пудовочкин Ю.Е. Некоторые вопросы квалификации совокупности преступлений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. С. 363–370.

300. Пудовочкин Ю.Е. Признаки совокупности преступлений в современной судебной практике // Уголовное право. 2009. № 4. С. 54–59.
301. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении. Избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрлитинформ, 2010. 224 с.
302. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Лекции. М.: Юрлитинформ, 2009. 248 с.
303. Пусторослев П.П. Анализ понятия о преступлении. М.: Университетская типография, 1892. 123 с.
304. Рарог А.И. Новая трактовка института множественности преступлений // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние. Сборник научных трудов. Саратов, 2004. С. 166–170
305. Рарог А.И. Принцип системности и развитие уголовного законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Сб. материалов третьей Международ. научн.-практ. конф. М., 2006. С.3.
306. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М.: Юрист, 1995. 288 с.
307. Рожнов А.А. История уголовного права Московского государства (XIV–XVII вв.). М.: Юрлитинформ, 2012. 512 с.
308. Розенкампф. Обозрение Кормчей книги в историческом виде. М.: Университетская типография, 1829. 758 с.
309. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. 432 с.
310. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М.: Юридическая литература, 1985. 520 с.

311. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 3. Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1985. 512 с.
312. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1985. 512 с.
313. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е.И. Индова. М.: Юридическая литература, 1987. 528 с.
314. Савельева В.С. Основы квалификации преступлений. Учебное пособие. М.: Проспект, 2014. 80 с.
315. Самылина И.Н. Множественность преступлений. Учебное пособие. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2007. 194 с.
316. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / сост. А.А. Герцензон; под ред. И.Т. Полякова. М.: Госюриздат, 1953. 464 с.
317. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. В 15-ти тт. Т. 15. Законы уголовные. СПб., 1832. 560 с.
318. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Изд. 7-е. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 385 с.
319. Сидоренко Э.Л. «Очаговая приоритетность» как феномен российской уголовной политики // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 2 (14). С. 7–14.
320. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в российском уголовном праве: проблемы квалификации // Мировой судья. 2016. № 3. С. 28–34.

321. Сидоренко Э.Л. Квалификация совокупности преступлений, совершаемых с применением оружия // Библиотека криминалиста. научный журнал. 2015. № 4 (21). С. 80–85.
322. Сидоренко Э.Л. Особенности квалификации преступлений преюдиционного характера // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 60–66.
323. Скорняков А.В. Оптимизация института совокупности преступлений. Белгород: ИД «Белгород», 2012. 172 с.
324. Советское уголовное право. Части Общая и Особенная. Учебник / Шаргородский М.Д., Кадсон З.Р., Красильников М.В. и др. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 224 с.
325. Советское уголовное право. Часть общая. М.: Юридическая литература, 1964.
326. Солнцев Г. Российское уголовное право. Казань, 1820 / под ред. Г.С. Фельдштейна. Ярославль, 1907. 218 с.
327. Соловьев А.Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1958. 203 с.
328. Солодкин И.И. Очерки из истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. 169 с.
329. Становский М.Н. Назначение наказания. СПб.: Юридцентр Пресс, 1999. 480 с.
330. Становский М.Н. Проблемы множественности преступлений // Вестник Новгородского государственного университета. 2000. № 16.
331. Ступин М. История телесных наказаний в России от Судебников до настоящего времени. Владикавказ: Тип. Тер. обл. правл., 1887. 148 с.
332. Таганцев Н.С. О повторении преступлений. СПб.: Журн. мин. юстиции, 1867. 296 с.
333. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994. 380 с.

334. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. Изд. 2-е., пересмотр. и доп. СПб., 1902. 656 с.
335. Тенчов Э.С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь // Советское государство и право. 1986. № 8.С. 60–66.
336. Толкаченко А.А. Некоторые постановочные вопросы квалификации совокупности преступлений) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. С. 371–373.
337. Трайнин А.Н. Уголовное право. Общая часть. М., 1929. 511 с.
338. Тулиглович М.А. Процессы самоорганизации в применении института множественности преступлений: законодательные и судебные компромиссы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. С. 374–379.
339. Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик. В 2 т. Т. 1 / отв. ред. Ф.И. Калинычев. М.: Госюриздат, 1963. 879 с.
340. Уголовное право на современном этапе: Проблемы преступления и наказания / под ред. Н.А. Беляева и др. СПб., 1992. 606 с.
341. Уголовное право России. Общая часть. Т. 1 / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 2000. 412 с.
342. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб, 2006. 1064 с.
343. Уголовное право России. Учебник для вузов. В 2 т. Т. 1 Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М.: Норма, 2000. 639 с.
344. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2015. 1184 с.
345. Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1978. 309 с.
346. Уголовное право. Общая часть / ред. А.А. Герцензон, Б.С. Ошерович, А.А. Пионтковский. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 331 с.

347. Уголовное право. Общая часть: Учебник. Издание второе переработанное и дополненное / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. 560 с.
348. Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изм. на 15 января 1956 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М.: Юридическая литература, 1956. 183 с.
349. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. 992 с.
350. Уложение уголовное. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб: Типография Министерства внутренних дел, 1903. 315 с.
351. Фейербах П.А. Уголовное право. СПб.: Медицинская тип., Тип. Гос. Комерц-коллегии, Тип. Имп. Воспит. дома, 1810. 616 с.
352. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М.: Зерцало, 2003. 542 с.
353. Феоктистов М.В. Законодательная регламентация института множественности преступлений и проблемы ее оптимизации // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 3 (7). С. 101–110.
354. Филимонов В.Д. Ответственность за рецидив по уголовному праву эксплуататорского государства // Труды Томского университета. Сборник работ юридического факультета. Томск, 1959. С. 126–140.
355. Филимонов В.Д. Правовой институт–основное звено в системе уголовного права // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права (31 мая–1 июня 2007 года). М.: ТК Велби, Проспект, 2007.
356. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М.: Городец, Добросвет-2000, 2000. 464 с.
357. Фокс В. Введение в криминологию / перевод с английского под ред. В.М. Когана, Б.С. Никифорова. М.: Прогресс, 1980.

358. Фролов Е.А., Галиакбаров Р.Р. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права. Свердловск, 1967. 20 с.
359. Хисматуллина Ю.Р. Совокупность преступлений: история развития и проблемы соотношения идеальной и реальной совокупности // Сибирский юридический вестник. 2003. № 2. С. 83–86.
360. Хлупина Г.Н., Шишко И.В. Квалификация составных преступлений в практике Верховного Суда РФ // Современные проблемы уголовного права и уголовного процесса. В 2-х томах: Материалы международной научно-практической конференции (Красноярск, 26–27 сентября 2002 г.). Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2003. Т. 1. С. 116–126.
361. Частная криминология. Учебник / под ред. Д.А. Шестакова. СПб: Юридцентр Пресс, 2007.
362. Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. М.: Наука, 1981. 280 с.
363. Черненко Т. Формы множественности преступлений // Уголовное право. М.: АНО «Юридические программы», 2008, № 4. С. 54–58.
364. Черненко Т. Формы множественности преступлений и их отражение в квалификации преступлений // Уголовное право. М.: Интел-Синтез, 2000, № 4. С. 40–43.
365. Черненко Т.Г. Квалификация совокупности преступлений // Вестник Омского университета. 2014. № 1 (38). С. 148–162.
366. Черненко Т.Г. Назначение наказания при множественности преступлений. Учебное пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. Кемерово: Изд-во Кемер.ун-та, 2005. 92 с.
367. Чернова Т.Г., Малков В.П. Назначение наказания по совокупности приговоров // Российская юстиция. 2001. №8. С. 68–69.
368. Чикин Д.С. Преступление с административной преюдицией как вид сложного единичного преступления // Российский следователь. 2012. № 23. С. 17–18.

369. Чубарев В.Л. Многообразная преступная деятельность и уголовный закон // Государство и право. М.: Наука, 1992, № 12. С. 71–79.
370. Чучаев А.И., Буранов Г.К. Рецидив преступления и наказание // Журнал Российского права. М.: Норма, 2000, № 12. С. 32–44.
371. Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. М.: Высшая школа, 1970. 207 с.
372. Шимановский М.В. О значении свода законов Российской империи для науки и жизни (Речь тов. пред. Одес. юрид. о-ва М.В. Шимановского, произнес. в торжеств. заседании 11 февр. 1889 г., посвящ. памяти гр. М.М. Сперанского). Одесса, 1889. 91 с. [Электронный ресурс]: Режим доступа <http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=50258>
373. Шкредова Э.Г. Институт множественности преступлений по уголовному законодательству России и Украины // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 93–99.
374. Шкредова Э.Г. Множественность преступлений в период становления советского уголовного законодательства // Современное право. 2008. № 6. С. 104–111.
375. Шкредова Э.Г. Множественность преступлений по уголовному законодательству и доктрине начала XX века // Современное право. М.: Новый Индекс, 2007, № 2. С. 91–93.
376. Шкредова Э.Г. Множественность преступлений по уголовному законодательству стран СНГ. Учебное пособие. Смоленск: Универсум, 2005. 216 с.
377. Шкредова Э.Г. Множественность преступлений: исторический аспект. М.: Юрлитинформ, 2011. 184 с.
378. Шкредова Э.Г. Проблемы применения института множественности преступлений в судебной практике: пути решения // Научные труды РАЮН. В 3-х томах. М.: Юрист, 2003, Вып. 3. Т. 2. С. 679–687.
379. Шкредова Э.Г. Современное состояние института множественности

- преступлений // Современное право. 2004. № 10. С.62–66.
380. Шкредова Э.Г. Формирование и трансформация института множественности преступлений в российском уголовном законодательстве.[Электронный ресурс]: Режим доступа http://library.shu.ru/publications_skred.shtml (дата обращения 27.11.2011)
381. Шкредова Э.Г. Формирование норм о множественности преступлений в рамках некодифицированного уголовного законодательства России (X–XVIII вв.) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3. С. 185–187.
382. Шкредова Э.Г. Формы множественности преступлений в современной уголовно-правовой доктрине // Журнал российского права. 2012. № 9. С.50–54.
383. Шутов Ю.И. Некоторые вопросы уголовного рецидива // Вопросы государства и права. Свердловск, 1964. С. 111–114.
384. Щепельков В. Проблемы конструирования института множественности преступлений // Уголовное право. М.: Интел-Синтез, 2001. № 1. С. 42–46.
385. Энгельгардт А. Совершение двух и более преступлений в отсутствие совокупности // Уголовное право. М.: АНО «Юридические программы», 2012. № 3. С. 79–82.
386. Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 1. Понятие уголовного права / под ред. В.Б. Малинина. 2-е изд. СПб: Изд. проф. Малинина, 2008. 734 с.
387. Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 3. Понятие преступления / отв. ред. В.Б. Малинин. СПб: Изд. проф. Малинина, 2005. 522 с.
388. Эстрин А.Я. Уголовное право СССР и РСФСР. 3-е изд., испр. и доп. М.: Советское законодательство, 1931. 136 с.
389. Южанин В.Е., Армашова А.В. Проблемы рецидива преступлений и ответственности за него по уголовному праву России. М.: Юрлитинформ, 2007. 192 с.

390. Юшков С.В. Русская Правда: происхождение, источники, ее значение. М.: Госюриздат, 1950. 380 с.
391. Юшков Ю.Н. Назначение наказания по совокупности преступлений и приговоров. М.: Юридическая литература, 1975. 88 с.
392. Яковлев А.М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1960. 119 с.
393. Якубович М.И., Кириченко В.Ф. Советское уголовное право (Общая и Особенная части). Учебник / под ред. В.Д. Меньшагина. М.: Госюриздат, 1958. 515 с.
394. Якушев А.Н. Магистерские и докторские диссертации по уголовному праву университетов Российской империи: библиография, оглавления, положения и выводы. Ставрополь, 2006. 189 с.
395. Ямашева Е.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. № 10. С.69–79.

Диссертации и авторефераты диссертаций

396. Аржаная К.В. Криминологическая характеристика современной рецидивной преступности и ее предупреждение. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 24 с.
397. Архипов И.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (предпосылки, история создания, государственно-правовой анализ). Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1990. 23 с.
398. Асланян М.М. Рецидив преступлений как легальная форма профессиональной преступности. Диссертация ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 23 с.
399. Боева О.Ю. Множественность преступлений, совершаемых в сфере экономики (понятие, виды, типичные ситуации, квалификация, ответственность). Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. 29 с.

400. Бойко А.И. Системная среда уголовного права. Автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 49 с.
401. Борисенко Е.А. Назначение наказания при множественности преступлений (ст. 68, 69 УК РФ). Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 27 с.
402. Бытко Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве: история и современность. Автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 1998. 37 с.
403. Ваганов А.Б. Криминологическая характеристика пенитенциарной преступности и ее профилактика. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 30 с.
404. Васильева Е.Г. Формы множественности преступлений по действующему уголовному законодательству. Диссертация ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. 161 с.
405. Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования. Автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2011. 60 с.
406. Гулиева Н.Б. Составные преступления в российском уголовном праве. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 23 с.
407. Зинченко И.А. Составные преступления в советском уголовном праве (понятие, виды, некоторые проблемы квалификации и построения санкций). Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1990. 26 с.
408. Кайсин Д.В. Источники уголовно-правовой системы Российской Федерации. Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 2005. 184 с.
409. Калашникова А.И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: концептуальный подход и общая характеристика. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009. 26 с.
410. Калинина Т.А. Формы и виды единичного преступления и их отграничение от множественности преступлений. Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 2005. 159 с.

411. Коломытцев Н.А. Борьба с особо опасным рецидивом преступлений: теория и практика. Диссертация ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 596 с.
412. Красиков Ю.А. Множественность преступлений: социальная сущность и проблемы уголовной ответственности. Диссертация ... д-ра юрид. наук в форме научн. докл., выполняющего также функции автореферата. М., 1989. 47 с.
413. Ларина Л.Ю. Совокупность преступлений: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011. 24 с.
414. Малков В.П. Множественность преступлений по советскому уголовному праву. Автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1974. 31 с.
415. Молчанов Д.М. Совокупность преступлений. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 35 с.
416. Некрасов А.П. Пенитенциарный рецидив в исправительных учреждениях: теория исследования и меры противодействия. Диссертация ... д-ра юрид. наук. СПб, 2005. 436 с.
417. Петров Д.Е. Отрасль права. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 30 с.
418. Петухов Р.Б. Множественность преступлений по Уголовному кодексу РФ. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 17 с.
419. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. Автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 46 с.
420. Попов В.И. Рецидив преступлений: состояние, тенденции, предупреждение. Диссертация ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада и выполняющего функции автореферата. М., 1998. 51 с.

421. Рогова Н.Н. Совокупность преступлений: вопросы теории и практики. Диссертация ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 167 с.
422. Романюк С.Н. Сложные единичные преступления. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. 22 с.
423. Савин В.В. Назначение наказания при множественности преступлений. Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 2003. 212 с.
424. Санинский Р.А. Теоретико-законодательные и правоприменительные аспекты множественности преступлений. Диссертация ... канд. юрид. наук. СПб, 2004. 221 с.
425. Сорокин А.И. Множественность преступлений и ее уголовно-правовая оценка. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 29 с.
426. Спивак С.Г. Назначение наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 32 с.
427. Ткешелиадзе Г.Т. Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному праву. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Тбилиси, 1961. 25 с.
428. Урчуков В.М. Совокупность приговоров по Российскому уголовному праву. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008. 26 с.
429. Феоктистов М.В. Ответственность особо опасных рецидивистов по уголовному законодательству Российской Федерации. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1996. 31 с.
430. Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. Диссертация ... д-ра юрид. наук. Кемерово, 2001. 367 с.
431. Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981. 280 с.

432. Чикин Д.С. Сложные единичные преступления (уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования). Диссертация .. канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 189 с.
433. Шаутаева Г.Х. Судимость в уголовном праве и ее правовое значение. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2000. 29 с.
434. Швец Е.Н. Совокупность преступлений: понятие, виды, наказуемость. Диссертация ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 149 с.
435. Шевченко В.Ф. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика рецидивной преступности (на материалах Санкт-Петербурга). Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. 22 с.
436. Щербаков С.В. Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения. Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 2009. 169 с.
437. Юшков Ю.Н. Множественность преступных деяний (вопросы квалификации преступлений и назначения наказания). Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 27 с.

Приложение 1. Динамика множественности преступлений (в осужденных лицах)

год	осуждено лиц (всего)	имели неснятые и непогашенные судимости на момент судебного разбирательства:			ранее были осуждены (из числа лиц, имевших судимость на момент судебного разбирательства):			по последней судимости:			признаны совершившими преступления:			из лиц, ранее юридически несудимых:		впервые совершили два и более преступления	в том числе – назначено наказание выше верхнего предела		
		Всего	2	3 и более	в несовершеннолетних возрасте	только за неотсужденные преступления	только к мерам наказания с лишением свободы	отбыли наказание полностью	освобождены от отбывания наказания досрочно	не отбыли наказания	при наличии рецидива	в том числе:			судимости сняты и погашены		освобождены от ответственности (наказания) по нереабилит. основаниям	по совокупности преступлений	по совокупности приговоров
												при рецидиве	при опасном рецидиве	при особо опасном рецидиве					
2000	1183631	260045	43831	6720	50650	2339	73558	123208	35791	101046	163321	73799	72515	17007	154440	10663	76572	1900	4283
2001	1244211	256614	47927	7552	44889	1953	56997	108861	69388	78365	174074	72122	78577	23395	191524	17545	71764	1965	4166
2002	860140	196219	40817	6907	31107	1401	46439	69993	56749	69477	138379	57658	58507	22214	128500	12632	46896	1656	4244
2003	767372	188219	39241	7339	37700	1240	45309	61623	55311	71285	126172	59843	56915	19414	105984	9603	40652	1582	4430
2004	777225	199973	37894	8937	38039	1306	49848	64312	53037	82624	108222	78810	24816	4596	107292	8252	45253	2001	5738
2005	873331	243945	48766	14486	44913	1732	61089	77621	62652	103672	116981	88782	24690	3509	113910	9615	54432	2567	8624
2006	909853	257298	53229	19235	40997	1577	67140	83406	63188	110704	120633	92822	23839	3972	115452	11411	58626	3709	10593
2007	916566	255953	55233	22854	39592	1517	76510	87456	58327	110170	116874	90008	21851	4025	109323	13166	61440	3876	10910
2008	925166	260711	62611	22904	20685	1672	50719	85499	57528	117684	116961	93369	19499	4093	104493	12778	63169	19099	20039
2009	892361	270898	68393	29523	14543	1421	48092	93071	55236	122591	127480	102475	20192	4812	99513	10748	56932	24613	22219
2010	845071	267594	68428	38735	23205	1603	55058	97083	51719	118792	133006	107396	20012	5598	95208	9822	54598	1142	5561
2011	787274	260008	65875	42609	19993	1565	60264	100390	47916	111702	134145	109841	18612	5692	88490	8560	49991	403	2727
2012	739278	254280	64803	46931	8296	1577	69688	107592	44011	102676	131102	107099	18133	5870	83269	7869	45597	262	2324
2013	735590	255207	62273	49487	15046	1738	81830	109287	40033	105887	128474	104409	17706	6359	78954	7582	44430	262	2348
2014	719305	246847	58372	48260	11827	1658	84509	110864	34383	32654	128813	98954	18251	6608	76069	7527	41969	233	1718
2015 (6 м)	348613	119616	27542	23215	5101	702	42048	55469	14738	49409	61271	48611	9209	3451	36888	3824	20916	119	732

**Приложение 2. Социально-криминологическая характеристика множественности преступлений
(в осужденных лицах)**

год	осуждено лиц, имеющих судимость	в том числе:		совершили преступление:						
		женщин	несовершеннолетних	в сельской местности	неоконченное преступление	неосторожное преступление	в группе		в состоянии алкогольного опьянения	в состоянии наркотического и иного опьянения
							всего	в т.ч. в организованной		
2000	260045	15716	19491	80147	18056	1275	111822	655	114838	3545
2001	256614	16124	15316	73174	17467	1474	96554	580	110692	4033
2002	196219	10435	8101	54745	10720	1934	68875	440	95543	3217
2003	199219	10454	13913	51018	10269	1916	62195	389	91949	2724
2004	199973	11154	17439	58694	12263	1174	64250	396	93055	1589
2005	243945	15143	21068	69479	15890	1198	72108	475	104105	1675
2006	257298	17925	17123	71543	17988	1252	66116	533	102832	2036
2007	255953	19549	16427	70021	22136	1271	59905	562	93294	2317
2008	260711	23654	16550	69434	25996	1180	52204	898	85759	2371
2009	270898	26765	14162	70466	26402	1419	47795	815	85886	2333
2010	267594	27392	11258	69135	25764	1592	44800	843	80537	2431
2011	258301	26919	8895	67434	С 2011 года не отражается в статистических формах	1552	44645	1094	75287	2601
2012	254280	27709	7712	65971		1577	37548	929	73765	2874
2013	250344	28539	7271	65456		1805	33315	880	74324	2356
2014	241765	25911	4446	62426		1628	30200	872	61673	2960
2015 (6 м)	116641	12989	2556	29797		682	14203	491	36896	1223

Приложение 3. Структура преступности ранее судимых лиц (исходя из категории преступления)

год	из числа осужденных лиц, имеющих неснятые и непогашенные судимости, совершили преступления:			
	небольшой тяжести	средней тяжести	тяжкие	особо тяжкие
2000	20394	34778	179203	25661
2001	25312	37844	164829	28626
2002	24988	32415	112250	26567
2003	24571	45007	92885	25758
2004	39062	76681	69477	14753
2005	52385	93243	81906	16411
2006	62992	97248	80266	16792
2007	66890	97664	75356	16043
2008	75793	98784	70215	15675
2009	79727	102838	72055	16270
2010	82051	101082	68777	15684
2011	81440	99338	64198	15032
2012	84308	98802	61622	13477
2013	108132	77020	57146	12909
2014	107217	71473	55398	12859
2015 (6 м)	52438	34752	26272	6154

Приложение 4. Анкета для опроса сотрудников правоохранительных органов, судов и научных работников

Верным ли будет утверждение, что множественность преступлений—есть самостоятельный институт уголовного права?

А) да—96%

Б) нет—4%

Как институт уголовного права множественность преступлений включает в себя нормативные предписания:

А) о совокупности и рецидиве (ст. 17, 18 УК РФ)—20%

Б) о преступлении (ст. 17, 18 УК РФ) и наказании (ст. 68, 69, 70 УК РФ)—68%

В) о преступлении, о наказании и о всех иных последствиях совершения множества преступлений (ч. 5 ст. 35, ст. 58, ч. 2 ст. 60, ч. 1 ст. 63, ч. 3 ст. 65, ч. 4, 5, 6 ст. 74, ст. 75, ст. 76, ч. 2 ст. 78, ч. 5, 7 ст. 79, ч. 5 ст. 82, ч. 6.2 ст. 88 УК РФ)—12%

Считаете ли Вы целесообразным выделении предписаний о понятии и видах множественности преступлений в самостоятельную главу уголовного закона (к примеру, Глава 3.1 УК РФ)

А) да—78%

Б) нет—22%

Считаете ли Вы необходимым закрепить в законе общее понятие множественности преступлений

А) да 37%

Б) нет 63%

Отметьте наиболее существенные, на Ваш взгляд, пробелы в

нормативной регламентации множественности преступлений

А) не детализированы критерии отграничения множественности преступлений от единичного сложного преступления—86%

Б) не дана четкая классификация видов совокупности преступлений—46%

В) представлены далеко не все правила квалификации совокупности преступлений—79%

Г) не определен момент осуждения лица—59%

Д) не решен вопрос о правовом значении осуждения за преступление по приговору иностранного государства—75%

Е) не сформулировано понятие «простой» рецидив—38%

Ж) не определена последовательность учета правил назначения наказания при рецидиве и наличии иных специальных обстоятельств, например, неоконченного преступления, заключения соглашения о сотрудничестве, наличии некоторых смягчающих обстоятельств и др.—84%

З) не решен вопрос о согласовании и порядке последовательного применения положений ст. 69 УК РФ и статей 73, 79, 80 УК РФ—76%

И) не согласованы положения закона о рецидиве преступлений и возможности распространения правил об ответственности несовершеннолетних на лиц в возрасте от 18 до 20 лет—39%

К) иное (среди этих факторов отмечались в единичных случаях: невозможность признания рецидива в случае совершения преступления несовершеннолетним, отсутствие правил назначения наказания при рецидиве в случае квалификации преступления по признаку его совершения ранее судимым лицом, одинаковые правила назначения наказания при различных видах рецидива и др.)

По Вашему мнению, отказ от неоднократности как формы множественности

А) был необоснованным—16%

Б) был не в полной мере обоснованным—62%

В) был обоснованным—12%

Можно ли, на Ваш взгляд, отказаться от специальных правил назначения наказания по совокупности приговоров и применять к таким ситуациям правила назначения наказания по совокупности преступлений

А) да 45%

Б) нет—55%

Потребность в увеличении наказания при рецидиве преступления определяется

А) особенностью рецидивного преступления. Которое является более опасным—56%

Б) особенностями личности преступника, который является более опасным—44%

Что, на Ваш взгляд, имеет наиболее существенное значение в детерминации рецидивной преступности

А) специфические особенности личности виновного—54%

Б) просчеты и недостатки в работе правоохранительных и пенитенциарных органов—67%

В) просчеты и недостатки в работе органов социальной защиты, медицинских, психологических и иных учреждений по реабилитации и поддержки бывших осужденных—69%

Судимость представляет собой

А) особое правовое состояние лица, осужденного за преступление—92%

Б) меру правового характера—8%

**Правильным ли будет считать, что рецидив должны образовывать
лишь тождественные преступления**

А) да—45%

Б) нет—55%

**Считаете ли Вы, что вид рецидива должен дифференцированно
влиять на минимальное наказание, как это было предусмотрено в
первоначальной редакции УК РФ**

А) да—68%

Б) нет—32%

Приложение 5. Проект закона о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации

Закон о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации

Статья 1. Внести в Уголовный кодекс Российской Федерации следующие изменения:

1. Исключить из Уголовного кодекса статью 17 и статью 18.

2. Дополнить Уголовный кодекс Главой 3.1 следующего содержания:

Глава 3.1. Множественность преступлений

Статья 18.1 Понятие множественности преступлений

1. Множественностью преступлений признаются такие предусмотренные настоящим законом случаи совершения одним лицом двух или более преступлений, при которых у суда возникает необходимость определить этому лицу срок, размер и порядок отбывания итогового наказания.

2. Множественностью преступлений признается совершение и одного деяния, содержащего признаки двух или более преступлений, предусмотренных настоящим Кодексом.

3. При множественности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи настоящего Кодекса.

Статья 18.2 Обстоятельства, исключающие множественность преступлений

1. Совершение лицом двух преступлений не образует множественности преступлений, если по одному из них: истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, погашена или снята судимость, лицо было освобождено от уголовной ответственности или от уголовного наказания,

лицо было осуждено по приговору суда иностранного государства, имеются уголовно-процессуальные препятствия для возбуждения уголовного дела.

2. Если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, множественность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме.

3. Если одно, менее опасное преступление предусмотрено в статье Особенной части настоящего кодекса в качестве способа совершения другого, более опасного преступления, множественность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает за более опасное преступление.

4. Если приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению содержит в себе признаки преступления небольшой или средней тяжести, множественность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает только за приготовление к преступлению.

5. Если совершение преступления в отношении двух или более лиц предусмотрено в статье Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего назначение более строгого наказания, множественность преступлений отсутствует.

6. Тождественные действия, направленные на причинение вреда одному объекту, совершаемые с единой целью и небольшим промежутком во времени, не образуют множественности преступлений.

Статья 18.3 Виды множественности преступлений

1. Видами множественности преступлений признаются:

а) совершение лицом двух или более преступлений, ни за одно из которых оно не было осуждено;

б) совершение нового преступления лицом, не отбывшим наказание, назначенное за ранее совершенное преступление.

3. Исключить из Уголовного кодекса статью 68 и статью 70.

4. Дополнить Уголовный кодекс главой 10.1 следующего содержания

Глава 10.1 Рецидивист

Статья 74.1 Понятие рецидивиста

1. Рецидивистом по приговору суда может быть признано лицо, которое имея судимость за ранее совершенное умышленное преступление, вновь совершает такое же умышленное преступление.

2. При признании лица рецидивистом не учитываются:

а) судимости за умышленные преступления небольшой тяжести;

б) судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет;

в) судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, а также судимости, снятые или погашенные в порядке, установленном статьей 86 настоящего Кодекса.

3. Суд, рассматривая вопрос о признании лица рецидивистом, учитывает личность виновного, характер и степень общественной опасности совершенных преступлений, другие обстоятельства дела.

4. Признание лица рецидивистом отменяется при погашении или снятии с него судимости.

Статья 74.2 Назначение наказания лицу, признанному рецидивистом

1. Назначая наказание лицу, признанному рецидивистом, суд учитывает положения статей 60–67 настоящего Кодекса, а также обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным.

2. Срок наказания рецидивисту не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса.

Статья 74.3 Назначение наказания лицу, не признанному рецидивистом

При отсутствии оснований для признания лица рецидивистом, суд может признать совершение преступления лицом, имеющим судимость, отягчающим наказание обстоятельством.

5. Пункт п. «а» части 1 статьи 63 Уголовного кодекса изложить в следующей редакции:

«а) совершение преступления лицом, имеющим судимость;»

6. Статью 69 Уголовного кодекса изложить в следующей редакции:

Статья 69. Назначение наказания при множественности преступлений

1. При множественности преступлений наказание назначается отдельно за каждое совершенное преступление.

2. Если все преступления, образующие множественность, являются преступлениями небольшой или средней тяжести, либо приготовлением к тяжкому или особо тяжкому преступлению, либо покушением на тяжкое или особо тяжкое преступление, окончательное наказание назначается путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем частичного или полного сложения назначенных наказаний. При этом окончательное наказание не может превышать более чем наполовину максимальный срок или размер наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений.

3. Если хотя бы одно из преступлений, входящих в множественность, является тяжким или особо тяжким преступлением, то окончательное наказание назначается путем частичного или полного сложения наказаний. При этом окончательное наказание в виде лишения свободы не может превышать более чем наполовину максимальный срок наказания в виде лишения свободы, предусмотренный за наиболее тяжкое из совершенных преступлений.

4. При множественности преступлений к основным видам наказаний могут быть присоединены дополнительные виды наказаний. Окончательное дополнительное наказание при частичном или полном сложении наказаний не может превышать максимального срока или размера, предусмотренного

для данного вида наказания Общей частью настоящего Кодекса.

5. По тем же правилам назначается наказание, если после вынесения судом приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора суда по первому делу. В этом случае в окончательное наказание засчитывается наказание, отбытое по первому приговору суда.

6. При назначении наказания лицу, совершившему новое преступление до отбытия наказания, назначенного за ранее совершенное преступление, к наказанию, назначенному по последнему приговору суда с учетом положений Главы 10.1 настоящего Кодекса, частично или полностью присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору суда.

7. Статью 96 Уголовного кодекса дополнить частью второй следующего содержания:

«В исключительных случаях с учетом характера совершенного деяния и личности суд может не признать лиц в возрасте от восемнадцати до двадцати лет рецидивистами».

8. Исключить из Уголовного кодекса часть 5 статьи 131, часть 5 статьи 132, часть 6 статьи 134, часть 5 статьи 135, часть 2 статьи 204.2, часть 2 статьи 291.2.

9. Абзац 1 части 1 статьи 117 Уголовного кодекса изложить в следующей редакции:

«1. Причинение физических или психических страданий путем систематического применения насилия либо иными насильственными действиями, если это не повлекло за собой последствий, указанных в статьях 111 и 112 настоящего Кодекса,—наказывается».

Приложение 6. Структура института множественности преступлений

